ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК
АРБАН САЕШ
СЕРГЕЙ МАЛИЦКИЙ
МИССИЯ ДЛЯ ЧУЖЕЗЕМЦА

Сергей Малицкий

Миссия для чужеземца

Серия «Арбан Саеш», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127899
Миссия для чужеземца: Армада, Альфа-книга; М.:; 2006
ISBN 5-93556-755-5

Аннотация

Молодой парень не подозревает о собственных способностях и талантах и ничего не знает о необыкновенном предке, кровь которого течет в его жилах. Но однажды в его доме появляется демон. К несчастью, он не испытывает к землянину ничего, кроме ненависти…

Содержание

Часть первая 4
Глава 1 6
Глава 2 23
Глава 3 37
Глава 4 48
Глава 5 64
Глава 6 88
Глава 7 106
Глава 8 126
Глава 9 152
Глава 10 183
Конец ознакомительного фрагмента. 200

Сергей Малицкий
Миссия для чужеземца

Часть первая
УЙКЕАС

Со стороны невидимых гор подул ветер. Черные облака полетели на край неба. Стена травы вздрогнула, и серая, словно посыпанная пеплом, волна побежала к лесу. От реки потянуло терпким запахом лугового ореха. В воздух поднялись треугольники семян ночного белокрыльника и понеслись вслед за облаками. Все живое в лесу и на лугу спряталось и замерло, парализованное страхом.

Огромная волчица мелькнула среди деревьев и нырнула в траву. Стебли хлестнули по морде. Шкура намокла. Приятная свежесть пробежала по животу. Она упала и перекатилась с боку на бок. В желудке заурчало. Неосторожный охотник был не лучшей добычей, но сытость наступила. Жаль, что они почти сразу умирают. Жаль, что не видят, как она их поедает. Может быть, надо начинать с ног, а не с горла? Волчица сглотнула кровавую слюну и вдруг замерла. Следующая жертва?

Она ловила эмоции как запахи. Чаще всего тревогу, страх,

ужас, беспомощность. Но не теперь. Неизвестный не боялся. Неприятное удивление переполняло его, но не страх. Волчица медленно согнула мощные лапы и прижалась к почве. Ни звука не раздавалось вокруг, и все-таки кто-то был рядом. Ну не глупая же трава коснулась ее своею мыслью! Волчица напряглась, рванулась к источнику брезгливости и вдруг поняла! Чужой в ней! Забрался внутрь и смотрел ее глазами! Поймать! Поздно…

Присутствие стерлось. Еще мгновение, ловя улетающее сознание, волчица видела его глазами луг, себя, напряженную и черную на вытоптанной траве, и вот все исчезло. Неужели кто-то сумел вторгнуться в нее и так легко ушел?! Волчица подняла морду и, захлебываясь ненавистью, огласила ночь воем, от которого у случайного путника, окажись он ближе, чем в полудне пути, неминуемо бы помутился рассудок. Если бы сердце выдержало. Но вой затих, и только прояснившееся черное небо смотрело на опустевший луг глазами двух лун. Красной и лиловой.

Глава 1
КНИГА

– Рядовой Арбанов!

– Я!

– Ко мне!

– Есть!

Молодой солдатик в высоленной потом форме, кирзовых ботинках и обвисшей панаме показательно бодро пробежал по песку и вытянулся перед вылезшим из раскаленного уазика офицером.

– Товарищ майор, рядовой Арбанов по вашему приказанию прибыл!

Майор снял фуражку, вытер серым носовым платком слипшиеся от жары волосы, вернул головной убор на место, поправил, приложив ладонь к переносице. Медленно, с нескрываемым сожалением оглядел солдата, перевел взгляд на отвалы песка, на брошенную беспомощную лопату, на огромный сверток зеленой маскировочной сети, на замершую у бархана разлапистую пусковую установку и побрел в сторону штабного кунга, бросив через плечо:

– Собирайся. Через пять минут выезжаем. Сначала в часть. Вечером поезд. Домой поедешь. В отпуск. Телеграмма тебе пришла. В штабе она.

– Есть? собираться!

Солдатик неуверенно развернулся и побежал к машине, чтобы вернуться через несколько секунд с тощим вещевым мешком, противогазом, автоматом и свернутой в серую баранку шинелью.

Из уазика вывалился вялый тонкокостный ефрейтор в выгоревшем до белизны хэбэ и распластался в крошечном обрывке тени у переднего колеса. Арбанов, позвякивая амуницией, присел на колени.

– Слышишь, земляк?

– Тсс! – приложил палец к губам ефрейтор.

– Саранча стрекочет! – отмахнулся Арбанов. – Что за телеграмма?

– Весна! – Ефрейтор мечтательно надвинул на глаза панаму. – Саксаул цветет! Кузнечики порхают! Скоро дембель!

– Скоро, скоро, – согласился Арбанов. – Кому скоро, а кому не очень скоро. Что за телеграмма? Что случилось?

– Отстань ты от меня, дух, – лениво проговорил пересохшими губами ефрейтор. – У тебя вода есть?

– Есть.

– Дай-ка. – Ефрейтор протянул руку и, ощутив в ладони приятную тяжесть зашитой в суконный чехол фляжки, начал откручивать пробку.

Вдалеке послышался шум. Арбанов обернулся. Понукаемые рассвирепевшим майором, торопливо застегивая форму, из-под шестьдесят шестого выбирались трое сержантов во главе с заспанным лейтенантом-двухгодичником.

– Позавчера зампотыл на вторую батарею ездил. – Ефрейтор зевнул, отдавая опустевшую фляжку и наблюдая за построением возле машины. – Жара… смертельная. А у них с водой задержка. Так вот, пока то да се, духи из радиатора всю воду высосали. И водила тот, еще салабон, поехал, не посмотрел. Через сто метров движок стуканул. Так вот зампотыл прямо там водилу чуть не грохнул. Хорошо еще, духи не успели морды умыть. По ржавчине на щеках вычислили.

– Неприятности у ребят, – заметил Арбанов.

– Это у тебя неприятности, – вяло прокомментировал ефрейтор показанный Арбанову из строя распекаемых солдат кулак. – Совсем ты нюх потерял. Приближение начальства влечет поднятие личного состава по тревоге при любых обстоятельствах! Тебе что, сержант не объяснял?

– Нет, – удивился Арбанов.

– Ну так объяснит еще. – Ефрейтор вновь надвинул на глаза панаму. – Загружайся. Майор ваш расчет уже отымел. Ты свое после получишь. Повезло тебе, земляк.

– Ну, готов? – спросил подошедший майор, вторично снимая фуражку и вытирая мокрую голову. – Вода есть?

Арбанов подал фляжку. Майор отвинтил пробку, допил остатки воды, покосился на усевшегося с бравым видом за руль ефрейтора.

– Этот хмырь, что ли, высосал? Смотри, одна фляжка до обеда, хотя… Слушай.

Он подошел еще на шаг к вытянувшемуся по стойке

«смирно» Арбанову, взял его за плечи, сжал, сминая скатку шинели, тряхнул так, что звякнула ложка о котелок в вещмешке, уперся в лицо жесткими бесцветными глазами.

– Ты, рядовой Арбанов, будь мужиком. Все через это прошли или пройдут. Никого не минует. Дай руку.

Арбанов отпустил ремень автомата и протянул ладонь. Майор сложил его пальцы в кулак, прикрыл сверху своей ладонью.

– Как тебя зовут? Сашка? Ну-ка сожми крепче кулак, Сашка Арбанов. Еще крепче! Еще! Вот так! Держись, парень. Мать у тебя умерла…

Сашка ехал на верхней полке обшарпанного плацкартного вагона. Что-то оборвалось внутри и застыло. По узкому проходу пробирались озабоченные дехкане с узлами, в соседнем купе орали пьяные песни запоздавшие афганские дембеля. Пожилая узбечка в цветастом халате тыкала его в бок сухой рукой, приглашая спуститься к накрытому столу, на котором лежали лепешки, сыр, сушеная дыня, еще что-то. Сашка отрицательно мотал головой, поворачивался на бок и смотрел через пыльное стекло наружу. За окном сначала сияла оглушительная летняя жара, ближе к Ташкенту уже отцветала торопливая весна, а еще через некоторое время мимо застывшего в Сашкином представлении поезда побежала назад коричневая, сбрызнутая зеленью, неприветливая степь. Из утреннего тумана внезапно вынырнул уже совсем

зимний Гурьев с бабушками, которые бегали под вагонными окнами, шумно предлагая какую-то снедь. Но вот и они остались позади.

В Волгограде поезд стоял двадцать минут. Сашка выбрался на заснеженный перрон, пробежал по переходу на вокзал, купил заскорузлую кулебяку, бутылку кефира, давясь затолкал в себя нехитрую еду у буфетного столика и вернулся в вагон перед самым отходом. Стараясь не встречаться ни с кем взглядом, забрался на место, лег и закрыл глаза. Поезд дернуло, вагоны заскрипели и покатили. На изгибе путей у кургана в окне мелькнул тепловоз, затем сумрак сгустился, и больше видно ничего не было. Сашка лежал на животе, ощущая правой щекой каждое вздрагивание состава, и старался не шевелиться, чтобы боль не разорвала его на части. Колеса стучали, за бледной занавеской мелькали огни полустанков, но боль не уходила. Она накапливалась. И когда, подтягивая колени к груди, он уже начал задыхаться, все та же сухая жесткая рука пожилой узбечки коснулась его затылка и стала медленно гладить короткие волосы. Усталый голос прорезался через плацкартный полумрак и незнакомыми словами принялся объяснять простые и понятные вещи, успокаивая и жалея. Слезы выкатились из глаз, и боль утихла.

Проснулся он рано. Узбечки уже не было. Внизу, заставив узкое купе корзинами, сидели две немолодые женщины. Они старательно завтракали, вяло переругиваясь с солдатами, которые с похмельными лицами тоскливо шатались по вагону.

До Москвы было еще далеко, но народ уже собирался. Сашка спустился вниз, свернул матрац, прошел, осторожно ступая между корзин, к окну, сел и устремил взгляд на появляющиеся из-за придорожных кустов белые поля, покрытые грязными пятнами ранней весны.

Он был растерян. Сквозь горе отчетливо проступало одиночество. Кроме тетки, у него не осталось никого. Сашка чувствовал, что потеря отца, разбившегося на стареньком «жигуленке» шесть лет назад, по-настоящему отозвалась в нем только теперь. В тот год обнаружилось, что мать – слабое и несчастное существо, и Сашке пришлось срочно повзрослеть. Он постарался заполнить собой пустоту, образовавшуюся в их жизни. И последнее время, вплоть до ухода прошлой осенью в армию, он думал, что все наладилось. Что горе, захлестнувшее мать, утихло. Она сама уже не казалась ему похожей на колеблющийся язычок пламени. Шесть лет он внушал матери, что его собственное, Сашкино, существование без нее невозможно. Иногда смотрел на ее склоненную голову и говорил про себя: ты нужна мне, ты нужна мне. И однажды она почувствовала, подняла голову и сказала: «Я знаю».

Тогда словно счастье вернулось в их дом. Даже Сашкины проводы в армию не были грустными. Так же как и письма, которые он получал от матери не реже раза в неделю. И вдруг смерть. Почему?

Он вновь задавал себе этот вопрос, потому что нелепость

произошедшего не давала ему возможности приникнуть к своей боли, сжать ее в ладонях и согревать, согревать, согревать. До тех пор, пока она не перестанет биться, пока не замрет, не отпустит, не задышит ровно и глубоко. Станет привычной.

Сашка поежился, застегнул пуговицу рубашки, прижался щекой к холодному стеклу и стал вполголоса читать любимые строчки. Строчки, которые наполняли его какой-то особенной музыкой. Добавляли света в хмурое небо. Строчки, которые не понял бы ни один человек. Строчки, которыми начиналась его книга.

Когда Сашке исполнилось шесть лет и он стал, по словам матери, «маленьким взрослым», отец сказал, что знает тайный язык, на котором не разговаривает ни один человек на земле. В доказательство он произнес что-то певучее, плавное и свистящее, несколько сливающихся звуков, и тут же объяснил, что так на этом языке звучит предложение сходить в парк развлечений и потратить там вполне определенное количество денег. Сашка был очарован. Не парком развлечений. Доверенной ему тайной. Правда, мать иногда хмурилась, когда они начинали вдруг шептать друг другу за столом какие-то странные фразы, потом это прошло. Что плохого, если детство ее ребенка будет ярче и дольше, чем у остальных детей? А затем отец принес книгу.

Сашка любил книги. Они всегда были для него чем-то

особенным. Может быть, отец втолковал ему это еще в раннем детстве, но, скорее всего, любовь к книгам появилась сама собой. Ему всегда казалось, что книга не только впускает его в себя, но и что-то меняет в нем самом. Ветры странствий, тропические ливни, шум крон вековых лесов, описанные в книгах, превращали его существование в сказку. Что могло быть лучше книги? Только удивительный рассказчик или собеседник, что, впрочем, одно и то же. Только отец, которого вскоре не стало. Но сначала он принес книгу. Очень старую книгу. Похожую на коробку для красок. Она холодила ладони черной деревянной обложкой и чешуйчатым переплетом и шуршала желтоватыми кожаными страницами. Они были заполнены от руки мелкими стройными буквами. Сашка недоуменно поднял голову.

– Да, – сказал отец. – Книга написана на нашем тайном языке. Ты уже знаешь множество слов, умеешь писать, поэтому сможешь прочитать все. Ты обязательно прочитаешь это. Ты вырос. Поэтому должен знать, что с возрастом сказки не исчезают, они становятся правдой или ложью. Прочитай эту книгу, и потом мы поговорим с тобой о ней.

Этого «потом» не случилось. Отец отвез их с матерью в начале лета к тетке, вернулся в город, но до дома не доехал. Умер за рулем. Машина потеряла управление, съехала с дороги и, сминаясь в жестяную гармошку, закувыркалась в придорожном карьере. Тетка взяла на себя хлопоты, вернулась вечером домой, посмотрела устало на вжавшегося в

угол дивана Сашку и сказала, ни к кому не обращаясь:

– Не понимаю. Не справился с управлением машиной. На сухой ровной дороге. Сердце биться перестало. Человек никогда не болел. Ни одной жалобы на здоровье. Я спрашиваю: разрыв сердца, что ли? Инфаркт? Нет, говорят. Плечами пожимают. Инфаркта нет. Сердце здоровое. Просто биться перестало! Окаменело оно, что ли? Что делать-то будем, а?

Она села на диван рядом с Сашкой, прижала его к себе и заплакала. В отличие от младшей сестры, которая тенью лежала в другой комнате, она умела плакать. Ей было легче. Сашка выбрался из-под ее руки, пошел на кухню, достал из портфеля книгу, открыл. Уверенной рукой, плавными буквами, напоминающими арабскую вязь, на первой странице было выведено:

Эскитес Ас эс Офа о оро Гардс.
Эл-Лиа салс эс Ома и, Ома ор,
И сае, эно Алатель абигар,
Па Меру-Лиа эс би наивар Гор,
Па Меру-Лиа эс би эсала Сет,
Па Вана эска эс би кей т Эл-Айран,
Па Эл-Лиа эйтен эска эс би хнет,
Ба эй баэска эс би хнет асэс Ан.

Эл-Лиа светлая – мать моя, мать всех.
Я знаю – всегда Алатель возвращается,
Чтобы Меру-Лиа увидеть вершину,

Чтобы Меру-Лиа растопить лед,
Чтобы Вана могла убежать в Эл-Айран,
Чтобы Эл-Лиа ее могла согреть,
Но она не может согреть ушедшего сына (язык валли).

Казанский вокзал встретил Сашку утренней пустотой и легким морозцем. Он спустился в подземный переход, окунулся в толчею метро, от которой успел отвыкнуть, и через час открыл дверь квартиры. В коридоре стояли незнакомые люди. Сашка вздохнул и, чувствуя, что тяжесть вновь начинает тянуть к земле, вошел в комнату.

Против ожидания все закончилось быстро. Женщина в гробу, который стоял посередине странно чужой квартиры, показалась незнакомой. В уголках рта ее спокойного и даже как будто удивленного лица таилась боль. Сашка обнял бросившуюся к нему зареванную и осунувшуюся тетку, кивнул мелькнувшим знакомым лицам, взял стул и сел рядом. Но его как будто ждали. Затолкались плечами в дверях мужики с материной работы. Внизу у подъезда заурчал ритуальный желто-черный пазик. Возвысили голоса то ли искренние, то ли нанятые плакальщицы. Гроб проворно подняли, вынесли, постояли у подъезда, задвинули в недра автобуса, доехали до кладбища, накрыли крышкой, забили и опустили в черную землю, вынутую из-под снега. И Сашка, который против воли исполнял какую-то роль в отлаженном действе, ощущал себя лишним. Словно то, что должен был чувствовать при этом, пережил еще в поезде. Только когда над гро-

бом занесли крышку и тень упала на и так затененное отсутствием жизни лицо, он вздрогнул. Показалось, что мать падает в пропасть. Падает, тянет к нему руку, а он не может двинуться с места. Сашка повел плечами, оглянулся.

– Сынок!

Тетка стряхнула с ладоней крошки холодной земли, обняла его, прижалась, уткнулась носом в солдатскую шинель.

– Сашка! Что ж теперь делать-то?

– Тетя Маша, как же так? – спросил Сашка.

Мартовский ветер был морозным и влажным одновременно. Он ощутимо обжигал затылок. Начинало ломить в висках, но Сашка не решался надеть шапку и только потирал уши замерзшими пальцами.

– Холодно, поди? – Тетка нахлобучила ему на голову ушанку. – Поехали. Вот так вот, Саша. Вот так вот.

– Как же так? – стараясь не поскользнуться на обледеневшей тропинке, продолжал Сашка. – Почему? Ведь все же было хорошо!

– Значит, не было, – вздохнула тетка. – Да, Сашенька. Дядя к тебе приехал.

– Какой дядя? – удивился Сашка.

– Да вот, – кивнула она на медленно идущего впереди них седого сутуловатого мужчину. – Илья Степанович, почитай двоюродный брат твоего отца.

– У отца не было брата, – не согласился Сашка.

– Выходит, что был, – вздохнула тетка. – Он ко мне в де-

ревню приехал. Постучал. Смотрю, приличный мужик вроде. Спросил, здесь ли Арбановы живут. Я говорю, что жили раньше, а вот уже как пятнадцать лет назад переехали в город. Оставили, значит, одинокую свояченицу за домом присматривать. А я, говорит, Илья Степанович Иванов, двоюродный брат Николая Дмитриевича Арбанова. Ну я его и пустила. Сели, поговорили. Он документ показал. Паспорт. Рассказал, что в детстве бывал в этом доме. Что деда твоего помнит. Даже показал, как можно во дворе дверь с улицы открыть! На фотографиях старых назвал, как кого величают. Все помнит. Пацаном в деревне нашей бывал, оказывается. Ну я тащу его с собой на почту, звоню твоей матери на работу, говорю, что Колин брат нашелся. Она сначала удивилась, какой брат, спросила, а потом, наверное, вспомнила, потому что у нее дыхание перехватило. Мне потом с работы ее рассказывали, – плавно перешла на всхлипывающий тон тетка, – что она как сидела, так и повалилась с этим телефоном в руке на пол. Они там уже и «скорую», и все. Бесполезно. Сердце не выдержало! Видишь, как получается? – Тетка уже привычно скривила лицо, прижала к глазам мокрый платок. – Человек к нам с радостью ехал, а у нас-то горе!

Словно услышав, что говорят о нем, Илья Степанович обернулся, склонил голову, прижал ладонь к груди, поймал цепкими стариковскими глазами Сашкин растерянный взгляд и так же неторопливо пошел дальше. Сашка смотрел на его плавно покачивающуюся спину, слушал бессвязные

теткины причитания и думал, что все могло быть причиной этой нелепой смерти, но только не предстоящая встреча с неожиданно объявившимся родственником. Скорее совпало сразу многое: и не до конца изжитая тяжесть потери Сашкиного отца, и неожиданный отказ сына поступать в институт, и его полугодовое отсутствие, и просто одиночество, и какое-то временное недомогание. Сашка перебрал в голове эти и еще какие-то возможные причины происшедшего и неожиданно подумал об очевидном: ничто не объясняло внезапного ухода мамы.

– Ну, – вздохнула, поправила на голове платок тетка, – Сашенька, куда ты сейчас? Домой? Поехали ко мне. Полежишь, отдохнешь, поплачешь. Поехали? Вот Илья Степанович довезет нас.

Дядя стоял возле старой «Волги» и печально ждал окончания разговора. Сашка посмотрел на машину, на тетку, оглянулся туда, где на глубине полутора метров осталось то, что совсем недавно было его матерью, и покачал головой:

– Нет, тетя Маша. Я домой. Я завтра с утра к вам приеду. Мне домой сейчас надо. Хорошо?

– Так мы подвезем тебя! Саша!

– Не надо! – крикнул Сашка и запрыгнул в подошедший автобус. – До свидания!

Дорога уходила вниз по склону и исчезала в чаще. С высоты лес казался обычным, но внимательный наблюдатель за-

мер бы в восхищении. Дорога, на которой в былые времена, без сомнения, могли разъехаться две повозки, превращалась на краю леса в узкую ленту, но даже сверху были различимы чудовищные, в несколько обхватов, стволы. Лес подступал к началу склона и продолжался до горизонта. Далеко впереди над зеленым маревом угадывались массивы остроконечных гор, если только это не были тяжелые облака. Склон ощетинивался сухой травой, обильно усыпанной колючками. Да и сама дорога была всего лишь аккуратно расчищенной от скудного грунта и отшлифованной временем, ногами и колесами поверхностью горы. Серым и безжизненным камнем. Дорога лежала в ложбине, и, стоя на ней, нельзя было увидеть границы склона. Чем дальше в гору, тем больше дорожное русло напоминало ущелье, которое на некотором отдалении превращалось в узкую щель. Она вертикальной линией прорезала надвое нависшую над путником каменную громаду и слепила лучами восходящего светила. Почти ни звука не раздавалось вокруг. Только слабое журчание придорожного ручейка, гаснущего в валунах и колючках, звенело в ушах…

Сашка не мог разгадать смысл видения. Он всматривался в чащу, в небо, в кручу горы, пытаясь понять, ради чего, начиная со дня смерти отца, этот сон повторялся и повторялся. Сашка уже знал, что спуститься к лесу невозможно. С каждым шагом ощущение опасности придавливало к дорожному полотну, вскоре вовсе лишая способности передвигаться. Так же он не мог и подняться в гору, потому что свет,

проникающий из ущелья, начинал слепить. Сашка останавливался и просыпался. Попытки преодолеть один из отвалов ложбины тоже не приводили ни к чему. Колючки вцеплялись в одежду, пальцы соскальзывали с камня, ноги застревали в расщелинах. В этот раз он стоял и думал. Наконец решил, что стоит попытаться идти вверх, опустив или закрыв глаза. Главное – не смотреть на слепящие лучи.

Поднявшись на десяток шагов, Сашка остановился. Впервые ему показалось, что журчание поблескивающего среди травы ручья сделалось громче. Он шагнул в сторону и почувствовал, что против ожидания трава не цепляется шипами за одежду, а покорно пружинит под ногами. Она словно хотела, чтобы он шел именно в эту сторону. Сашка сделал еще несколько шагов и остановился у отвала, точнее – у начала ущелья, хотя здесь стена была невысока, едва ли много больше человеческого роста. Падающий с уступа ручей обдал ледяными брызгами. Сашка нагнулся, оперся ладонью о стену, глотнул, утоляя жажду, и замер. Пальцы ощутили искусственную поверхность. Он отнял ладонь и увидел прямоугольную нишу. Ступеньку. Отступил назад и заметил такую же нишу на метр выше. Каменный уступ, удобный, чтобы ухватиться за него при подъеме. Еще одну нишу почти на гребне. И, понимая, что разгадка близка, прильнул к стене, ухватился за камень, как вдруг почувствовал чье-то присутствие. Кто-то был рядом. Враждебный, но одновременно безразличный, как зверь, который ищет жертву для пропи-

тания. Зверь, обладающий разумом.

Сашка замер и мгновенно понял, что это ощущение из того мира, в котором он приехал с кладбища домой, прошелся по пустым комнатам, почувствовал накопившееся изнеможение, не раздеваясь, упал на диван. Испугавшись, он выбежал на дорогу и помчался навстречу слепящим лучам, будучи уверенным, что проснется…

В квартире никого не оказалось. Ощущение присутствия постороннего длилось всего секунду, затем оно улетучилось, но Сашка встал и зажег в комнатах и на кухне свет. Неожиданно подумал, что полугодовое армейское существование было почти счастливым временем. Захотелось немедленно собраться, отправиться на вокзал и уехать из наполненной холодом квартиры. А как же уступы у ручья? Вернуться в видение, чтобы узнать, куда ведут каменные ступени? Сон не приходил. Пластмассовые ходики показывали половину шестого утра. Сашка сел за письменный стол, медленно оглядел книжные полки. Провел ладонью по блестящим эмалям значков, прикрепленных сомкнутыми рядами к куску бархата. Вгляделся в фотографию, где он сам, отец и мать, смеясь, парили в воздухе на цепочных каруселях. Все это вместе уже дало долгий прощальный гудок и теперь отплывало безвозвратно и навсегда.

Нет. Не все. Сашка выдвинул нижний ящик стола и запустил руку в тумбу. Книги не было. Он проверил еще раз, затем перевернул остальные ящики. Скоро Сашка уверился,

что книга исчезла. Еще через полчаса он вошел в утренний автобус и поехал к тетке.

Глава 2
ИЛЛА

– Доброе утро!

Илья Степанович копался в недрах машины, но при виде Сашки выпрямился.

– Почему не в форме, товарищ солдат?

– Надоело, – отмахнулся Сашка, поднимаясь на крыльцо. – Тетя Маша дома?

– Дома, – ответил Илья Степанович, отставив в сторону испачканные в масле руки. – Очень кстати, прямо к столу.

– Хорошо, – буркнул Сашка и вошел в дом.

Тетка колдовала на кухне. Увидев племянника, радостно улыбнулась, тут же вспомнила о причине его приезда, привычно всплакнула и снова обратилась к чугункам и кастрюлькам. Сашка уселся на продавленный диван, несколько минут оглядывал знакомую до мелочей обстановку, затем спросил как бы невзначай:

– Тетя Маша, куда мама дела книгу?

– Какую книгу? – удивленно обернулась тетка.

– У меня была старая книга. Пергаментные страницы. Деревянная обложка. От отца осталась, – объяснил Сашка.

– Нет… – Тетка задумалась. – Не знаю. Да я такой книги отродясь не видывала. Может, поискать надо? Я ведь, когда все это случилось, о вещах совсем не подумала, да и не смот-

рела ничего, – вновь прослезилась тетка. – Только деньги на похороны взяла в шкафчике да белье для покойницы.

– Тетя Маша! – попытался успокоить ее Сашка. – Перестаньте! Просто книги в квартире нет. Я думал, вы что-то знаете.

– Нет. – Тетка прижала руку к груди. – Так, может, еще что пропало? Господи! Ты в материной шкатулке кольца ее смотрел?

– Все на месте, – ответил Сашка. – Все вроде на месте. Книгу жалко.

– Ну так найдется, что с ней станется, – успокоилась тетка. – Может, искал нехорошо? Поедем вместе поищем. Тебе когда обратно на службу-то?

– Послезавтра.

– Ну так отдохни хоть немного, к ребятам сходи деревенским, вот сейчас покушаем – и сходи. Развеяться тебе надо, – стала объяснять тетка.

– Хорошо.

Сашка откинулся на спинку дивана и закрыл глаза. Идти к деревенским ребятам не хотелось. Особой дружбы с ними не случалось и раньше, а теперь и тем более не было ни общих тем для разговоров, ни сил на показное дружелюбие. Ему всегда казалось более интересным пройтись по окрестным полям, подняться на возвышающийся у околицы холм, прислушаться к шелесту деревьев, к журчанию узких речек, к пению птиц. К тому, что происходит внутри него и что неви-

димо повисает в воздухе вокруг. Вот и теперь, закрыв глаза, он отключился от позвякивания алюминиевых крышек и половника в теткиных руках. От ощущений собственного тела. От посасывания в животе из-за утреннего голода. От странной головной боли. От стучащего в уши торопливым пульсом сердца. Сделал так, как учил отец, когда они приходили в лес, отыскивали место, где нет вечно суетящихся муравьев, ложились на траву и прислушивались до тех пор, пока не становилась слышна каждая мышка, притаившаяся неподалеку. Слышна не шуршанием, а отзвуком комочка примитивных, но реальных эмоций – голода, страха, боли, насыщения. Вот и теперь в образовавшейся тишине Сашка слышал усталое биение теткиного сердца и простое, бесхитростное кружево ее мыслей. Смесь печали, заботы и копящегося жизненного изнурения. Слышал бессмысленное шевеление кур на заднем дворе. Прозрачную длинноту просыпающегося клена у крыльца. Шорох корней оживающей под снегом травы. Доносящийся из-под стрехи тонкий звон вытягиваемой из брюшка паука невесомой паутинки. Еще что-то, напоминающее гудение старого теткиного баяна, если нажать на нижнее фа и медленно потянуть, расправляя отсыревшие меха.

Книга была рядом. Сашка чувствовал ее, но не находил. Уже быстрее он мысленно оглядел, приникая к каждому предмету, горницу, теткину комнату, кухню, двор. Безрезультатно. И это казалось тем более удивительным, что,

пользуясь способностью концентрироваться, он умел находить любые утерянные или убранные вещи. Сашка еще раз постарался дотянуться до всех укромных уголков дома и внезапно наткнулся на темное пятно. Ничего не исходило оттуда, но поиск пятно чувствовало.

– Товарищ солдат!

Сашка открыл глаза и увидел перед собой Илью Степановича, который насмешливо улыбался и протягивал кухонный нож.

– Изволите спать на посту? Ну-ка выполните одну из главных мужских обязанностей! Порежьте, пожалуйста, хлеб.

Сашка кивнул, взял нож, встал к столу. Хлеб, лежавший на согретом мартовским солнцем подоконнике, приятно хрустел под пальцами. Парила откинутая на тарелку картошка. Поблескивали среди укропных венчиков соленые огурцы. Сашка отрезал один кусок, второй, надавил сильнее и выронил нож! Лезвие не удержалось внутри деревянной ручки, вывернулось на заклепке и острым краем рассекло мякоть ладони между указательным и большим пальцем.

– Э-э как ты неловок! – воскликнул Илья Степанович, выхватывая у Сашки окровавленный нож.

– Что случилось? Родненький мой! Как же так? – запричитала вбежавшая со двора тетка.

– Все в порядке, – попытался успокоить ее Сашка, поднимая руку, чтобы остановить кровь. – Нож сломался.

– Да что же это такое?! Беда за бедою! – запричитала тет-

ка, выдвигая ящик буфета и копаясь среди пузырьков и таблеток. – Прямо как напасть какая!

– Это разве беда? – не согласился Илья Степанович. – Это еще пока не беда. Для настоящего мужчины – комариный укус. Да и урок. Держи кухонную утварь в порядке. Как оружие.

– Какое оружие? – продолжала причитать тетка, заматывая Сашкину кисть найденным бинтом. – Я этим ножиком чего только не резала, мясо мороженое рубила, а приехал Сашенька, он тут же сломался. Разве не напасть? Ну как, нормально? – Она тревожно заглянула Сашке в лицо.

– Нормально, тетя Маша, – улыбнулся в ответ Сашка, потирая забинтованную ладонь. – Видите, оказывается, на гражданке опасней, чем в армии.

– Ты просто в армии еще пока настоящей не был, – заметил Илья Степанович, насмешливо хмуря брови. – Похоже, Марья Алексеевна, тесак ваш свое отслужил. Выбрасывать надо.

– Чего это выбрасывать? – не согласилась тетка. – Ты его, Илья Степаныч, во дворе на полати положи. Я ручку изолентой обмотаю, он еще сгодится. Хоть в огороде что порезать, хоть за грибами сходить.

– Как знаете, – покачал головой Илья Степанович и вышел во двор.

– Ну, – посмотрела в глаза Сашке тетка. – Успокойся. Ты хоть не признаешься, но я вижу, трясет тебя всего. Мамку

твою не вернешь, а жить надо дальше. А то я так тебя одного и дорогу переходить не пущу. И будь аккуратнее. Один ты из Арбановых остался. Папка твой всегда говорил: главное – чтобы род ваш не угас. Так что я вроде как единственная ответственная теперь за всех Арбановых перед Богом. Может быть, мне тебя в армию-то дослуживать – не пускать?

– Ну уж конечно, – грустно отшутился Сашка. – Давайте-ка лучше поедим, а то уж больно из твоих кастрюлек, тетя Маша, хорошо пахнет.

– И то дело! – улыбнулась тетка. – Наливаю тогда. Сходи-ка во двор, что-то там Илья Степанович задержался, поторопи его к столу.

Сашка кивнул, вышел во двор и увидел возле поленницы дядьку. Илья Степанович лизал выпачканное в крови лезвие. Услышав скрип двери, он оглянулся, криво усмехнулся и, протянув в Сашкину сторону руку, резко сжал ее в кулак.

Сашка почувствовал боль в запястьях раньше, чем пришел в себя. Точнее, именно боль вытащила его из забытья. Запястья горели пламенем, ладони саднили, невыносимо ныли плечи и локти. Сердце билось тяжело. Слабость пронизывала все тело. Но Сашка все-таки открыл глаза.

Он висел на бельевых шнурах. Тускло поблескивал металлический крюк, на котором когда-то качалась люлька отца. Темнели окровавленные ладони. Подтеки тянулись по рукам к груди. Сашка скосил глаза вниз. Кровь темными брызгами покрывала пол, до которого он доставал только носками.

– Очнулся?

Это был голос Ильи Степановича, только более грубый и властный. Сашка поднял голову. Теперь дядя уже не казался стариком. Широкоплечий седой мужчина неопределенного возраста рассматривал Сашку без тени сожаления, ненависти или любопытства.

– Пей, – ткнул ему дядя в лицо банку с водой.

Сашка начал жадно пить. Илья Степанович отбросил пустую банку в угол и сказал, спокойно глядя ему в глаза:

– Вот уж не думал, что придется подавать пить арбановскому выкормышу. Смотри!

Он взял Сашку за подбородок и показал. На полу у рукомойника ничком лежала тетка.

– Видишь? Слушай меня, Арбан. Внимательно. Жизнь человека не стоит ничего. Она гаснет как спичка. Я сжимаю кулак – и сердце перестает биться.

Илья Степанович показал ладонь и начал медленно сжимать кулак. Сашка вновь почувствовал на сердце стальные пальцы и забился, задыхаясь, на веревках.

– Ты понял? – спросил Илья Степанович, когда холодная вода привела Сашку в чувство.

– Кто… вы? – задыхаясь, прошептал он.

– Я тот, кто есть, – ответил Илья Степанович. – Я убил твоего деда, я убил твоего отца, я убил твою мать. Я дождался бы, когда у тебя родится сын, и убил бы тебя, но кровь Арбана проснулась в достаточной мере уже в тебе. Я ждал и

скитался тысячи лет. И вот дождался. Жаль, что не удалось посчитаться с самим Арбаном. Он выбрал участь смертного. Я не застал его. Ты – несмышленая тварь, но сейчас у тебя и этой женщины появился шанс остаться в живых. Только не думай о моем милосердии. Так вышло, что ты мне понадобился живым.

– Что… вы… хотите? – прохрипел Сашка.

– Я хочу уйти из этого мира, – сказал Илья Степанович. – Уйти туда, куда мне нужно попасть. Это как раз то немногое, что я не могу сделать сам. Думаю, ты тоже хочешь, чтобы я ушел.

– Что… – попытался спросить Сашка.

– Не говори ничего. – Илья Степанович прижал палец к его губам. – Думай. Я услышу. У тебя осталось мало сил. Так же, как и крови. – Дядя засмеялся. – Я знаю, что ты подумал, когда я пробовал кровь. Знаешь ли, у меня не было возможности сделать ее анализ иначе. Она подойдет. Мне приходилось при некоторых обстоятельствах есть человечину, пить кровь, но я не вампир. Я много хуже. Для тебя. Хотя, если бы ты вернул мне светильник… Но его здесь нет. Это я уже точно знаю.

– Что я могу? – еле слышно спросил Сашка.

– Тихо! – оборвал его Илья Степанович. – Немногое. Но достаточное для меня. Ты можешь читать на валли?

– Не понимаю, – прошептал Сашка.

– Это!

Сквозь застилающий глаза липкий пот Сашка увидел свою книгу и заворочался на веревках.

– Да, – попытался кивнуть он.

– Отлично! – расхохотался Илья Степанович. – Ты, конечно, читал эти сказки? И даже кое-что выучил наизусть? Я не угадываю. Я знаю. Отец так рано ушел от тебя! Он ничему не успел научить! Оставил книгу. Но никакая книга не заменит учителя! Даже такого беспомощного, как твой отец! Ну ладно! Главное, что читать ты все-таки можешь. Согласись, обучать тебя сейчас грамоте было бы довольно странно. Признаюсь, я знал об этой макулатуре, но надеялся обойтись только кровью. Не получилось. Но как приятно узнать, что не ты один стремишься вернуться домой. Оказывается, и великий Арбан, выброшенный, как и другие демоны, из колыбели мира, собирался вернуться! Удивительно, но он действительно мог вернуться! Или уже возвращался? Ведь не сказки все-таки описаны здесь?!

Илья Степанович почти прокричал последние слова, гневно встряхивая книгу перед Сашкиным лицом. Затем замолчал и вновь стал говорить тихо:

– Что он нашел в этом мире? Почему согласился отдать тело тлену? Что заставило его уйти тропой смертных? Разве есть что-то желаннее, чем средоточие сущего? Или он хотел послать в Эл-Лиа кого-то из своих убогих потомков? Зачем? Не был готов сам пойти против воли богов? Для чего оставлять лазейки на видном месте, если ты не собираешься ими

воспользоваться?

Дядя вновь замолчал, приблизился и несколько секунд пристально разглядывал Сашку.

– Ты тля. Ты ничего не знаешь. Этот дальний мир слаб и бледен! Материя здесь тонка! Сила почти ничего не стоит! Магия не действует! Но даже в этих условиях твой предок сумел достичь цели! Как?! Жаль, но этого мы уже не узнаем. Ты будешь читать это!

– Что… именно? – прошептал Сашка.

– Восемь строчек на первой странице, – ответил Илья Степанович. – Ты должен прочитать первые восемь строк. Бессмысленные слова. Но нужная сила в них есть. Если прочитаешь и ничего не произойдет, будешь читать еще и еще. Но советую молиться, чтобы я исчез. Помни: твоя жизнь в моих руках.

Он снова дал Сашке воды, заставил пить, плеснул остатки в лицо, а затем поднял перед ним бутылку с темной жидкостью.

– Ну! Только без обмороков! Обычная кровь. Ну не совсем обычная, но кровь. Твоя, конечно. И причем далеко не вся. Скажем так: десятая часть. Или чуть больше, если считать и то, что пролилось. Горлышко узкое.

Сашка как сквозь туман смотрел на дядю, балансировал на носках и с трудом удерживался, чтобы опять не потерять сознание. Илья Степанович открыл бутылку, намазал кровью неровный круг на полу. Встал в центр, выпрямился, за-

крыл глаза и, бормоча что-то, повернулся вокруг себя. Мазнул ладонью по лбу, по щекам, по груди, повесил бутыль на шею, взял книгу, сунул Сашке под нос:

– Читай!

– Эскитес Ас эс Офа о оро Гардс. Эл-Лиа сал эс Ома и, Ома ор, – начал Сашка.

– Громче! – заорал Илья Степанович.

– Эскитес Ас эс Офа о оро Гардс… – возвысил голос Сашка, не отрывая глаз от книги и видя, что ее страницы начинают темнеть и закручиваться по углам. – И сае, эно Алатель абигар, па Меру-Лиа эс би наивар Гор… – продолжил он, с ужасом наблюдая, как края книги занимаются пламенем.

– Еще раз! – заорал Илья Степанович, отбрасывая в сторону пылающую книгу и вытягивая руки вверх.

И Сашка продолжал читать наизусть, уже не контролируя хрипящий голос и только с ужасом отмечая, что кровавый круг начинает светиться. И что языками пламени занимаются и пол, и ноги Ильи Степановича.

– Читай! Чертов огонь! – орал Илья Степанович, вдруг странно становясь выше ростом и сгибаясь под потолком. – Читай, Арбан!

И Сашка читал, пока из пылающего пятна не поднялся светящийся кокон и не донесся торжествующий рев:

– Прощай, Арбан! Когда будешь подыхать возле своей мертвой тетки, знай имя того, кто убил тебя и уничтожил твой род. Илла!

Сашка пришел в себя от нестерпимой духоты уже через несколько минут. На полу дымилось выжженное пятно. Обугленные остатки книги лежали поодаль. Жар шел от стен. Дом горел снаружи. Внутрь кухни пока проникали только плоские языки дыма. Они заползали в щели между бревнами, через приоткрытую дверь во двор, через дверь в переднюю половину дома, между половицами. Дым собрался под потолком, схватил Сашку за горло, запустил корявые пальцы в легкие. Языки пламени сверкнули на входной двери, лизнули ее и бодро побежали к притолоке. Лопнуло от температуры стекло на окне. Защелкал шифер на крыше. Рухнуло что-то со стороны двора.

– А! – попытался закричать Сашка, но только сип вырвался из горла.

Он выкрутился на стягивающих его веревках, взглянул на мертвую тетку, юбка на которой уже начинала парить от близости огня, и закрыл глаза. Он должен убраться отсюда! Убраться отсюда, как угодно убраться! Он должен выжить! Убраться отсюда!!!

Эскитес Ас эс Офа о оро Гардс.
Эл-Лиа салс эс Ома и, Ома ор.
И сае, эно Алатель абигар,
Па Меру-Лиа эс би наивар Гор,
Па Меру-Лиа эс би эсала Сет,
Па Вана эска эс би кей т Эл-Айран,

Па Эл-Лиа эйтен эска эс би хнет,
Ба эй баэска эс би хнет асэс Ан.

И еще раз…

…Сашка очнулся на дороге и пополз к источнику. Расстояние, которое он должен был пройти за секунды, показалось бесконечным. Он полз и видел, как сначала ефрейтор, а затем майор поочередно выпивают его фляжку воды, появляются снова и опять выпивают его фляжку и снова появляются. Как майор трясет его за плечи и требует: сожми кулак, Сашка Арбанов, сожми кулак. Он сжимает кулак, а майор кричит: не тот кулак, Сашка Арбанов, не тот кулак! Ты что, «право» от «лево» не отличаешь? И мечущиеся по вагону пьяные дембеля тоже были здесь, но пили они не водку, а чистую воду. Чистую холодную воду. Воду, которая смачивает волосы, проникает под воротник, освежает тело, горло. Которая проясняет взгляд и утоляет невыносимую жажду. И, с трудом открыв глаза, Сашка понял, что каким-то чудом он все-таки добрался до воды и теперь лежит, склонив голову под холодные струи. Опираясь о валуны и удивленно разглядывая обожженные обрывки веревок на запястьях, он медленно встал. Нащупал выемку в скале. Медленно занес ногу. Оперся о замшелый камень. Ступил. Принимая на лицо водопад брызг, схватился за следующую выемку. Оперся предплечьем о выступ скалы. Сделал еще шаг. Еще. Ухватился за гребень и тяжело перевалился вперед, последним взглядом

поймав серую ленту дороги, зеленое море леса до горизонта и лоскут синего неба.

Глава 3
ЛУКУС

Где-то вверху раздавался свист. Наверное, тетка не закрыла дверь во двор, поэтому шум ветра, цепляющегося за позеленевшие от времени листы шифера, кажется столь громким. И это заунывное северное пение из репродуктора. Сквозняк, который гладит его по правой щеке, слишком теплый для середины марта.

Мамы больше нет.

Скоро ехать обратно.

Снова окунаться в испепеляющую жару.

Сожми кулак, Сашка Арбанов, сожми кулак!

Запах горелого. Тетя Маша. У тебя опять что-то подгорело. Да выключи же этот репродуктор! Тетя Маша! Илья Степанович. Илла.

Сашка попытался шевельнуть ладонями, почувствовал сквозь подсохшие повязки слабую боль и открыл глаза.

Над его постелью нависала серая каменная плита, поэтому яркий свет, падающий из отверстия в потолке, устроенного из таких же плит, не слепил. Стена, у которой стоял лежак, и две, примыкающие к ней, скорее всего, были созданы природой. Четвертая несла на себе следы вмешательства разума и умелых рук. Устроенные в ней дверь и пара узких окон, напоминающих бойницы, в отличие от мебели имели почти

правильную форму. В качестве стола использовался набранный из потемневших досок деревянный щит, укрепленный на внушительном каменном основании. Скамьями служили опрокинутые набок деревянные чурбаки разной длины, стесанные вдоль сердцевины ствола до плоскости и опирающиеся на пол отшлифованными сучьями. Приоткрытая дверь покачивалась на ременных петлях. И тут и там висели засушенные растения, узлы и мешочки. В нишах и впадинах стояли сосуды и емкости.

Сашка поморщился от новой волны гари и, с трудом повернув голову, увидел очаг. Над пламенем на цепи висел котел. Рядом находился кто-то, напоминающий человека, но именно неуловимая доля непохожести повергла Сашку в ужас. Незнакомец стоял спиной, помешивал какое-то варево и почти не двигался, но Сашка готов был поклясться, что он способен согнуть тонкое тело в любую сторону, под любым углом и в любом месте. Обычная серо-зеленая куртка, такие же штаны, коричневые мягкие сапожки, широкий пояс, украшенный многочисленными шнурками, ременными петлями и кольцами, не могли скрыть удивительную способность. Кроме того, существо с фигурой подростка, который только-только перевалил через заветные полтора метра роста, сгибало и руку не в локте, а по дуге!

Сашка почувствовал изнеможение и закрыл глаза. В голове шевельнулась мысль, что все произошедшее с ним вчера или сегодня, конечно, сон, но он еще не прекратился, поэто-

му нужно проснуться. Он постарался расслабиться и отключиться от всего происходящего или снящегося. Вновь почувствовал сквозняк на щеке, исключил из нужных ощущений запах от падающих из котла брызг, пение существа, свист ветра и стал прислушиваться к тому, что пробивалось через головную боль извне. Неожиданно звуков и ощущений оказалось довольно много. В отдалении слышались стрекот, пощелкивание и целая лавина чуть различимых, но разнообразных свистов неизвестного происхождения. Какое-то насекомое дзинькало за дверью. Еле слышно постукивала деревянная лопатка о стенки котла. И ручей. Рядом звучал ручей. Причем это не был шум или шелест маленького водопада или журчание пробирающегося между валунами потока. Он слышал смиренное и спокойное взбулькивание внутри какой-то емкости, возможно чаши или сруба родника, который именно здесь, рядом, появлялся на свет и неслышно убегал куда-то.

Сашка представил небольшое родниковое зеркало с маленьким бугорком от воспаряющего потока посередине, вспомнил вкус воды и почувствовал нестерпимую жажду.

– Пить, – попросил негромко, пугаясь, что опять опрокинется в черноту.

Почти сразу он услышал какое-то короткое слово и почувствовал, что твердая рука бережно придерживает голову, а край сосуда с холодной водой касается губ. Напился. Сел, прислонившись к стене, и открыл глаза.

В трех шагах от Сашки сидел незнакомец. Если его фигура наводила на размышления о чем-то змеином, скрытом под одеждой, то лицо не оставляло сомнений. Нечеловек. Сквозь накатившее чувство брезгливости Сашка рассматривал почти треугольную голову, напомнившую ему пропорции насекомого, и с удивлением понимал, что неприятное ощущение исчезает. Лицо незнакомца вытягивалось книзу и заканчивалось острым, чуть закругленным на конце подбородком. Черные волосы были расчесаны в стороны и завязаны сзади. Маленькие уши прятались под уложенные пряди. Весь облик, непривычный и неожиданный, с каждой секундой казался все более гармоничным. Особенно притягивали глаза. Повторяя удивительные линии бровей и носа, которые сходились от краев лба к тонким закругленным ноздрям, глаза тоже были наклонены. Они скашивались внутрь, и уставившиеся на Сашку горизонтально расположенные продолговатые черные зрачки придавали лицу незнакомца доброе и насмешливое выражение.

Глаза как у козы, неожиданно подумал Сашка и невольно улыбнулся. Существо моргнуло густыми ресницами, скривило в улыбке и так изогнутую смеющейся галочкой линию рта и повернулось в профиль, чтобы Сашка мог рассмотреть плавную дугу носа и закругленного лба.

Обычная человеческая кожа, постарался успокоить себя Сашка.

Существо подняло руки вверх, затем плавно опустило их

вниз, скрещивая на груди, и, слегка склонившись, мягким, почти тонким голосом произнесло:

– Лукус.

Ни на удивление, ни на размышления сил у Сашки не было. Он сидел, безвольно откинувшись к стене, и смотрел на хозяина жилища, в котором оказался каким-то непостижимым образом. И только когда Лукус повторил торжественное представление, Сашка с трудом шевельнул руками и вяло ответил:

– Сашка Арбанов.

На слове «Сашка» Лукус нахмурился, но, услышав «Арбанов», восторженно улыбнулся и даже хлопнул ладонями по узким коленям.

– Арбан! Арбан! – повторил он несколько раз.

Скоро Лукус улыбаться перестал. Он пытался заговорить с Сашкой, но, выслушивая очередной набор бессмысленных звуков, тот только устало мотал головой. Недовольно причитая, Лукус ходил вокруг стола и покусывал большой палец правой руки. Наконец его взгляд упал на успевшую высохнуть от следов варева деревянную лопатку, он торжествующе улыбнулся и пошел к котлу. В следующую минуту в руках у Сашки оказалась странная чаша, напоминающая блюдо с зауженным краем, и что-то похожее на кусок волокнистого сыра или творога. Лукус зачерпнул из котла такую же порцию себе, сел за стол, глотнул из чаши, откусил и, аккуратно

прожевав, сказал, поочередно кивнув на варево и на сыр:

– Икес, мас.[1]

– Икес, мас, – повторил Сашка и, почувствовав, что смертельно голоден, начал есть.

И суп, и сыр пришлись ему по вкусу. Сыр издавал еле заметный запах кислого молока, а от супа не пахло ничем. Сашка даже принюхался перед очередным глотком через узкую часть блюда, но аромата не почувствовал.

– Манела![2] – объяснил отсутствие запаха Лукус, но, увидев, что его слова не поняты, махнул рукой.

Сашка ел бульон, в котором плавали незнакомые коренья и овощи, жевал сыр, распадающийся во рту на тающие кислые волоконца, и старался не думать о произошедшем. Разве могло его удивить хоть что-то после пережитого в горящем доме? Только то, что он все еще жив. В этом случае его предсмертные видения были вовсе не так уж плохи. И почему, собственно, предсмертные? А если ему нужно устраивать уже посмертную судьбу? Тогда почему нет ожогов? Раны на руках, забинтованные зеленоватым пористым материалом, есть, а ожогов нет. Или его мама жива и все, что с ним происходит, – это галлюцинации с того самого момента, как с раскалывающейся от жары, жажды и усталости головой он увидел подъезжающий к их батарее командирский уазик? Сожми крепче кулак, Сашка Арбанов, сожми кулак!

---

[1] Суп, сыр *(язык ари)*.

[2] Манела – растение, уничтожающее запах *(ари)*.

– Атсе![3] – позвал Лукус, протягивая руку.

Пересиливая слабость, Сашка кивнул, но встал сам. Уже поднимаясь, понял, что раздет, и завернулся в кусок ткани, под которым лежал.

– Ту эники маа![4] – сказал Лукус.

Сашка оперся рукой о дверь, сделал шаг наружу и замер. Это не было сном. Величественный лес раскинулся до горизонта, превращаясь в отдалении в зеленовато-серый, клубящийся огромными кронами туман. Сашка стоял на каменистой площадке, несколько остроконечных скал и обрывистый склон горы отделяли его от растительного великолепия, но даже отсюда он слышал щебетание тысяч птиц, шум ветра, расплетающего тяжелые зеленые пряди, и удивительный запах свежести. В растерянности он оглянулся. За спиной высилась громада горы, уходящая в небо гигантскими ступенями разломов и уступов. На ее фоне жилище Лукуса странным образом исчезало. Оно казалось всего лишь грудой камней, скопившихся после очередного камнепада в узкой расщелине.

Сашка вновь обернулся к лесу, хотел сделать шаг вперед, вдохнуть полной грудью удивительно чистый, чуть влажный воздух, но Лукус прикосновением позвал его. Придерживая на плечах ткань, Сашка последовал за ним. В неприметной расщелине обнаружился родник. Тут же стояли кожа-

---

[3] Пойдем! *(ари)*

[4] Здесь женщин нет! *(ари)*

ные ведра с водой, скрепленные в горловине деревянными обручами. Сашке показалось, что он по-прежнему слышит бульканье, но на скрывающемся под нависшей скалой зеркале кристально-чистой воды бугорка воспаряющего потока не было. Вместо него из-под скалы тонкой струйкой выбегали воздушные пузырьки и беззвучно лопались на поверхности. Вода достигала края каменной чаши и неслышно сочилась в сторону.

– Маа![5] – Лукус предостерегающе показал на родник и кивнул на ведра, объясняя, что брать воду непосредственно из источника нельзя. Затем протянул руку в сторону разложенных тут же вещей.

Джинсов, рубашки и кроссовок Сашка не увидел. На камнях лежало только белье и серо-зеленая одежда, как на Лукусе. Даже мягкие коричневые сапожки, только значительно большего размера.

– Кесс! Бата! Зет наиварас![6] – сказал Лукус и ушел.

Сашка еще раз оглянулся на лес, подошел к ведрам и опустил в воду ладони. Пальцы дрожали от слабости. Снял повязки. Ран на руках не было. Только узкие розовые полоски тянулись от середины ладоней. Да такие же полосы браслетами охватывали запястья. Как раз в тех местах, где руки были стянуты веревкой. Сколько дней он пролежал в этой хижине?

---

[5] Нет! *(ари)*

[6] Кровь! Порча! Очень заметно! *(ари)*

Сашка пошевелил пальцами, помахал кистями, умылся, с сожалением потрогав колючий подбородок, с содроганием облился холодной водой и стал одеваться. Незнакомое солнце приятно припекало плечи.

И здесь весна, подумал Сашка и спросил себя: где «здесь?»

Одежда оказалась удобной. Она дарила ощущение легкости и тепла одновременно. Борясь со слабостью, Сашка натянул сапожки, сделал несколько шагов, топнул, повозился с завязыванием шнурков на куртке и на поясе и вышел на площадку перед жилищем.

Лукус сидел на коленях, повернувшись лицом в сторону леса. Не открывая глаз, сказал:

– Лон. Зет лон.[7]

Сашка согнул колени и неуклюже опустился на камень. Лукус подождал еще какое-то время, плавно провел перед собой рукой, обозначая открывающийся простор, и сказал:

– Баа-Эрд.[8]

Затем поднял согнутые руки и, показывая ладонями в сторону горы, которая была у него за спиной, добавил:

– Леат-Меру.[9]

Подождав, пока Сашка проникнется важностью момента, указал на светило:

---

[7] Долго. Очень долго *(ари)*.

[8] Вечный лес *(ари)*.

[9] Старая гора *(ари)*.

– Алатель![10]

И тут Сашке показалось, что сумасшествие последних дней заканчивается. Он вдохнул полной грудью и, закрыв глаза, прочитал на языке валли строки, которыми начиналась книга и которые, видимо, привели его сюда:

Ас поднебесный – всех городов отец.
Эл-Лиа светлая – мать моя и колыбель.
Я жив до тех пор, пока Меру-Лиа венец
По утрам зажигает милостивый Алатель.
Я жив, пока истекает изо льдов через Эл-Айран,
Согреваясь, Эл-Лиа, твоим теплом,
Великая Вана, впадающая в океан
Слез морехода, покинувшего свой дом.

Наступила пауза. Сашка открыл глаза и увидел, что Лукус внимательно смотрит на него.

– Здравствуй, незнакомец! – неуверенно сказал Лукус на языке, который, как думал Сашка, не знает никто. – Я очень плохо говорю на валли. Леганд объяснял мне, что я должен знать этот язык, но… – Лукус поднял правую руку и развел в стороны пальцы, – я не внял его словам. Я не думал, что во всей Эл-Лиа найдется хоть одно существо, для которого этот язык остается родным.

– Где я? – спросил Сашка.

– Ты в Эл-Айране! – торжественно произнес Лукус и спро-

[10] Светило! *(ари, валли и т. д.)*

сил в ответ: – Кто ты? Зачем ты пришел сюда? Где Арбан?

Глава 4
ТРОПА АД-ЖЕ

Они отправились в путь уже на следующий день, после того как Сашка пришел в себя и, как посчитал Лукус, набрался сил. Сил у Сашки, по его собственному мнению, все еще не было, но он, стиснув зубы, упрямо шагал следом за маленьким проводником, с непроходящим изумлением пытаясь осмыслить все происшедшее с ним.

В первый же день Сашкиного возвращения из глубокого обморока, с трудом подбирая слова, хозяин хижины объяснил, что вокруг них простирается земля Эл-Айран мира Эл-Лиа. Подумав, добавил, что отроги старых гор на краю Вечного леса, где находится хижина Арбана и где Сашка после беспамятства открыл глаза, очень далеки и от великой реки Ваны, и даже от снежной вершины Меру-Лиа. Если им и суждено увидеть их, то вряд ли это произойдет скоро. Об Асе[11] Поднебесном Лукус не обмолвился ни словом. Больше он не рассказывал, а спрашивал сам.

Очень скоро стало ясно, что Лукус ждал не Сашку, а того самого Арбана, о котором говорило ужасное существо, подвесившее свою жертву на веревках в горящем доме. Лукус вновь и вновь расспрашивал гостя об обстоятельствах при-

[11] Ас – священный город Эл-Лиа.

хода в Эл-Лиа, внимательно рассматривал Сашкины руки, заглядывал в глаза, прислушивался к голосу. Затем сел перед огнем, бросил в пламя горсть земли и запел медленную тихую песню.

– О чем эта песня? – спросил Сашка, когда он закончил.

– Я пел ему, – ответил Лукус.

– Кому? – не понял Сашка.

– Арбану. Я пел прощальную песню воина, – торжественно произнес Лукус. – Чтобы его душа завершила спираль восхождения и вернулась в Эл-Лоон.[12]

– Ты знал его? – спросил Сашка.

– Нет, – ответил Лукус. – Я еще молод. Моих лет только три с половиной дюжины. И он ушел очень давно. Белу[13] не живут так долго.

Сашка прошелся по хижине, осмотрелся.

– Это вещи Арбана? – кивнул он на посуду, немудрящую мебель и засушенные растения.

– Нет, – повел ладонью Лукус. – Ничего не осталось. Арбан покинул хижину более лиги[14] лет назад. Когда мы начали ждать его здесь, пришлось сделать окна, дверь. Каждый что-то вложил в эти стены.

– Кто это «мы»? – не понял Сашка.

– Мои друзья. – Лукус прикрыл глаза веками. – Друзья

---

[12] Эл-Лоон – Дом Бога *(валли)*.

[13] Белу – одна из рас, проживающих в пределах Эл-Лиа.

[14] Лига – числительное 12x12x12=1728.

Леганда.

– Отчего вы думали, что он вернется? – спросил Сашка.

Лукус снова повел ладонью и запел.

– Ты можешь рассказать мне об Арбане? – не отставал Сашка.

Лукус повторил жест.

Сашка вздохнул, помолчал и, подбирая слова, сам стал рассказывать о себе.

– Ты был воином? – спросил с сомнением Лукус.

– Да, – запнулся Сашка. – Я считался воином.

– Ты не похож на воина, – покачал головой Лукус. – Ты движешься как торговец или даже ремесленник, который целыми днями сидит в мастерской. Ты маг? Какие знания в твоей голове? Какие умения в твоих руках? Каким оружием ты владеешь?

Сашка пожал плечами:

– Я не знаю, как назвать. Это было особое оружие. Оно выпускало большие стрелы очень далеко. Больше я ничего не знаю и ничем не владею.

– Ты был рабочим катапульты, – понял Лукус. – Значит, ты не был воином. Катапульту обслуживают рабочие. Мастер катапульты, если он не старый воин, ничего не стоит в ближнем бою. Он хорош только на высокой башне.

– Значит, я не воин, – согласился Сашка.

– Я мог бы сделать тебя воином, – задумался Лукус, потом добавил: – Но я сделал бы тебя плохим воином. Хорошим ты

сможешь стать сам. Если тебя не убьют. Повтори, как звали того демона, который заставил открыть проход из дальнего мира?

– Илла, – обескураженно вздохнул Сашка.

– Не помню, – огорчился Лукус. – Я не помню такого демона. Ничего. Леганд знает. Он все знает.

– Сколько я был в беспамятстве? – спросил Сашка.

– Шесть дней… Я нашел тебя на гребне. Сделал так, чтобы ты спал. Я лечил тебя. Теперь ты почти здоров. Слабость уйдет, когда тело начнет работать. А сейчас подожди, не говори ничего. Я должен сообщить обо всем Леганду.

Лукус подошел к двери, сел на пол и несколько раз дунул в узкую трубку, которая внезапно появилась в его руках. Сашка не услышал ни звука, но Лукус уже держал в руке черный матовый шарик толщиной в палец и что-то наговаривал в него на незнакомом языке. Прошло еще немного времени. Лукус предостерегающе поднял руку, чтобы Сашка не шевелился. Послышался шелест крыльев, и в дверях появилась птица. Мгновение она прислушивалась, затем вытянула шею, блеснула черно-зелеными искрами оперения и сделала шаг внутрь. Косясь красной бусиной глаза на Сашку, распушила кремовый воротничок и приблизилась к Лукусу. Тот продел в шарик кожаный шнурок, аккуратно привязал его на шею птице и хлопнул в ладоши. Она взмахнула крыльями и молнией вылетела в дверь.

– Что это? – спросил Сашка.

– Это моя птица, – ответил Лукус. – Тот из народа белу, кто становится настоящим воином, может найти свою птицу. Она несет вести близким, она радуется победам, она оплакивает его гибель. Кроме белу изо всех элбанов,[15] о которых я знаю, птица есть только у Леганда. Но Леганд особенный. К сожалению, я не могу вызывать птицу часто, но твой приход – это очень важно. Что ты собираешься делать? Есть ли у тебя какая-то цель? Тебе удалось попасть в Эл-Лиа. Я ждал здесь Арбана или кого-то, посланного им. Ты не Арбан. И ты пришел сюда не по своей воле.

Сашка задумался. Он уже понял, что не может выйти к поселковому автобусу и уехать в тот мир, где все понятно и знакомо. Где в дивизионном штабе, возможно, уже заявляют о его невозвращении из отпуска. Где остались пустая квартира, свежая могила на кладбище и пепелище на месте теткиного дома в деревне. Пепелище, которое непреодолимым барьером вставало на пути его мыслей о возвращении. Но именно мысль о возвращении внезапно резанула его по вискам, ослепила, ударила в сердце, перехватила дыхание.

– Я не знаю, что я должен делать, – сказал Сашка после паузы.

– Воин всегда знает, что он должен делать, – заметил Лукус. – Он может не знать, куда он поставит ногу через мгновение, но он всегда знает, в какую сторону идет.

Совсем как отец, подумал Сашка. Отец тоже всегда гово-

---

[15] Элбаны – мыслящие существа *(ари)*.

рил, что у каждого человека должна быть цель. И что лучшей целью является осознанная необходимость делать что-то конкретное. «А какая у тебя цель»? – спросил тогда маленький Сашка. «Вырастить и сберечь тебя», – ответил отец. «Зачем?» – прозвучал новый вопрос. «А вот это уже твоя цель, – улыбнулся отец. – Это-то как раз тебе и предстоит узнать самому. Ну, правда, может быть, я и посоветую тебе что-нибудь». Не посоветовал. Не успел. Именно поэтому после окончания школы Сашка ушел в армию. У него все еще не было цели.

– Я уже говорил, что я не воин, – добавил Сашка. – Вы ждали не меня. Я не посланник. Я здесь случайно. Я хочу вернуться домой. Как это сделать?

Лукус помолчал немного, встал, подошел к двери, обернулся:

– Нам нужен Леганд. Никто, кроме него, не поможет тебе. Я здесь, потому что он просил меня ждать гостя. И тот, кого мы ждали, должен был помочь Леганду, мне, нашим друзьям, нашему миру. Может быть, все-таки это ты. Я не знаю. Единственное, что я понял, так это то, что демон искал светильник в твоем мире и не нашел.

– Что за светильник? – спросил Сашка.

– Узнаешь. – Лукус опустил голову. – Леганд расскажет. Он знает многое, много больше меня.

– Я смогу вернуться? – с замиранием сердца поинтересовался Сашка.

– Не знаю, – равнодушно обронил Лукус.

– Что же мне делать? – растерялся Сашка.

– Демон убил твоих близких… – Лукус задумался, свивая руки спиралями на груди. – Если возвращение в твой мир окажется невозможным, ты мог бы посвятить себя мести, но это будет плохая жизнь. К тому же демон – это очень серьезный враг. А демон, пришедший по пути Арбана, может оказаться врагом для многих. Но ты тоже пришел по пути Арбана, и я должен помогать тебе, пока Леганд не скажет, что делать дальше.

– Кто такой Леганд? Когда он придет? – спросил Сашка.

– Мы пойдем к нему, – ответил Лукус на второй вопрос. – И мы уходим сейчас же. Но помни. Я не знаю наверняка, кто ты. Я не чувствую в тебе врага. Но я не должен тебе верить. Не потому, что ты лжешь. Хотя ты можешь лгать, не зная об этом. Сила, которая охраняет проходы в Эл-Лиа, неподвластна даже демонам. У нас хватает тут и собственной нечисти, пусть и не столь могущественной, как демоны. Но так было до недавних пор. Многое начало меняться в последние годы. Не ты ли виновен в этом? Ты прошел и провел демона. Уже этого достаточно, чтобы срочно идти к Леганду. Ты опасен, потому что демон может легко затуманить разум смертного. Мне тоже нужен Леганд. Он мудр. Он разберется и, возможно, поможет тебе.

Лукус помолчал, поправил ленты в волосах и продолжил медленно говорить, глядя перед собой:

– В твоем имени есть имя Арбана. Ты говоришь, что демон назвал тебя потомком Арбана. Но Арбан не был человеком. Он был светлым демоном, великим мастером. Демоны не оставляют потомков. И еще: ты должен делать все, что я скажу. Ты молод и слаб. Помни, что без меня ты здесь быстро погибнешь. Постарайся быть мудрым настолько, насколько сможешь. И самое важное: ты должен понять меня. Я видел и запомнил следы демона, о котором ты говорил. Пятна крови остались на старой дороге. Там, где ручей падает со стены. Но потом, дальше, это уже была кровь моего друга, которого я пришел сменить в хижине. Демон разорвал его на части. Я нашел его и похоронил в ущелье. Почти на границе Мертвых Земель.

Лукус вновь помолчал и глубоко вдохнул, прежде чем продолжить:

– Моего друга звали Заал. Он был очень хороший воин. Но демон – это демон. Большой демон. Два моих роста или выше. Да. Он оставлял кровавые следы еще до того, как Заал схватился с ним. Может быть, это была твоя кровь. Но это произошло пять лет назад.

Они шли быстро, но осторожно. «Идти как звери на тропе к водопою», – потребовал Лукус. Сашка попытался идти согнувшись и настороженно вытянув шею, но такой вариант передвижения был отвергнут тут же.

– Нет, – нахмурил брови Лукус, – так не ходят звери на

водопой. Так идет кесс-кар[16] воровать птицу у крестьян. Старый больной кесс-кар, который неминуемо попадется в силок. Мы идем или бежим спокойно и ровно. Но мы все слышим. Все видим. Все угадываем. Нас никто не слышит. Никто не видит. Никто не угадывает.

Идти так, как хотел Лукус, было непросто. У Сашки это получалось плохо, поэтому Лукусу пришлось настойчиво показывать правильные движения. Сашка недовольно бормотал, что в армии с ним обращались лучше. Лукус же безжалостно потребовал, чтобы Сашка учил язык ари. Не потому, что валли плох или Лукус не может его выучить, а потому, что ари – самый распространенный язык. Если Сашка хочет без опасений за свою жизнь появляться среди людей, белу или иных разумных существ, первое, что он должен знать, – это ари.

– А второе? – задыхаясь, поинтересовался Сашка.

Лукус с огорчением смерил его взглядом и вздохнул. Сашка понял, что, даже если он выучит язык ари, появляться среди разумных существ ему пока не следует все равно.

– Куда мы идем? – спросил Сашка Лукуса, когда тот наконец перестал говорить, что Сашка неправильно ставит ноги, производит шум и расходует слишком много сил на простые движения. Это было на третий день пути.

– Мы идем в Эйд-Мер,[17] – ответил Лукус. – До горо-

---

[16] Кесс-кар – мелкий хищник *(ари)*.

[17] Устье горы *(ари)*.

да сравнительно близко. Тропа Ад-Же[18] приведет нас туда. Немногие знают о пути по окраине Вечного леса. И все же нам нужно быть осторожными. В последний месяц я видел странные тени, которые шли на юг. Возможно, это искатели сокровищ, которым не дают покоя Мертвые Земли и Мертвый Город. Может быть, нет. Поэтому в безопасности мы будем только в Эйд-Мере. Эйд-Мер – свободный город. Там строго относятся к путникам, но не причиняют вреда без нужды. Там ты менее всего вызовешь подозрений. К тому же я передал Леганду, что иду туда. И там есть друг, который не только даст нам отдохнуть, но и посоветует, что делать дальше, и поможет. За три дня мы прошли три дюжины ли. Плохо даже для горной тропы. Скоро спустимся на равнину и пойдем быстрее.

Ничего себе плохо, подумал Сашка. Ему казалось, что с учетом беспрерывного карабкания и ковыляния по камням шли они довольно быстро. Проходили не менее полутора десятков километров в день. Первые два дня ему было очень трудно. И Лукус, кажется, понимал это. Он оборачивался через каждые десять – двадцать шагов, прислушивался к тяжелому дыханию спутника, настойчиво повторял советы. Сашка старательно выполнял наставления и особенно главное из них – не превращать движение в бессмысленную монотонную работу.

– Дорога не утомляет, – не уставал повторять Лукус. –

[18] Больная нога *(валли)*.

Она притупляет чувства. Каждый шаг похож на предыдущий. Путник, который не любит дорогу, превращается в слепого и глухого. Он перестает быть воином. Настоящий воин способен идти весь день и всю ночь, вступить в бой и остаться при этом живым. Мертвый воин никому не нужен.

– Я не воин, – раздраженно повторил Сашка.

– Ты будешь воином, – поднял ладонь Лукус. – Или не будешь жить. – И добавил, вспомнив прочитанные Сашкой строки: – Эл-Лиа очень строгая мать и очень жесткая колыбель.

«Я должен стать воином? – недоуменно спрашивал себя Сашка снова и снова. – Зачем мне это нужно?» Три дня назад, когда под вечер они с Лукусом вышли из хижины Арбана, Сашка решил, что даже если он и попытается стать им, то, скорее всего, умрет задолго до достижения результата.

– Ночь – это лучшее время для начала пути, – сказал тогда Лукус. – Настоящий воин двигается ночью.

– А что он делает днем? – спросил Сашка.

– Днем воин отдыхает, – ответил Лукус и добавил: – Или сражается.

Перед выходом он собрал два мешка и приладил один из них Сашке на спину. Затем дал Сашке нож. Когда же поместил у себя на поясе узкий меч в кожаных ножнах, повесил на плечо лук, Сашка спросил:

– А мне это же?

– Меч… – Лукус вздохнул, касаясь ножен, затем поднял

руку к плечу и внушительно добавил: – Лук! Оружие! Об него можно порезаться или уколоться. Кстати, не доставай нож из чехла. Ты еще не воин. Если я стану учить тебя обращаться с мечом, придется начать с упражнений обыкновенной палкой. А пока обойдемся тем, что есть. Мы охотники. Я охотник, – поправился он, – а ты мой ученик. У тебя достаточно юный вид, несмотря на растительность на подбородке.

Идти, а точнее, почти бежать было трудно. Сашка так уставал, что даже мысли о матери и возвращении доносились словно через стену. И он сознательно старался приглушить их, боясь, что они обернутся отчаянием. Сейчас это было бы лишним. Он боролся с дорогой и собственной беспомощностью.

К четвертому дню пути Сашка ощутил, что усталость уменьшилась. В ногах появилась легкость, на коротких привалах он больше не хватал ртом воздух. Почему-то здесь советы отца действовали лучше. Когда они ходили на лыжах или отправлялись в дальние пешие прогулки, отец говорил ему: «Сашка! Энергия переполняет природу. Она приносится солнцем, водой, ветром. Когда ты устаешь, тебе нужна именно энергия. Она разлита вокруг тебя! Подключайся!» Сашка пытался подключаться с первого дня пути. Он бежал за Лукусом, который скользил впереди как тень, и старался отыскать что-то, дающее силы. Отталкивался от камня, нагретого лучами светила, и впитывал его тепло. Ступал по пружинящему ковру травы и поглощал ее упругость. Прини-

мал лучи Алателя, ловил плечами ветер и чувствовал, что израсходованные силы возвращаются в тело.

Вопреки обещаниям Лукуса они шли днем. Ночью на узкой, едва заметной, несмотря на яркое звездное небо, горной тропе можно было переломать ноги. Она начиналась значительно ниже гряды камней, окружавшей площадку возле хижины Арбана. Случайный путник должен был миновать тайное прибежище, не догадавшись о его существовании. Тропа тянулась по западным отрогам гор, которые Лукус называл старыми, прямо на юг. По правую руку от нее дышал влажными весенними ветрами таинственный Вечный лес, слева высились непроходимые отвесные скалы. Ни кустика не было на них. Колючая трава начиналась ниже, там, где склон становился пологим. Иногда тропа выбиралась из скал и валунов и выходила к подошвам гор, и тогда Лукус становился особенно осторожным. Он долго всматривался в край леса и, как правило, либо ждал ночи, либо давал команду передвигаться ползком.

– Чего мы боимся? – удивлялся Сашка.

– Ничего. Мы избегаем опасностей. Вечный лес не любит чужаков.

– Но ведь мы охотники?

– В этом лесу мы быстро станем дичью, – парировал Лукус. – Никто не может путешествовать по Вечному лесу без разрешения его хозяйки.

– Кто ты, Лукус? – однажды спросил Сашка.

– А кто ты? – ответил вопросом Лукус.

– Я? Человек, – пожал плечами Сашка.

– А я белу, – повторил его жест Лукус.

Иногда они останавливались на отдых. Днем Лукус разводил небольшой костер. Он находил в расщелинах сухой кустарник и на языке ари объяснял, что это дерево тул, которое не горит, а тлеет, но дарит много тепла и совершенно не дает дыма, что очень важно. И еще он показал траву манела, уничтожающую запах, который разносится ветром на многие ли. Объяснил, что ее можно не только добавлять в пищу, но и прикладывать к телу, чтобы ослабить запах пота. Сашка внимательно слушал, запоминал новые слова и названия, а Лукус готовил еду и учил приводить в порядок одежду.

– Одежда слабее живой плоти, – говорил он. – Ткань или кожа рвется и перетирается. Если твои сапоги придут в негодность, тебе придется идти босиком. А босиком ты сможешь идти недолго.

Сашка внимательно слушал, снимал сапоги на каждом привале, тщательно проверял стежки шитья, набивал носки и голенища особой травой. Он перестал задавать Лукусу вопросы, на которые тот не отвечал вовсе или отвечал неясно и уклончиво. Сашка учился. Повторял про себя новые слова. Внимательно следил за каждым движением белу, стараясь понять, почему тот делает так, а не иначе. Смотрел по сторонам, думая, что чувствует себя здесь как-то по-особенному. Словно впервые понял, что такое настоящие краски, звуки,

цвета. Горы тянулись на юг неприступной грядой и казались не менее живыми, чем величественный лес к западу от гор. Что-то таилось в их недрах. Сашка чувствовал это при каждом шаге. И еще одно странное ощущение начало овладевать им. Открывающиеся пейзажи были привычными. Словно пробудилась память далекого предка. Он жадно втягивал чистый воздух. Радовался уверенности в ногах. Старался не думать, что неделю назад очнулся после шестидневного забытья. Убеждал себя, что не было ничего, кроме этого бесконечного легкого бега с частыми прыжками с камня на камень.

– Стой! – сказал Лукус на восьмой день пути, останавливаясь на плоской каменной площадке. – Привал. Скоро стемнеет. Завтра спускаемся к лесу. Горная часть тропы закончилась.

– Скоро город? – спросил Сашка, привычно стаскивая сапоги.

– Нет, – поморщился Лукус, доставая еду и кожаные бутыли с водой. – Горы впереди стоят отвесной стеной. Еще два-три дня тропы внизу – и мы выйдем на равнину. Там будет легче, и мы сможем бежать быстрее.

– Насколько быстрее? – насторожился Сашка. – И как долго?

– Не знаю, – ответил Лукус, бросив взгляд на Сашкины ноги. – Это зависит не от меня. Если мы будем делать хотя бы две дюжины ли в день, то до города еще дней семь или

восемь. Но это медленно.

От Москвы до Рязани бегом. Тридцать марш-бросков с полной выкладкой за неделю, подумал про себя Сашка. Вешайся, молодой солдат.

Глава 5
ВРАГИ

Они лежали, прижавшись спинами. Перед тем как затянуть тихое заунывное пение, Лукус сказал, что услышит приближение опасности за варм шагов, поэтому можно спать спокойно.

– Почему мы не встретили ни одного живого существа в горах? – спросил Сашка.

– Тем, кто живет в этом лесу, нет нужды лезть в горы, – прервал песню Лукус. – Тем, кто привык жить в горах, не войти в лес. А здесь пищи нет. С той стороны гор очень давно была Черная смерть. Она убивала все живое. И эти горы тоже умерли. Когда-нибудь жизнь вернется сюда, но будет это не скоро.

Не умерли, сказал себе Сашка. Они затаились. Дремлют.

– А почему не умер Вечный лес?

– Лес очень силен. Он сам защищает себя. Сам залечивает свои раны. И он почти никому не открывает секреты. Даже Большая зима, которая в давние времена сковала эти земли на долгие годы, не убила его.

– А дорога? Старая дорога? – вспомнил Сашка. – Она уходит в лес?

– По этой дороге никто не ходит многие лиги лет. – Лукус передумал петь. – Спи!

Сашка закрыл глаза и попытался уснуть. Он не чувствовал усталости. Дневной переход взбодрил его, освежил мышцы. Последний участок пути был особенно трудным, но усталость не пришла. Это казалось неестественным, поэтому Сашка невольно старался вести себя так, будто отдых нужен. Вот и теперь, лежа на правом боку и чувствуя сквозь тонкое одеяло неровности скалы, он машинально вытягивал накопленное камнем за день тепло.

Он проснулся за полночь. Ближе к утру. Ужас морозом пробегал по коже. Опасность нависала над стоянкой. Сашка привстал и всмотрелся в ту сторону, откуда они шли последние несколько дней. Ничего не было слышно, кроме ставших уже привычными ночных звуков леса. На фоне черного неба, усыпанного незнакомыми созвездиями, темнела, уходя к северу, гряда гор.

– Почему ты не спишь? – спросил Лукус.

– За нами идут, – ответил Сашка.

Лукус замер, встал, вгляделся в темноту, прислушался, втянул воздух, вопросительно посмотрел на Сашку:

– Я ничего не слышу.

– Я не могу объяснить свои ощущения, – растерянно пробормотал Сашка. – Будто силуэты проступают на краю горизонта. Их пятеро. Идут уверенно и без остановок. Злые. Один очень большой. Они будут здесь скоро. С рассветом.

Лукус задумчиво потер щеки и стал собирать мешки.

– Что мы будем делать? – спросил Сашка.

– Я ничего не слышал, – буркнул Лукус. – Но должен тебе верить. Лучше оказаться излишне осторожным, чем глупцом или слепцом. Мы на узкой полосе между лесом и горами. Вряд ли сможем убежать. На равнине могли бы запутать след, здесь придется прятаться.

Они подняли мешки и стали спускаться. Вскоре под ногами зашуршала колючая трава. Лес приближался. Даже в темноте чувствовалось, как он громаден. Спутники еще не дошли до деревьев, а черные кроны перекрыли половину неба. Лукус замер, прислушиваясь.

– Опасности нет, – неуверенно прошептал Сашка.

Он вглядывался в темноту и чувствовал настороженность, интерес, но не враждебность. Лукус обернулся, еще раз внимательно посмотрел на Сашку и пошел вперед. Через дюжину шагов остановился. Вдоль края леса, поблескивая отраженным светом звезд, бежал ручей.

– Войди в воду, – сказал белу. – Затем сядь на камень и разуйся.

Они сняли сапоги, и Лукус натер их манелой, которая всегда была у него в мешке. После этого спутники умылись, рассовали пучки травы в рукава и за пазуху и вновь выбрались на каменистый склон.

– Ты все еще утверждаешь, что кто-то движется в нашу сторону с севера? – спросил Лукус.

– Да, – поежился Сашка.

– Хорошо, – кивнул Лукус. – Пошли.

Они пересекли тропу недалеко от места ночлега и полезли по камням вверх. В темноте это оказалось непростой задачей, но им удалось забраться на отвесные скалы. Наконец спутники устроились на удобном уступе. Лукус запрокинул голову, высунул узкий язык и стоял так несколько мгновений.

– Ветер со стороны леса, – сказал он. – Это хорошо. Скоро рассвет. Вершины гор светлеют, но я все еще ничего не слышу.

Сашка промолчал. Опасность приближалась. Он чувствовал.

Ждать пришлось долго. Алатель выкатился из-за гор. У подножий лесных великанов над ручьем еще стоял туман, но ночные шумы уже сменились дневным щебетом. Лукус было вновь начал недоверчиво посматривать на Сашку, как вдруг что-то привлекло его внимание. Он припал ухом к камням и замер. Прошло еще немного времени, и на едва заметной тропе появились тени. Они двигались спокойно и ритмично. Впереди бежали четверо воинов. Оружие торчало из-за их плеч. Доспехи угадывались под плащами. Пятый был выше остальных на полтуловища. Сначала Сашка подумал, что это очень большой человек, но затем понял, что ошибся. Существо не было человеком. Оно двигалось позади остальных с негромким, но внушительным уханьем. Ему приходилось при каждом шаге слегка разворачивать туловище, приноравливаясь к узкой тропе и взмахивая для равновесия чудовищ-

ными передними конечностями. Вряд ли это очень уж его утомляло. Когда процессия приблизилась, Сашка, чувствуя, как ужас охватывает его, разглядел лысый, обтянутый желтовато-серой кожей череп чудовища. Из-под неестественно далеко выступающего вперед лба выдавался широкий нос и грубые скулы, которые заканчивались безгубой щелью рта и массивным подбородком, раздвоенным вертикальной впадиной. Из-за спины чудовища торчала рукоять боевого молота. Лица воинов скрывала ткань с прорезями для глаз.

Добежав до места ночлега Лукуса и Сашки, неизвестные остановились. Первый неожиданно упал на руки, приник к тропе и стал обнюхивать камни. Трое замерли. Чудовище шумно втянуло воздух и стало медленно вращать головой. Когда из-под нависшего лба блеснули маленькие зловещие глазки, Сашка почувствовал, как судорога страха скручивает тело. Ломая ногти, он вцепился в скалу, и только прикосновение ладони Лукуса не позволило ему закричать от ужаса. Первый из воинов поднялся и повел остальных вниз по склону. На краю леса у ручья неизвестные опять остановились, потоптались в воде и побежали на юг.

– Неуютно как-то без оружия, – едва отдышавшись, с трудом выдавил из себя Сашка. – Теперь я понимаю, почему этой дорогой никто не пользуется.

Лукус медленно поднялся на ноги и посмотрел на Сашку с нескрываемым удивлением:

– Они двигались очень быстро. Ты почувствовал их бо-

лее чем за дюжину ли. Я не могу понять этого, но такое умение стоит больше, чем навык владения мечом. Тем более что иногда меч бывает полезен только для того, чтобы живым не сдаться врагу.

– Кто это были? – Сашка украдкой стер со лба пот.

– Что ты хочешь узнать? – переспросил Лукус и, подумав, сказал: – Я не знаю, кому они служат, но это настоящие воины. Враги. Теперь я уже не уверен, что тени, которые мелькали на тропе до твоего прихода, – простые искатели сокровищ.

– Что это за существа?

– Первый – нари. За ним три человека. Нари старший. Он нюхал наш след. Пятый – арх. Но я первый раз вижу арха в одежде, сандалиях и с боевым молотом, а не с дубиной. К тому же в строю. Это плохие новости. Кстати, его молот весит больше, чем мы с тобой, вместе взятые. У остальных самострелы, боевые топоры и, возможно, что-то еще. Поклажи нет. Только оружие. И доспехи. Все, кроме арха, в кольчугах. Значит, пищу они добывают в дороге. Скорее всего, они на охоте. И вряд ли это охота на животных…

– Почему «враги»?

– У них скрыты лица. Но главное – арх. И нари, и люди, и другие существа могут быть кем угодно – и врагами, и друзьями. Но не арх. Не желаю тебе встречи с архом. Не многие способны сразиться с ним. К тому же он не брезгует человечиной. Питается ею. Так что ты спас нам жизнь.

– И едва не заорал от страха. – Сашка постарался унять дрожь в голосе.

– Да уж, – усмехнулся Лукус. – Но ты не воин. Тебе простительно.

– Кто такие нари? – постарался сменить тему Сашка, но разговора не получилось.

– Узнаешь. Тот, к кому мы идем в Эйд-Мер, – нари.

– Ты рядом, а я до сих пор не знаю, кто такие белу.

– Смотри. Что может быть лучше глаз?

– Иногда мне кажется, что лучше уши, – слегка обиделся Сашка. – Остается надеяться, что обо всем расскажет кто-то другой. Например, Леганд.

– Никто не скажет тебе больше, чем ты можешь понять и увидеть сам. – Лукус поднял мешок. – Спускаемся!

– Но ведь дорога теперь закрыта? – удивился Сашка.

– Закрыта? – не понял Лукус. – Ты способен их чувствовать?

– Думаю, да, – ответил Сашка, вздрогнув.

– Как ты слышишь их?

– Ты чувствуешь, как Алатель нагревает твою голову?

– Да.

– А меня жжет с их стороны. Только холодом.

– В битве с врагами ты рискуешь замерзнуть, – засмеялся Лукус. – Мы пойдем за ними. У нас нет другого пути.

Миновало еще три дня. Время от времени Лукус внима-

тельно смотрел на Сашку. Тот успокаивающе качал головой. Враги опережали их и удалялись. Опасность становилась все менее различимой. Первое время спутникам приходилось бежать вдоль воды, затем лес стал отступать и ручей превратился в болото.

– Это южная топь, – предупредил Лукус, обернувшись. – Она не менее опасна, чем лес. Но здесь мы пройдем. Болотные твари боятся гор. Остался один день, и мы окажемся на равнине Уйкеас – в краю свободных охотников. Там сравнительно безопасно, хотя теперь мне уже так не кажется.

Этот день оказался тяжелее, чем все предыдущие. Лес уходил все дальше к югу, превращаясь в зеленую полосу на горизонте. Линия гор плавно заворачивала к востоку. Между обрывающимися отвесной стеной скалами и лесом лежало болото. Запах гнили переполнял воздух. Что-то вспучивалось, дрожало и ухало в трясине. Бурлил газ в мутных лужах. Тоскливый вой доносился из туманного марева. Остановиться и передохнуть было негде. Спутникам все еще удавалось найти среди обломков камней опору для ног, но трясина подступала вплотную, и то и дело под ногами оказывалась либо зловонная жижа, либо раскачивающийся ковер болотной травы. Хорошо еще, что гудевшие в воздухе насекомые не садились на лицо и руки путников. Лукус и для этого случая знал спасительную траву. Вечером, когда они наконец поднялись по косогору на твердую землю, Сашка впервые был вымотан по-настоящему. Ему почти не удава-

лось найти источник силы в царстве гниющей плоти.

– Скоро привал, – сказал Лукус, когда воздух вокруг стал свежим, а холмистая равнина с высокой травой и отдельно стоящими группами кряжистых деревьев начала погружаться в вечерний мрак.

Они остановились в тени небольшой рощи и развели укромный огонь. Сашка подошел к дереву, потрогал ствол, покрытый чешуей растрескавшейся коры, погладил темно-зеленые треугольные листья. Втянул в себя терпкий запах, странным образом что-то напомнивший ему.

– Это наас, – сказал Лукус. – Луговой орех. Способен спасти изголодавшегося путника, когда плоды вызревают на его ветвях. Но за зиму птицы и звери уничтожили запасы.

– Здесь есть птицы и звери?

– Есть. Как ученику охотника, сообщаю, что здесь водятся птицы и звери. Но охотятся в основном на малов.[19] и лайнов[20] Это охота ради мяса. Шкуры добываются зимой. Но зимой охотник должен думать и о том, чтобы самому не стать добычей. С западных гор или из леса приходят хищники. И не только хищники.

– А сейчас хищников нет? – Сашка вздрогнул, невольно опуская руку к закрепленному на поясе ножу.

– Есть, – ответил Лукус. – Но не стоит тревожиться. Сейчас хищники сыты. Они слышат нас и уходят. И еще – что-

---

[19] Мал – луговой заяц с круглыми ушами *(ари)*.

[20] Лайн – равнинный олень небольшого размера *(ари)*.

бы избежать недоразумений в будущем: белу не едят мяса. И мы с тобой – охотники за растениями.

Они проснулись с первыми лучами и продолжили путь. Гряда гор теперь возвышалась на севере, утренний Алатель слепил глаза, а к югу до горизонта раскинулась холмистая, поросшая густой травой равнина. Сашка смотрел на Лукуса, который легко и бесшумно скользил по тропе, и пытался повторять его движения. В небе начали появляться птицы. Несколько раз в отдалении встречались стада лайнов – стройных животных, похожих на крупных косуль. Они испуганно смотрели на путников и стремглав исчезали при их приближении. Один раз Сашка чуть не наступил на мала, напоминающего одновременно огромного хомяка и зайца, только с маленькими круглыми ушками. Животное в ужасе подпрыгнуло на высоту Сашкиной головы и, хрюкнув, скрылось в траве. Сашка рассмеялся. Лукус, обернувшись, улыбнулся тоже.

– Зачем он так высоко прыгает?

– Сейчас весна. Скоро придут дожди, трава будет выше моего роста. Мал прыгает и смотрит, нет ли дыма степного пожара. Ловит запах врага. И пугает. Согласись, что ты испугался?

– Да. Он очень свирепо хрюкнул.

– По-настоящему свирепо хрюкает дикий кабан. Но кабаны здесь редкость, их родина лес.

– Мы не вызовем подозрения без добычи? Многие ли охо-

тятся на травы?

– Никто. – Лукус поднял ладонь. – Но меня здесь знают. И нам не нужно тащить с собой охапки травы. Есть растения, один листок которых стоит больше, чем мясо дюжины малов. Ты не чувствуешь больше врагов?

– Нет, – покачал головой Сашка.

Он перестал ощущать холод, когда их отставание превысило полдня пути. Выбравшись на равнину, они продолжали идти по следу пятерых. Несколько раз попадались останки убитых и съеденных животных, но присутствия врагов больше не чувствовалось.

– Птицы, – заметил Сашка. – Впереди кружат большие птицы.

– Я вижу. Мы должны посмотреть, что там.

В воздухе парили огромные птицы с красными головами. Пару особенно крупных Лукус спугнул с вытоптанной среди травы площадки. На ней кто-то лежал. Сашка подошел ближе и почувствовал, что тошнота подступает к горлу. Он увидел тело человека. Труп был покрыт ранами, а грудная клетка и голова превращены в месиво из костей. Вдобавок над ним потрудились еще и птицы. Ног у тела не оказалось. Кто-то отрубил их по самый пах. Лукус присел над останками и провел рукой в воздухе, пытаясь уловить что-то.

– Это охотник из Эйд-Мера, – сказал он. – Видишь сломанный лук? Возьми стрелу. На ней метка охотника, мы должны будем сообщить о несчастье начальнику стражи.

Вот, – кивнул Лукус на раздробленное туловище. – Это сделано молотом арха. А правое ухо ему отрезал, скорее всего, нари. Эти убийства кто-то оплачивает. Давно я не слышал о таком. Значит, вновь тень с севера? Скорее всего, враги шли не за нами. Они охотятся на всех, кто попадется. Поэтому так легко покинули наш след. Это и хорошо, и одновременно очень плохо. Нам придется похоронить охотника. Нельзя оставлять его пернатым могильщикам.

– Где его ноги? – спросил Сашка, пытаясь отогнать страшную догадку.

– Ноги – это пища арха. А может быть, и его спутников. Всякое бывает.

– Да, – пробормотал Сашка, начиная разрезать ножом дерн и чувствуя, как смертный холод пронизывает сердце. – Ты был прав, когда сказал, что Эл-Лиа очень строгая мать и очень жесткая колыбель.

Лукус молча рыл землю рядом.

– Не самое лучшее место для того, чтобы встретить смерть! – неожиданно раздался глухой голос у них за спиной.

Лукус разогнулся как стальная пружина и замер. Лицо его посерело. Сашка повернул голову. Возле тела погибшего охотника стояла странная фигура. Это был высокий мужчина в обвисшей широкополой шляпе. Лохмотья одежды развевались на ветру. Тонкие желтоватые пальцы сжимали суковатый посох. Босые ноги выглядывали из-под обрывков ткани. Мужчина поднял голову, и Сашка окаменел от ужаса

– у незнакомца не было глаз. На худом бледном лице зияли черные провалы. Два зеркала. Две бездонные пропасти.

– Похоронный обряд, – медленно проговорил человек и поднял свою палку.

Бледное пламя вспыхнуло на груди погибшего охотника, вытянулось языком и вошло в посох. Человек протянул его в сторону Лукуса, судорожно ухватившегося за меч.

– Успокойся, белу, – сказал мужчина. – Все произойдет так, как должно. Ты ничего не можешь изменить. Месяц назад ты прошел на север один. Кого там встретил?

Лукус не мог шевельнуться. Капли пота выступили на его лице. Человек перевел посох к Сашке.

– Встань, – послышался голос.

Подчиняясь приказанию, Сашка неловко поднялся, замер на дрожащих ногах.

– Кто ты? – спросил мужчина.

– Человек, – хрипло выдавил из себя Сашка.

– Имя, – без вопросительной интонации произнес мужчина.

Сашка поймал наполненный ужасом взгляд Лукуса и выдохнул:

– Александр.

Мужчина медленно подал посох к Сашкиной груди.

– Человек?! – раздался удивленный возглас.

Лукус издал сдавленный крик, но не смог произнести ни слова. Посох коснулся Сашки, и он почувствовал, буд-

то горячий ствол протыкает его насквозь. И в это мгновение странная ненависть к незнакомцу обожгла его изнутри, встряхнула, привела в чувство.

– Странный способ знакомиться, – сказал Сашка на валли и с трудом отвел посох в сторону.

Мужчина опустил посох и, распахнув неестественно огромную щель рта, внезапно ринулся на Сашку. От неожиданности тот отшатнулся назад, споткнулся и упал на спину. Тяжесть придавила к земле. Иглы холода вонзились в пальцы и побежали к локтям и коленям. В ужасе Сашка сжался в комок и изо всех сил отмахнулся от нависшей тени. В глазах что-то вспыхнуло, запах опаленных волос заставил закашляться. Когда он наконец проморгался, незнакомец исчез. Лукус судорожно выдохнул, медленно опустился на колени, дрожащей рукой поднял нож.

– Что это было? – спросил Сашка, сплевывая горечь, образовавшуюся на языке.

– А ты не знаешь?

– Нет. Такие нищие мне еще не встречались.

Сашка оглянулся. Теперь равнина тем более не казалась ему дружелюбной.

«Домой! – промчалась в голове отчетливая мысль. – Домой! Прочь от этих приключений!»

– Это был не нищий, – пробормотал Лукус. – И не человек. Это был манки.

– Что такое «манки»?

– Очень неприятная штука. Не живое существо, как ты мог бы подумать. Создание очень сильного колдуна. Эта тварь была почти осязаема. Обычно они создаются для наблюдения или надзора. Они не обладают разумом. Выполняют волю хозяина и смотрят его глазами. Иногда добывают жизненную силу. Высасывают ее остатки у трупов. Но этот манки был способен управляться с живыми. Мой оберег не отпугнул его. Не понимаю, почему он не погубил тебя. Даже обычного манки нельзя поразить или остановить без помощи магии!

– Зачем он тыкал в меня своей палкой?

– А ты не догадался? – удивился Лукус. – Он хотел взять тебя!

– Взять? – не понял Сашка.

– Запомни, – прошептал, оглядываясь, Лукус. – Смертный не может противостоять манки. Если бы он коснулся посохом меня, я бы уже двигался в страну предков. А он хотел взять тебя – и не смог! Хотя Леганд и говорил, что он тоже может противостоять манки, но Леганд обладает огромными знаниями! Главное не это. Боюсь, что манки охотился именно за тобой!

– Разве кто-то знает обо мне, кроме Леганда? – спросил Сашка, с трудом поднимаясь на ноги. – Конечно, если твоя птица долетела.

– Любая серьезная ворожба, а уж тем более проход в закрытый мир, не могут остаться незамеченными, – отозвался

Лукус. – И если манки был послан за тобой, он обязательно вернется. И будет сильнее в дюжину раз.

– А где он сейчас? – Сашка растерянно оглянулся.

– Сгорел. – Лукус щелкнул пальцами. – Только не спрашивай меня почему. Кстати, что за странное имя ты назвал ему?

– Александр. – Сашка пожал плечами. – Это мое… большое имя. Сашка – детское. Для близких.

– А-лек-сан-дер, – медленно проговорил Лукус. – Нет. Это сложное слово. Я буду называть тебя Саш. Похожие имена есть у белу. А сейчас завершим наше дело.

Они закопали труп и накрыли могилу дерном. Затем Лукус нашел несколько кустов лилового растения и воткнул в холмик.

– Это могильный остролист, – объяснил он. – Запах отпугивает могильщиков.

Как бы в подтверждение его слов птицы, до сего момента кружившие над ними, стали разлетаться. Лукус проводил их взглядом.

– Через две дюжины ли будет первый дом на тропе. Охотничья застава, жилище старого Трука. У него можно остановиться, перекусить, выпить пива, заночевать. Охотники продают ему добычу. Дешевле, чем в городе, но в итоге выгоднее, чем мотаться туда и обратно. Нужно сообщить ему о случившемся. Он предупредит охотников. Потом двинемся в город. Если не будем останавливаться, попадем туда утром

следующего дня. В пяти ли к востоку от хозяйства Трука проходит тракт. Он прямиком приведет нас в Эйд-Мер.

Спутники пробежали еще дюжину ли, затем Лукус, оценив скорость, с какой Алатель закатывается за горизонт, объявил ночевку. Огонь разжигать не стали. Лукус достал последний кусок сыра, разделил его на две части.

– Все-таки придется охотиться не только на травы? – спросил Сашка.

– Тебе так хочется убивать? – удивился Лукус.

– Нет, – замялся Сашка. – Тем более что мне никогда не приходилось этого делать.

– А разве большое оружие, о котором ты рассказывал, не выпускало стрелы по врагам?

– Нет. – Сашка вздохнул.

– В твоем дальнем мире очень спокойная жизнь, если воины считаются воинами, не убив ни одного врага, – заметил Лукус, устраиваясь спать. – Завтра поедим у Трука.

«В моем дальнем мире…» – повторил про себя Сашка. Тоска снова сжала сердце. Внезапно он отчетливо осознал, что ни одного близкого ему человека уже нет в живых. Что он никогда не услышит голоса матери, не встретится с ней глазами, не почувствует тепло ее рук. Пытаясь удержать слезы, Сашка мотнул головой. Что осталось в его дальнем мире? Пустая квартира в панельном доме? А здесь? Для чего он здесь? Что значит «оставил лазейку» и «пойти против воли богов»? Кто этот далекий и неизвестный Арбан? Для че-

го его потомок оказался в мире, где погибнуть так же просто, как споткнуться на неровной тропе? Какой во всем этом смысл? Что делать? Вернуться, с отчаянием подумал Сашка и начал исступленно бормотать строчки из книги, надеясь уснуть и проснуться дома.

Они почувствовали недоброе за полдюжины ли до дома старого Трука. Дым был едва заметен, прозрачным облаком размывая часть горизонта на фоне далеких гор. Лукус перестал упражняться с Сашкой в произнесении слов на ари, снял с плеча лук и побежал быстрее. Худшие опасения подтвердились. Дом Трука оказался сожжен. Пожарище почти прогорело. На пепелище лежали тлеющие бревна и обломки домашнего скарба. Лукус подошел к трупам лошадей. Потрогал голову одной из них, повернул горестное лицо к Сашке:

– Это произошло вчера вечером. У Трука было никак не меньше десяти постояльцев. Пятеро всадников. Сам Трук. Его жена. Обязательно два-три охотника. Мальчик. Племянник Трука. Я не вижу трупов. Нужно искать следы. Возможно, кто-то еще жив.

Они нашли полосу крови, гари и примятой травы. Идти пришлось недалеко. В ложбине за густым кустарником раздавалось тяжелое дыхание. Лукус сделал знак Сашке и осторожно пошел вперед. Дышал мальчишка. Подросток лет тринадцати, перемазанный кровью и сажей, с лицом, полным от-

чаяния. Он копал узкой лопатой яму. Мертвые лежали перед ним. Лукус пошел вперед. Мальчишка услышал шаги, вздрогнул, выскочил из ямы, схватив наперевес свое убогое оружие, но тут же узнал Лукуса. Выронил лопату, сел на край ямы и опустил голову. Лукус подошел и обнял его за плечи. Сашка взял лопату и стал копать дальше.

– Это случилось вчера, – сказал мальчишка устало. – Дядя отправил меня на тракт, чтобы я купил у проезжающих торговцев соль. Когда я вернулся, дом уже горел. Я вошел внутрь и увидел, что они все убиты. Здесь были четыре охотника. И пять стражников. Трук. Тетя Анда. Я едва успел вытащить тела на улицу, когда дом рухнул. Я ничего не спас. Я не сражался. И я не знаю, кто это сделал.

– Успокойся. – Лукус наклонился к нему. – Это очень сильные враги. Ты сам чудом избежал смерти. Найди в себе силы. Умойся. Посмотри, нет ли следов врагов возле дома. Мы похороним погибших. А потом возьмем тебя в город.

Мальчишка ушел.

– Не слишком ли много смертей? – мрачно спросил Сашка, отбрасывая в сторону землю.

– Юг Эл-Айрана всегда был беспокойным местом, – глухо ответил Лукус, осматривая трупы. – Здесь селились только сильные и смелые люди. Беда часто заглядывала в их жилища. Но никогда это не было так страшно и бессмысленно. Трук уверял, что сможет отбиться от любых разбойников. Он был крепкий старый охотник, но не рассчитывал, что на

него нападут воины. К тому же, если стражники не смогли ничего сделать, что спрашивать со старого Трука?

– Они пытались сопротивляться?

– Я не могу это определить. – Лукус присел на край ямы. – Здесь одиннадцать убитых. Все люди. У всех отрезано правое ухо. У двоих стражников и жены Трука отрезаны ноги. Все убиты ударами топоров. Трое изувечены молотом арха, но это были уже удары по мертвым телам. Скорее всего, арх не смог сразу втиснуться внутрь помещения и вымещал злобу уже на трупах.

– Надо торопиться. – Сашка показал на небо.

Лукус поднял голову, увидел кружащих падальщиков и начал стаскивать тела в яму.

– Я нашел след! – крикнул им мальчишка со стороны дома.

– Иди сюда, Дан! – позвал Лукус.

Они закопали трупы, воткнули в землю несколько стеблей могильного остролиста и поднялись к дому. След уходил с вытоптанной тропы в некотором отдалении от пожарища. На траве темнели высохшие капли крови. Но прежде чем идти по следу, спутники вернулись к сгоревшему дому. Лукус покопался в углях и, прихватив торчащую из пепла обугленную рукоять обрывком ткани, выудил закопченный топор.

– Это топор стражников Эйд-Мера. – Белу вздохнул. – Вот выбита эмблема города, две горы и Алатель между ними. И буква эльд. Мы отнесем его в город. Дан, где тетушка Анда

сажала овощи?

– Внизу у ручья, – ответил мальчишка.

– Я всегда удивлялся, как она отпугивала малов от грядок, – сказал Лукус. – Видно, недаром мой друг Хейграст говорит, что все женщины в какой-то степени связаны с магией. Дан, принеси какие-нибудь овощи. Мы идем в город. – Когда Дан ушел, Лукус заметил: – Самое странное, что их убили только затем, чтобы убить. Это не было нападением грабителей. Многие предметы утвари, особенно оружие, которое грабители не оставляют, преданы огню. Мы идем в город, но сначала изучим след. Мне кажется, кто-то из врагов ранен.

Труп одного из вражеских воинов они нашли через полтора варма шагов. Это был человек. Сашка вспомнил пятерых и поежился. Из узкой щели между укрытым под серой тканью шлемом и воротом кольчуги торчал обломок стрелы.

– Значит, – нахмурился Лукус, – они все-таки пытались сопротивляться. Хотя, мне кажется, это стрела Трука. Так и есть. Трук сопротивлялся, а стражники, скорее всего, были для этого слишком расслабленны. Трук ранил одного из врагов, и это единственное, что он успел сделать. Затем враги подожгли дом и ушли с раненым. Но рана оказалась серьезной, он почти сразу умер, и они его бросили. Только забрали оружие.

– И даже не похоронили?

– Ты слишком многого от них хочешь. – Лукус раздражен-

но махнул рукой. – Мне кажется, что они даже слегка придушили этого, чтобы не тащить на себе. Давай обыщем тело, должны же мы знать, кому он служил?

– Что мы ищем? – подавляя тошноту, спросил Сашка, когда доспехи с убитого были сняты.

– Какие-нибудь отметины, эмблемы, знаки. Но, кажется, ничего нет. У него смуглая кожа. Он похож на южанина, но это ни о чем не говорит. С таким же успехом он мог быть и горцем. Но я никогда не видел таких доспехов. И все-таки без Аддрадда не обошлось и здесь. Я в этом уверен. Особенно после встречи с архом. Вот. След на шее. У него висел на шее какой-то знак, но он сорван.

– У него заточены зубы, – прошептал Сашка.

Лукус отогнул губу трупа. Передние резцы и клыки убитого были заточены на конус. Белу прижал губу большим пальцем и ножом подковырнул зубные пластины. В руках у него оказались искусно изготовленные фальшивые клыки.

– Ну хоть что-то… – Лукус задумался, повернулся к Сашке, взглянул на побледневшего Дана. – Что это с вами? Нука добавьте решимости на лица! Иногда злость лучшее средство, чтобы устоять на ногах. Это всего лишь костяные накладки. Его собственные зубы самые обычные. Такие накладки вставляют в рот разбойники Слиммита, древней столицы Аддрадда. Они идут грабить и убивать с оскаленными пастями. Это подделка, пусть и искусная. А то я уже подумал, что древние легенды вторгаются на равнину Уйкеас. Но

это однозначно указывает на Аддрадд. Упаковывай доспехи.

– Ты собираешься взять их с собой? – удивился Сашка.

– Не забывай про Дана, – ответил Лукус и добавил: – Одна эта кольчуга стоит сколько, сколько мальчишка не заработает и за дюжину лет упорного труда.

– Я не нуждаюсь в милостыне, – неожиданно подал голос Дан.

– На милостыню можешь не рассчитывать, – строго ответил ему Лукус.

– Мы будем и дальше преследовать этих… четверых? – с сомнением поинтересовался Сашка.

– А мы их и не преследовали, – удивился белу. – Просто наши пути совпали. Но наших ушей в их коллекции не будет. Я предпочел бы сжечь тело врага, но сейчас это опасно. Будем копать яму – мертвый, будь он хоть враг, хоть друг, не должен гнить под лучами Алателя.

Они закопали тело и прошли еще несколько ли. Перед самым трактом след соединился с другим. Лукус присел, осмотрел траву, прошел дюжину шагов по новому следу. Вернулся к дороге. Общий след пересекал тракт, идущий желтоватой полосой вытоптанной в пыль травы в сторону города, и уходил на восток.

– С юга подошли еще пять или шесть таких же воинов, – сказал Лукус. – Я не вижу обозов на тракте. Дан, долго ли ты ждал здесь торговцев?

– Обозов стало совсем мало. – Дан вздохнул. – Дядя Трук

говорил, что в округе шныряют бандиты, поэтому и стражников пригласил в дом. Он даже кормил их бесплатно. И мне сказал, чтобы я прятался у тракта, но ждал. Я просидел тут полдня, пока не появился единственный купец. Его стражники едва не пристрелили меня. Хорошо еще, что он вез соль. Правда, цена поднялась. За те деньги, что дал дядя, я смог купить только половину. Купца сопровождала охрана, но он все равно торопился и боялся чего-то.

– Понятно, чего он боялся. – Лукус еще раз всмотрелся в след, окинул взглядом горизонт. – Стражники зря ели свой хлеб. Но они уже наказаны за это. Хотел бы я знать, сколько здесь бродит таких отрядов и кто посылает их? Ну? – Он обернулся к Сашке и Дану. – До города остался день пути. Вам не кажется, что эту равнину надо покинуть как можно скорее?

Глава 6
В ГОРОД

Дан бежал вслед за странным спутником Лукуса. Мальчишке приходилось видеть крепких воинов и охотников, которые иногда останавливались у дяди Трука, но этот человек не походил ни на одного из них. Он выглядел всего лишь на пять или шесть лет старше самого Дана. Чем-то Саш напоминал ари. Изредка эти удивительные элбаны проезжали через Лингер, но детские воспоминания уже потускнели. Ари перестали появляться задолго до нападения вастов. А Лингер сожжен ими уже три года назад. Отец говорил Дану, что беда опять назревает на севере, но она пришла с запада. Чудо, что мальчишка сумел добраться до дядиного дома. Если бы не встретившийся на дороге купец, который хотел поскорее покинуть разоренный городок, неизвестно где оказался бы Дан.

И все-таки ари немного выше. Царственны и недоступны, а незнакомец так прост. Впрочем, только на первый взгляд.

У него есть второе дно. Иначе травник то и дело не оглядывался бы на бегу. Дядя учил, что по глазам можно определить элбана. Некоторые внутри больше, чем снаружи. И незнакомец, когда оборачивается и подбадривает мальчишку взглядом, кажется много старше своих лет. Как легко он движется вслед за Лукусом! Несмотря на то что пристроил

на плечах тяжелый сверток с доспехами чужака и пополнил мешок принесенными Даном овощами! К тому же у него нет оружия, и говорит он на ари с каким-то странным акцентом. Непонятно.

У него странное имя. «Саш», называет его Лукус. Никогда Дан не слышал такого имени. И все-таки почему Саш так легко бежит – пожалуй, даже легче травника? Ведь Лукус – белу, они выносливее людей. «Неистребимый змеиный народ», называл их дядя Трук. Хотя ноша Лукуса невелика: мешок с травой, небольшой белужский лук со стрелами; маленький, словно игрушечный, меч и закопченный топор стражника. Но главное не удивительная выносливость Саша или Лукуса. Главное, чтобы он, Дан, выдержал этот бег.

Ему очень тяжело. До города почти три дюжины ли. Они пробежали только часть пути, а мешок с половиной меры соли словно разрезал плечо до кости. Ребра разламываются в боку, по которому он стучит при беге. Вкус крови стоит на губах. Свист в груди постепенно превращается в хрип. Никогда мальчишке не приходилось так бегать. Хотя дядя и говорил, что из него будет толк. Особенно когда Дан перещеголял Трука в стрельбе из лука, попадая малу в ушную раковину с трех дюжин шагов. А всего лишь три года назад, когда в изодранном платье без гроша в кармане Дан появился на пороге дома Трука, мальчишка не мог даже натянуть тетиву. Потом пришел Лукус и показал, как надо держать лук, как прицеливаются и как концентрируются опытные лучники на

полете стрелы, продолжая управлять ею даже после того, как отпущена тетива. Правда, пришедший однажды с Лукусом горбатый старик сказал, что было бы не менее полезно обучить мальчишку грамоте – да разве это возможно, если даже сам Трук почти не умел ни читать, ни писать? Тогда Дан промолчал. Отец внушал ему, что умения развиваются не для хвастовства, а для необходимости. И умение читать и писать, которому он успел обучить сына, тем более.

Лукус всегда учит. Вот и теперь он бежит рядом и говорит, что Дан бежит неправильно – занят своими мыслями, ноги движутся отдельно от головы. Еще он говорит, что дыхание мальчишки слишком мелко и неравномерно. Но разве оно может быть равномерным, если Дан с трудом удерживается от того, чтобы не упасть? Саш улыбается, потому что белу учит теперь не его, а Дана. А Лукус на бегу вглядывается в лицо мальчишки и объявляет привал. Интересно, что он увидел? Впрочем, это неважно. Дан все равно уже не мог больше бежать, но никогда бы не признался в этом и, скорее всего, умер бы вот так на бегу, как воин в бою. Прямо в этой траве и умер бы в стороне от тракта, потому что Лукус сказал, что по тракту идти нельзя…

Дан оказался крепким орешком. Он бежал на одном упрямстве, почти теряя сознание от изнеможения. Когда Лукус все-таки объявил привал, мальчишка медленно снял с плеча мешок, лег на спину и забылся тяжелым и нездоровым

сном.

– Помоги мне, – попросил белу.

Бережно расходуя воду, они аккуратно промыли ожоги на лице и руках мальчишки, затем Лукус достал глянцевый мешочек, выдавил на палец желтоватую маслянистую жидкость и смазал раны.

– Это масло белокопытника, – объяснил он Сашке. – Я лечил им твои руки. Жаль, что у меня нет запасной обуви – Дан, скорее всего, уже сбил ноги. У него плохие башмаки. По тракту мальчишка мог бы бежать босиком, но нам нужно держаться поодаль. Слышишь?

Сашка кивнул.

По дороге, которая в сотне шагов следовала в ту же сторону, что и путники, промчался уже третий отряд стражников. Латники громко ругались, подбадривая друг друга, но страх сквозил в голосах. Даже их черные красавцы кони храпели испуганно. Словно уже знали о судьбе своих сородичей, что лежали с перерезанными глотками у дома Трука. Отряды направлялись на юг. Стражники с подозрением окидывали глазами равнину. «Разве это воины?» – шептал Лукус негромко.

Он достал из Сашкиного мешка три корнеплода, напоминающих внешним видом репу, а вкусом земляную грушу, и сказал, что до прихода в город придется довольствоваться капустным корнем.

– Что это? – спросил Сашка, показывая вертикально вверх.

В глубине неба светлым крестиком парила птица. Сашка не обратил бы на нее внимания, но ощущение чужого цепкого взгляда заставило поднять голову. Лукус прищурился, всматриваясь, затем удивленно щелкнул пальцами.

– Ничего не могу сказать! Похоже на андарского орла, но размах крыльев не меньше дюжины локтей и расцветка странная. Крылья снизу голубые. Да и не встречаются здесь андарские орлы. Если только один из них подкрасил крылья, вырос против обычного в три раза и прилетел передать мне привет с далекой родины. Отдыхай. Пусть лайны и малы беспокоятся насчет тени, мелькающей над головой.

Сашка опустился на траву, некоторое время приглядывался к орлу, плавно замыкающему в небе круги и восьмерки, затем закрыл глаза.

Когда сумерки сгустились, Лукус разбудил Дана, заставил поесть, стащил с него башмаки из сыромятной кожи, промыл ноги и тоже смазал их мазью.

– Я думал, что будет хуже, – сказал он Сашке.

Дан следил за действиями Лукуса безразличными сонными глазами и снова повалился на траву, как только его оставили в покое. Перед тем как лечь спать, Лукус некоторое время прислушивался к ночным звукам, затем вопросительно посмотрел на Сашку. Тот протянул руку в южную сторону, и, словно в подтверждение жеста, оттуда донесся протяжный вой.

– Волки. – Лукус устало улыбнулся. – К счастью, обычные

степные волки. До них больше дюжины ли. Они неопасны. В брачный период им не до охоты. Сейчас даже лайны их не боятся. Вот через семь или восемь дней волки вспомнят о еде. Но даже и тогда не доставят нам беспокойства. Ты охраняешь первым, потому что успел отдохнуть. Я ложусь спать. Когда звезда Анэль взойдет над горизонтом, сменю тебя. Выходим затемно. Через несколько ли начнутся деревни. Я не хотел бы проходить через них в разгар дня.

«Интересно, – подумал Сашка, – что значит „необычные волки“, если обычные – „к счастью“? Неужели теперь я всегда буду вздрагивать от малейшей опасности, откуда бы она ни исходила? И как я узнаю, что над горизонтом взошла именно звезда Анэль?»

Лукус заснул мгновенно или просто закрыл глаза. Белу все делал бесшумно и спал так же. Сашка сел, прислонившись то ли к кусту, то ли к степному деревцу, и стал всматриваться в сумрак равнины. Ему казалось, что Лукус знает каждую травинку, каждое деревце по именам. С тех пор как они вышли на равнину, в глазах белу горел восторженный огонек. Он мог внезапно остановиться, опуститься на колени и гладить ладонями редкий цветок, нашептывая что-то вполголоса. И даже в часы привалов, прежде чем лечь, Лукус словно спрашивал разрешения у травы, не сминая ее, а разглаживая в стороны. Сашка не удивился бы, начни Лукус просить прощения у растений, на которые ему приходилось наступать во время бега. Впрочем, а сминал ли он хоть одно

при этом?

Сашка продолжал смотреть на чуть колышущийся ковер травы и неожиданно подумал, что точно знает, чего ему не хватает в этой ночи и во всех остальных ночах на равнинах и в горах Эл-Айрана. Луны. Небо Эл-Лиа не знало другого хозяина, кроме Алателя. Но ночная тьма скорее казалась сумерками. Звезды покрывали черное небо россыпями жемчужин. Особенно вдоль звездного экватора, который поднимался исполинским полуобручем, ослепительной звездной струей на треть неба на юге. Которая из этих ярких огней – звезда Анэль?

«Кто бы ответил мне, – мысленно спросил себя Сашка, вновь ощущая накатывающуюся тоску, – может ли быть так, что одна из малых звезд на этом небе земное Солнце? Или Земля находится в какой-то другой вселенной? Или в другом времени?»

С юга подул слабый ветерок, и звезды замерцали сквозь невидимые облака. Раздался шелест. Блеснула красная искра, и Сашка узнал птицу Лукуса. Она села на ветку куста, дрогнувшего под ее тяжестью, и, вертя головой, принялась рассматривать Сашку. Боясь спугнуть ее, он мысленно подался в сторону белу и шепнул «вставай!», представляя, что Лукус слышит его и просыпается. Тот открыл глаза, обернулся. Птица порхнула ему на руку и негромко застрекотала. Лукус дал ей щепоть семян, налил из бутыли несколько капель воды в ладонь. Аккуратно снял висевший у нее на шее

продолговатый цилиндр. Птица щелкнула клювом и улетела.

– Как ты это сделал?

– Что? – не понял Сашка.

– Ты вошел в мой сон, взял за плечо и сказал «вставай».

– Не знаю, – пожал плечами Сашка. – Я боялся спугнуть птицу, поэтому будил тебя мысленно. Просто ты почувствовал это так.

– Наверное, – нахмурился Лукус, вытаскивая из цилиндра узкую пергаментную полоску, испещренную письменами.

– Что это? – спросил Сашка.

– Новости. – Белу вздохнул. – И хорошие, и плохие. Чернота расползается с севера. Враги. Леганд назначает нам встречу в Мерсилванде. Он идет со стороны Аддрадда и будет на могильном холме через месяц или раньше. Но также он пишет, что идти надо через Мертвые Земли. Опасный выбор. Хотя, если таких отрядов на равнине много, дорога через Кадиш становится не менее опасной. Значит, придется идти коротким путем.

– Разве короткий путь хуже длинного? – не понял Сашка.

– Самый короткий путь к хвосту шегана[21] лежит через его пасть, – мрачно сказал Лукус. – До Мерсилванда по прямой около шести вармов ли, но мне всегда была милее лига в обход. Мы шли на юго-восток до Кадиша, затем поворачивали на северо-восток, огибая южный отрог Старых гор, и садились в Ингросе на судно до Шина. А там уже по Сила-

[21] Шеган – горный тигр *(язык банги)*.

улису на какой-нибудь маленькой юркой лодочке вместе с мелким торговцем с верхних земель добирались до Мерсилванда. Если пешую часть делать на лошадях, вполне можно управиться за два месяца и даже раньше. Хотя, если говорить честно, когда мы встретили чужаков, я понял, что путь на юг закрыт.

– Чем же плох путь через Мертвые Земли? – поинтересовался Сашка.

– Увидишь, – задумался Лукус.

– Это все? В отличие от тебя Леганд все-таки прислал письмо, а не маленький шарик.

– То был не шарик, а синдет, сок дерева боол, – усмехнулся белу. – Заговоренная смола. Просто Леганд умеет читать синдет, а я нет. Ты тоже, наверное, смог бы, но это сложно. Поэтому он прислал письмо. Еще он пишет, что Хейграст из Эйд-Мера пойдет с нами и будет старшим. Хейграст друг. Вик Скиндл, местный колдун, должен дать проводника и лошадей. Вот это мне нравится меньше. Вик должник Леганда, но я не люблю его. Он все пересчитывает на деньги. Хотя вряд ли осмелится не выполнить поручение. И еще Леганд пишет, чтобы мы берегли гостя.

– Гостем считаюсь я?

– Тебе это не нравится? Достаточно твоего желания, и ты перестанешь им быть.

– Лучше я останусь пока гостем, – поморщился Сашка. – Так возвращение кажется более реальным. Значит, путеше-

ствие не закончится в Эйд-Мере? Отец говорил мне: если заблудился, не двигайся. Жди помощи там, где потерялся.

– Всякий бы дождался помощи, если бы имел в запасе несколько жизней, – отрезал Лукус.

– Тогда я должен огорчить тебя. – Сашка развел руками. – Я никогда не сидел на лошади.

– Тебе придется научиться верховой езде. – Лукус кивнул. – Иначе побежишь за лошадьми пешком. Хотя я думаю, – позволил себе улыбнуться он, – у тебя и это может получиться. Кстати, – белу показал на выбирающуюся из-за горизонта рубиновую бусину, – это Анэль.

Они поднялись затемно, и лучи Алателя встретили спутников уже у первой деревни. Казавшиеся безжизненными дома выстроились вокруг сельской площади неполным кругом. У дороги чернели два пепелища. Сашка всматривался из-за придорожных кустов в невысокие строения с закругленными углами, сложенные из бревен, и сравнивал их с земными избами. Жители равнины Уйкеас не обрабатывали стволы, применяемые для строительства. Бревна клались друг на друга, а по углам, видимо, прибивались к невидимым вертикальным опорам. И углы зданий, и щели между бревен были замазаны мягким веществом, напоминающим глину. На окнах поблескивали полупрозрачные пленки. Кровлей служили куски кожи, покрывающие четырехскатные остроконечные крыши.

Лукус присмотрелся к маячившему среди убогих изгородей конному стражнику и облегченно вздохнул.

– Я его знаю. Это Милх, сын аптекаря Кэнсона, которому я продаю травы. Идите за мной, не прячьтесь, но не вздумайте сами отвечать на его вопросы, если таковые будут, конечно. Я поговорю с ним.

– Привет, Милх! – сказал Лукус, неожиданно появляясь из кустов перед опешившим стражником. – Почему не в теплой постели в такое раннее утро? Что ты забыл в этой убогой деревне, жители которой, похоже, не умеют обращаться с огнем?

– Фу, демон! – выругался Милх, поправляя съехавший на глаза шлем. – Всегда у тебя так, травник! Подходишь неслышно и зачем-то сразу начинаешь громко говорить!

– Кого тут бояться? – удивился Лукус. – К тому же разве маленький белу может испугать доблестного стражника свободного города, да еще вооруженного топором и сидящего на коне? А кольчуга-то такой толщины, что тобой можно баллисту заряжать!

– Сейчас такое время, – Милх пугливо наклонился в седле, – когда страх бродит по равнине сам по себе и прилипает к кому захочет. А чаще всего к первому встречному. Так же как к жителям этой деревни. Все крестьяне ушли в город. Кроме Витара и Анха с семьями. Они сгорели вместе с домами, но, кажется, кто-то порубил их перед этим, как хозяйка рубит капустный корень, чтобы бросить его в горшок

со специями. В этой пустой деревне я всего лишь исполняю роль вестника. Моя обязанность – при любых новостях разворачивать коня и скакать изо всех сил к городским стенам. Хотя думаю, что вести сами придут в город. Все деревни в округе пусты. Если только у самой стены да вокруг базарной площади еще остались некоторые смельчаки, да и они сидят на мешках со скарбом.

– Давно ли настали такие веселые времена? – спросил Лукус.

– Да считай, уже недели две, – ответил Милх. – Первые дома сгорели на западном склоне в деревне Каменный Мал сразу после окончания большой ярмарки. Мы провожали эскортом до южной границы делегацию индаинского князя. Он приезжал к нашему бургомистру. На обратной дороге встретили погорельцев.

– Значит, веселиться нам не придется, – нахмурился Лукус. – Послушай, Милх. Как видишь, я иду в город с двумя спутниками. Так вот, я несу дурные, но важные вести. Сколько еще постов до города?

– Три. – Милх выпрямился. – А кто с тобой?

– Дан, сын Микофана из Лингера, племянник Трука, и Арбан Саш из дальних земель, мой ученик.

– Трука я знаю, – поскреб пальцами бороду Милх. – И парня этого у него видел. Но ученик твой кажется мне подозрительным. Чем-то он смахивает на ари. Не слышал, чтобы ари шли в ученики к травнику. Я должен задерживать всех

незнакомцев.

– Чтобы отправлять их для разбирательства к бургомистру, – согласился Лукус. – Если они, конечно, захотят, потому что в одиночку даже такой доблестный стражник, как ты, вряд ли сможет их к этому принудить. Но Саш не ари, если ты приглядишься. Да и с каких пор в городе стали бояться ари? Никогда со времен Черной смерти беда не приходила с их стороны. Да и ваши городские стены построены именно ари – надеюсь, ты это знаешь?

– Это все легенды, – не согласился Милх. – В долине Эйд-Мер не живет ни одного ари, поэтому любой ари подозрителен. Я должен задержать вас до прибытия дозора.

– Ну ладно. – Лукус поднял ладонь. – Упрямство не заменяет доблесть, но незаменимо в охранной службе. Мы идем в город, и к бургомистру нас отправят неминуемо. Может быть, проводишь нас до южных ворот?

– Проводить? – стражник заколебался. – Ты считаешь, что у меня есть причины покинуть пост?

– Милх! – повысил голос Лукус. – Трук убит вместе с женой и всеми постояльцами. Мальчишка выжил благодаря случайности. Заставы старого охотника больше нет. Она тоже сожжена. Возьми и отвези в город топор командира стражников. Пятеро твоих товарищей нашли смерть в доме Трука.

– Эргудус, Макус, Ливко, Брит, Нах, – побелевшими губами прошептал Милх имена погибших, рассматривая подан-

ный ему топор. – Как раз сейчас три отряда ищут их следы.

– Советую поторопиться, – продолжил Лукус, – потому что каждый воин врага один может стоить вашего отряда из пяти человек. Кроме этого, мы видели арха. Надеюсь, арха ты не относишь к легендам? Еще не пора лететь с известиями к бургомистру?

Милх с посеревшим лицом развернул коня, ударил сапогами в бока и помчался в сторону города.

– Пароль! – крикнул ему вслед Лукус. – Скажи пароль, чтобы пройти посты!

– Оган! – донеслось до них.

– Мог бы и не спрашивать, – грустно усмехнулся Лукус. – Разве это воины? Дети торговцев и ремесленников. Они не меняют пароль уже три года, с тех пор как был сожжен Лингер и им пришлось возобновить охранную службу. И не поменяют, пока бургомистр Оган правит городом.

Постепенно Алатель подобрался к зениту. Лежавшие у подножия гор деревеньки еще не опустели, но лица редких крестьян выглядели напряженными и испуганными. Стражники встречали путников с топорами наперевес. Сквозь злость, горевшую в их глазах, угадывался все тот же страх. Лукус только качал головой и вздыхал.

Спутники уже подходили к базарной площади очередной деревни, когда Сашка ошеломленно замер на месте. Внезапно он понял, что принимаемая им за седловину горно-

го хребта складка горы – на самом деле рукотворное сооружение! Он был поражен открывшимся зрелищем! Там, где горный кряж делал поворот к югу, долину между двух вершин перегораживала чудовищная стена, построенная из каменных блоков, каждый из которых превышал рост человека. Твердыня казалась не просто неприступной – даже добраться до нее было непросто! От основания стены спускался крутой каменистый склон с вырубленной узкой тропой для пешеходов и лошадей и деревянным воротом у проездной башни для поднятия телег и повозок. Лучи Алателя отсвечивали на массивных металлических воротах.

– У людей короткая память, – сказал Лукус. – Когда-то очень давно этот город построил король Ари-Гарда. «Вард–Баст»[22] – назвал он северную цитадель, которая перегородила вход в горную долину с севера со стороны Дары, ставшей теперь Мертвыми Землями. Затем ари построили эту стену с юга. Сначала самый сильный воин короля бросил от подножия горы копье. Король отсчитал вверх от места его падения два варма шагов и приказал закладывать фундамент крепости. И стену поднимали до тех пор, пока самый сильный лучник оказался не в силах послать стрелу выше укрепления. Затем многие годы ари наполняли безжизненную долину Эйд-Мер плодородной землей, устраивали глубокие колодцы, высаживали лес на склонах, превращали город в ярчайшую жемчужину в короне Ари-Гарда. В неприступную

[22] Южный предел *(валли)*.

жемчужину. Ни одна армия не взяла эту твердыню. Но даже самые крепкие латы не спасут от тонкой ядовитой стрелы, пущенной в спину. Беда пришла со стороны Ари-Гарда. Через северное ущелье, через крепость Вард-Баст, со стороны столицы вместе с последним королем Ари-Гарда и всей Дары. Этой бедой была Черная смерть. Корона короля упала с его головы именно в Эйд-Мере. Он умер, а вместе с ним умерло последнее государство ари в центре Эл-Айрана. «Обруч Анэль» называлась корона, потому что только один камень, огромный рубин, похожий на звезду Анэль, был закреплен на серебряном обруче. Рубин Антара.

– Этого короля звали Армахран? – тихо спросил Сашка и прочитал на валли всплывшие в памяти строчки из книги:

Смотрит в глубины Антара и спит Ари-Гард,
Знает, на севере крепость не дремлет Урд-Ан,
Знает, на юге спокоен могучий Вард-Баст,
Знает, что крепко закрыты ворота Маонд,
Знает, стоит неусыпно вдали Мерсилванд.
Но он не знает, что смерть уже в нем.
Проснись, Армахран, и умри.

– Может быть, ты знаешь об Эл-Лиа больше меня? – прошептал Лукус, пристально глядя в глаза Сашке. – Мертво озеро Антара, когда-то подарившее ари рубин! И Ари-Гард теперь Мертвый Город, но об этом Леганд будет говорить, а не я. Пошли наверх. И старайся больше видеть и слышать.

Когда смерть исчезла, через многие годы в эту крепость пришли люди. Они живут здесь всего только пять вармов лет и считают, что это вечность.

– Никого нет, – растерянно заметил Дан, оглядываясь.

– На этой базарной площади у начала лестницы толпилось иногда по лиге элбанов! – зло усмехнулся белу. – Люди, ари с запада, востока, из-за моря, нари, белу, даже шаи и банги изредка появлялись здесь. И вот с равнины Уйкеас запахло пожарами, и они попрятались, вместо того чтобы защитить себя!

– Ты же сам говорил, что они не воины, – не согласился Сашка.

– Любой может стать воином! – Лукус поднял ладонь. – Самое слабое существо может стать воином, потому что сила воина не снаружи. Она внутри!

– Ты хочешь слишком многого, – покачал головой Сашка. – Мне кажется, что в мире должно быть место и слабым. Ты же не требуешь, чтобы воином стал младенец, или старик, или женщина?

– Женщины белу – воины! – гордо сказал Лукус.

– И все-таки, – не согласился Сашка, – я думаю, что прежде всего они все-таки женщины.

– Когда белу покидает дом, – заявил Лукус, – он верит, что его женщина сначала воин, а потом женщина.

– Ну… – развел руками Сашка.

– Кто-то стоит наверху. – Дан прищурился.

– Милх ждет нас у ворот, и не один, – сказал Лукус, поднеся ладонь к глазам. – Вон тот высокий человек в длинной кольчуге – начальник стражи Бродус. Может быть, единственный воин среди городских стражников. А вон тот толстяк в серебряной кирасе и с золотым значком на шапке – бургомистр Оган.

Сашка попытался рассмотреть, кто из маленьких фигурок у ворот Милх, кто Бродус, а кто Оган, но на таком расстоянии не смог. Он поправил сверток с доспехами на плечах и пошел за Лукусом. За ними следовал Дан.

Глава 7
ЭЙД-МЕР

Спутники подошли к началу тропы и, миновав нескольких стражников, начали подниматься. Когда Дан бывал у городской стены вместе с дядей и рассматривал петляющий подъем со стороны торговых рядов, он казался ему гораздо короче. Трук не слишком жаловал горные тропы, поэтому дела улаживал на ярмарке. Он ходил между торговцами, продавал мясо и шкуры, покупал соль, пряности, присматривался к лошадям и кузнечным изделиям. Торговался до хрипоты. В гомоне и ругани, с трудом пробираясь в давке, отмахиваясь от назойливых торговцев сладостями, Дан следовал за Труком и мечтал, поглядывая на стену, как взбежит однажды по узкой тропе и собственными глазами увидит чудесный город. Теперь же он едва переставлял ноги, боясь оглянуться и посмотреть с высоты. Лукус перепрыгнул на полосу для повозок, предпочитая сократить путь. Саш поднимался перед Даном легко, будто прогуливался по равнине. А сам Дан шел только что не на ощупь.

– Главное – не упасть, – прошептал сквозь сжатые зубы мальчишка, смахивая с ресниц пот.

– Стойте, путники! – рявкнул с площадки возле ворот старый стражник, грозно топорща седые усы и бороду. – За какой надобностью проходите через ворота Эйд-Мера?

– Еще не прошли, – ответил Лукус. – Надобностей много, Раиф. Поспать. Умыться. Почистить одежду. Выпить пива. Говорят, что пиво в городе по-прежнему лучшее на всей равнине Уйкеас! Или что-то переменилось в пивоваренном деле за время моего отсутствия? К тому же надо бы и о делах позаботиться, продать Кэнсону травы, чтобы аптекарь готовил свежие мази для суставов, костей, кожи. Особенно для спины стражу ворот, которому приходится уже третью дюжину лет таскать тяжелую алебарду. Или спина уже не беспокоит тебя, Раиф?

– Не стоит подшучивать над старым солдатом! – крикнул из группы стоявших у стены людей, среди которых был и бургомистр, человек в длинной кольчуге. – Он всего лишь исполняет свой долг. А ты, травник, тем более что прекрасно знаешь наши порядки, должен ответить на все вопросы и сказать, где собираешься остановиться и кто за тебя поручится из жителей города.

– За меня и моих спутников, Бродус, – уточнил Лукус. – Со мной ученик Саш и Дан, племянник Трука. Остановимся мы у оружейника Хейграста. Он за нас всех и поручится. Дела у меня, как вы знаете, к Кэнсону. Но я думаю, что мне есть что сказать и господину бургомистру.

– Ну так подойди сюда, Лукус-травник, вместе со своими спутниками, – смягчил тон Бродус. – Или ты думаешь, что господин бургомистр устроит по случаю твоего прихода торжественный прием в городской ратуше?

– Нет, на это я не рассчитываю. – Лукус поднял ладонь, подходя к бургомистру. – Здравствуй, Оган. Здравствуйте, почтенные жители Эйд-Мера. Думаю и вижу, что гражданам вольного города сейчас не до торжественных приемов.

Оган, невысокий полноватый мужчина, одетый в темно-синий камзол, серебряную кирасу и шляпу с золотым значком, пожевал расслабленными губами и хмуро кивнул Лукусу, даже не посмотрев в сторону его спутников.

– Милх передал нам топор Эргудуса. Расскажи, как он погиб.

– Я не присутствовал при его смерти, – ответил Лукус. – Поэтому могу говорить только о следах. Но сначала еще вот об этом.

Лукус подал Бродусу стрелу охотника.

– Хозяина этой стрелы убили недалеко от южной топи, через две дюжины ли от нее, на тропе Ад-Же.

Бродус взял стрелу, присмотрелся к письменам на древке и тяжело вздохнул:

– Фавус. Охотник Фавус. Еще одна вдова и четверо сирот в городе.

– Не только, – продолжил Лукус. – Четыре охотника убиты в доме Трука. Так же как и стражники из отряда Эргудуса. Так же как и сам Трук, который успел убить одного врага. Погибла жена Трука Анда. В живых остался только Дан, племянник старика, он покупал соль на тракте у южного купца.

– Единственный и последний купец на этой неделе, – про-

бормотал бургомистр. – Между тем город наш жив торговлей и ремеслом. Сможешь ли ты указать места погребений убитых, чтобы родственники перезахоронили их по своим обрядам?

– Смогу, – склонил голову белу. – Найти их несложно. Первый охотник лежит прямо на тропе, мы отметили место. Все погибшие у Трука – в ложбине к югу от его заставы. Меньше варма шагов.

– Ты сказал, что Трук успел убить одного врага? – переспросил Бродус.

– Да, – повернулся к начальнику стражи Лукус. – Мы нашли его в траве в полтора варма шагов от пепелища. На одежде не было никаких знаков. Мы взяли его доспехи, чтобы отдать Хейграсту в оплату за участие в судьбе мальчишки. Покажи, Саш.

Саш снял с плеча и развернул сверток с доспехами. Собранная из металлических колец кольчуга, кожаные штаны с бляхами, шлем, сплетенный из стальных пластин, и железные поножи заблестели под лучами Алателя. Дан стоял в отдалении, не решаясь опустить на камень нарезавший плечо мешок, и рассматривал людей, окружавших бургомистра. Рядом с Оганом, который показался мальчишке похожим на важную надутую птицу, стоял Бродус. Статная фигура начальника стражи выгодно выделялась среди свиты бургомистра, и Дану подумалось, что по справедливости бургомистр должен быть у Бродуса в подчинении, а не наоборот

– настолько проще, естественнее и мудрее казались жесты, голос и глаза воина. Из-за его плеча выглядывал Милх. На лице сына аптекаря сквозило явное разочарование, оттого что ему был доверен только топор, а доспехи врага получить и привезти не удалось. Справа от бургомистра, опираясь на длинный меч в исцарапанных ножнах, стоял высокий, еще на полголовы выше Бродуса, худой человек с изборожденным морщинами лицом. Он бросил короткий взгляд на доспехи, шевельнул их ножнами и что-то сказал Бродусу. Начальник стражи кивнул. Бургомистр нахмурился, а пятый, стоявший у него за спиной, поджал тонкие губы и с ненавистью посмотрел в сторону путников. Он чем-то неуловимо отличался от остальных. Но не заметной тучностью фигуры и не платьем состоятельного горожанина. И даже не черной тростью, инкрустированной золотом, что поблескивала у него в руках. Отличие было в лице. Оно выражало злобу, а не тревогу. Впрочем, толстяк стоял позади всех и видели это только Лукус, Сашка и Дан.

– Хорошо, – сказал бургомистр. – Отдайте доспехи Хейграсту, но предупредите, чтобы пока не продавал их. Возможно, они еще понадобятся городскому магистрату. Пусть подождет хотя бы с месяц. И еще. Повтори, травник, что ты рассказывал о врагах Милху.

– Если угодно, – согласился Лукус. – Мы видели отряд, на котором кровь Трука и его гостей, неделю и один день назад на тропе Ад-Же в горах. Враги шли с севера.

– Что вы забыли у проклятого леса? – вмешался в разговор человек с золоченой тростью.

– Не я выбираю свои дороги, – скривил губы Лукус. – Иду туда, где растут лучшие травы. Никто не ходит в Вечный лес, и я не захожу в него. Но в лугах на его окраинах есть травы, которых нет больше нигде. Аптекарь Кэнсон настойчив, требует именно то, что ему нужно.

– Говори, травник, – сказал Бродус, неприязненно посмотрев в сторону толстяка.

– Мы услышали приближение неизвестных элбанов и сочли за благоразумие спрятаться в скалах, – продолжил Лукус. – Нам удалось разглядеть, что их пятеро. Четверо были в таких доспехах, один нари и три человека. Пятый, арх, с боевым молотом, в сандалиях. Он бежал в строю вместе с остальными.

– В строю? – удивился Бродус. – В одежде и с настоящим оружием?

– Да, – подтвердил Лукус. – Они направлялись на юг. Мы выждали и двинулись по их следам. Так мы нашли охотника, а затем и сгоревший дом Трука и всех убитых. Племянника Трука взяли с собой.

– Зачем вы пошли по следам врага? – снова вмешался человек с тростью. – Уж не собрались ли поохотиться на арха?

– Нет, – после короткой паузы ответил Лукус. – Не думаю, что даже и две дюжины стражников Эйд-Мера могут совладать с архом. Мы шли в город, и у нас не было другой до-

роги. К тому же самый безопасный способ передвижения – это идти по следу врага. Я надеялся, что так мы будем в безопасности.

– Надеялся? – переспросил Бродус.

– Да, – вздохнул Лукус. – И ошибался. У дома Трука в этот отряд влилось еще пять или шесть воинов. И эти враги пришли уже не с севера, а с юго-востока.

– Можешь ли ты еще что-нибудь сообщить магистрату? – спросил Оган.

– Если только что-то неприятное, – кивнул Лукус. – У некоторых трупов отсутствовали ноги. Видимо, арх питается ими. Кроме этого… – вздохнул и продолжил белу, – у каждого погибшего отрезано правое ухо.

Общий вздох вырвался у стоявших возле ворот.

– Об этом вам, – бургомистр внимательно оглядел спутников, затем перевел глаза на сопровождающих его людей, – и вам не следует никому говорить. В городе неспокойная обстановка. Страшные истории о стервятниках Аддрадда и предсказания возможной войны никому не принесут пользы. Жители окрестных деревень заполнили площадь за крепостными воротами своими шатрами. Не стоит распространять панику. На этом пока закончим.

Он вновь внимательно посмотрел в глаза путникам, и Дан внезапно понял, что этот полный человек с безвольными губами на самом деле очень крепок и уверен в себе.

– Я благодарю вас даже за столь неутешительные вести, –

сказал бургомистр. – Можете рассчитывать на содействие магистрата в случае каких-то осложнений с наполнившими город приезжими. Но вы должны помнить о необходимости исполнения законов города и всех решений магистрата, пока находитесь под защитой его стен. Включая обязанность вставать на защиту Эйд-Мера, если нападение врага застанет вас за его стенами. Кроме того, напоминаю, что вход магов и колдунов на территорию города, а также исполнение ими обрядов без специального разрешения на это запрещены. Нарушители наказываются по законам города. Наконец, я обязан спросить: есть ли у вас какие-либо просьбы к магистрату?

– Только одна просьба, уважаемый бургомистр, – склонил голову Лукус. – Мы пробудем в городе не более одного-двух дней. Скоро конец весны, время цветения. Травник должен собирать травы. Наш путь лежит в долину Силаулиса через Кадиш и Ингрос. Но в этих обстоятельствах шансы пересечь равнину Уйкеас невелики. Я прошу вас выпустить нас через северную цитадель.

– Вы выбираетесь из костра, чтобы войти в пылающий лес, – мрачно пошутил бургомистр. – Чаргос, – обратился он к худому человеку с мечом, – выпусти их через северную цитадель, и, если мы снова увидим травника после путешествия по Мертвым Землям, это, по крайней мере, даст шанс на восстановление еще одного торгового пути. Раиф, открывай ворота!

Раиф махнул рукой, и, подчиняясь скрытому в стене механизму, ворота начали отворяться. Повторяя движения Лукуса и Саша, Дан склонил голову перед бургомистром и вслед за спутниками вошел под крепостные своды.

– Почему ты не сказал бургомистру про заточенные зубы? – спросил Лукуса Саш.

– Я и так сказал ему многое, – ответил Лукус. – В той череде плохих вестей, что мы принесли в город, – это мелочь.

Толщина стены превышала пять дюжин шагов. Сверху падали рассеянные потоки света, прямо над головами нависали готовые по тревоге опуститься остроконечные решетки, на выходе поблескивали такие же, как и снаружи, тяжелые ворота.

– Город изменился с тех пор, как здесь поселились люди, – заметил Лукус. – Многие здания переделаны, надо сказать, не лучшим образом. Большая часть долины, когда-то бывшая садом, теперь тоже застроена. Хотя даже того, что осталось, достаточно, чтобы город выдержал почти любую осаду. Смотрите!

Спутники вышли на свет, и Сашка непроизвольно замедлил шаги. Он не был бы очарован больше, даже если бы перед ним высились хрустальные замки! Царство башен открылось его глазам! Круглые и четырехугольные, многогранные и многоголовые – они заполняли все пространство чудесной долины! Только городская площадь шириной не бо-

лее двух вармов шагов, занятая многочисленными шатрами, повозками и палатками, оставалась свободной от башенного великолепия, но дальше… Розовые и серые, голубые и черные, белые и коричневые в зависимости от камня, который шел на их строительство, башни вонзались в небо остроконечными кровлями и причудливыми зубцами, строгими конусами и округлыми колпаками.

– Потрясающе!

– Ну это как раз строения ари, – довольно усмехнулся Лукус, подталкивая в спину Саша и торопя забывшего об усталости Дана. – Новые постройки дальше. И готов заранее согласиться, что красивее Эйд-Мера нет города в Эл-Айране. Хотя далеко не все города я видел своими глазами. Да не стойте же как столбы! Двигайтесь, иначе наши лица будут известны в каждой деревне!

Лукус повлек за собой оторопевших спутников через толпу снующих по площади крестьян. Встревоженные лица оборачивались к вновь прибывшим. Женщины в длинных узких платьях спешили к центральному проходу между шатрами. Мужчины в коротких рубахах и широких штанах из грубой ткани растерянно приглядывались к путникам. Полуголые дети всех возрастов выстроились позади них галдящим хвостом.

– Никаких новостей! – раз за разом повторял Лукус в ответ на вопросительные взгляды крестьян, умудряясь одновременно что-то рассказывать спутникам: – Слева внутрен-

няя крепость. Видите четыре высокие белые башни, которые водят хоровод стен вокруг пятой? Это ратуша и казармы стражников. Там же и основные колодцы с водой, склады продовольствия, арсенал. Все башни возведены умельцами ари. И эти гиганты, что цепляют облака по правую руку, и красавцы, что украсили центральные холмы города. Конечно, с древности остались только стены да кровля, но я не знаю ни одного здания, построенного людьми, которое отстояло бы столько времени!

– Кто был человек с золотой тростью? – спросил Сашка. – Тот, которому очень не понравилась наша ноша?

– Валгас, – нахмурился Лукус. – Очень влиятельный член магистрата. Он недавно в Эйд-Мере, меньше четырех лет. Прислан сюда так называемым священным престолом. Из Империи. Настоятель местного храма. Видишь справа на склоне горы огромную серую башню? Как только Оган позволил ему возвести такое ужасное строение! Единственное новое здание в этой части города. Его купол даже выше городской стены!

– Производит гнетущее впечатление, – согласился Сашка.

– Храм Эла, – вздохнул Лукус. – Его обитатели прикрываются именем творца, но у них такой вид, словно они поклоняются демонам. Вотчина Валгаса!

– А чем его разозлили мы?

– Ему не понравилось замечание Чаргоса относительно доспехов.

– Я не разобрал его слова.

– Чаргос сказал, что в таких же кольчугах были охранники индаинского князя. Не понимаю, какое дело до этого Валгасу, но одно я знаю точно – один враг в этом городе у нас уже есть!

– Саш! – неожиданно закричал Дан.

Сашка обернулся и внезапно увидел огромную тень, метнувшуюся к нему. С громким скрипом сдвинулось с места бревно, подпирающее навес над входом в какое-то заведение. Раздался треск ломающихся досок. Каменные плиты посыпались сверху. Что-то рухнуло внутри невысокого строения, зажатого двумя башнями. Истошный крик поднялся из-за их стен. Огромный серый зверь, отброшенный натянувшимся канатом, вновь вскочил на лапы и теперь молча тянулся к Сашке, оскалив чудовищные зубы.

– Собака! – в ужасе прошептал Сашка, не в силах сойти с места.

– Собака, – согласился Лукус, убирая в ножны мгновенно оказавшийся в руках меч. – Если бы не чудовищные размеры, пожалуй, я бы сказал, что цингон – боевая собака нари. Но этот пес больше цингона раза в три. Если ты сядешь ему на спину, ноги не будут доставать до земли.

– Не хотелось бы мне садиться ему на спину, – прошептал Сашка, ощущая противную дрожь в коленях и с трудом делая шаг назад.

– Не волнуйся, – успокоил его Лукус. – Канат прочен, его

не разорвать и пяти псам, хотя не думаю, что еще одну такую собаку можно найти во всей Эл-Лиа. Слышал я о ней, но вижу в первый раз. Удивительно другое – пес пытался напасть именно на тебя. Уходим! Народ начинает собираться!

– Стой! – раздался крик со стороны полуразрушенного здания.

Сашка обернулся и увидел выбирающихся через покосившееся окно людей.

– Стой, демон! – проорал еще раз первый из них – мужчина громадного роста с металлической палицей в одной руке и кнутом в другой.

– Спокойно. – Лукус остановился.

Толпа зевак сомкнулась вокруг них кольцом. Только со стороны пса остался проход: чудовищные клыки и длина каната ограничивали любопытство.

– Стой, демон! Во имя Эла! – еще раз проорал верзила. – Я хозяин этого пса! Я служитель храма! Меня зовут Бланг! Пес натаскан на демонов! Ни одного не пропустит и за полли! Дайте дорогу!

– Кто здесь демон? – невозмутимо спросил Лукус.

– Он! – Верзила ткнул кнутовищем в сторону Сашки. – Мой пес никогда не ошибается!

– А-а-а! – заголосил подбежавший к толпе толстяк. – Моя корчма разрушена! Кто будет ее восстанавливать? Кто мне оплатит убытки?

– Твою корчму разрушила эта собака, – показал на пса Лу-

кус. – Следовательно, всю ответственность несет ее хозяин.

– Какая корчма? – вновь заорал верзила. – Пес почуял демона, и я не собираюсь отвечать за трухлявость чьих-то стен!

– Стены Эйд-Мера не рассчитаны на привязь чудовищ. – Лукус усмехнулся одними губами. – Тем более таких, которые бросаются на простых людей.

– Что вы слушаете этого змееныша? – закричал верзила, обращаясь к толпе. – Ваши дома жгут! Ваших детей убивают демоны, а вы смотрите, как один из них разгуливает по городу? Посмотрите на этого парня! Он непохож на местного жителя! Убить его!

Никто не сказал ни слова, но в наступившей тишине Сашка почувствовал, что кольцо людей вокруг уплотнилось и сдвинулось на шаг. Опасностью и злобой повеяло на него.

– Разве в свободном городе Эйд-Мере уже не существует право на защиту от лживого обвинения? – Лукус вновь обнажил меч. – Или маленький белу с друзьями опаснее бешеного пса? Пусть так. В таком случае мы погибнем, но кому-то придется отправиться вслед за нами! И для них это не будет достойная смерть, окрашенная кровью, пролитой в бою! Это будет позорная смерть покушавшегося на убийство невинного!

– Жа-а-ах! – просвистел в воздухе кнут, навиваясь петлей на руку Лукуса.

– Вжжж! – выворачиваясь и падая в пыль, сделал стремительное движение мечом белу.

Разрубленные куски хлыста упали на землю.

– Где уж тебе биться с демонами, – презрительно бросил Лукус взвывшему от досады верзиле, – если ты не можешь управиться с собственным кнутом. Жители и гости Эйд-Мера! Я Лукус-травник, белу, дюжину лет прихожу в ваш город. Я собираю травы и продаю их аптекарю Кэнсону. Я не занимаюсь магией. Я не убиваю животных. Но я смогу постоять за себя и за моего ученика. Разве плохо, если человек захотел узнать у белу, как называются травы и какие из них помогают при болях в ногах, в голове, в легких и при других болезнях?

Толпа расслабилась при перечислении болезней, но люди по-прежнему стояли плотным полукольцом.

– А это Дан, – продолжил Лукус. – Племянник Трука. Многие из вас знали старого Трука? Так вот его больше нет. Все его постояльцы убиты, дом сожжен. Мы похоронили их. И тоже ищем защиты для себя, как и вы, за стенами Эйд-Мера. Многие ли из вас слышали, чтобы демоны хоронили убитых? А еще за день перед этим мы хоронили охотника Фавуса, у которого в городе осталась жена с четырьмя детьми. Думаете, только вас настигла беда?

В толпе ойкнули, и несколько женщин торопливо побежали в сторону верхних улиц.

– Не слушайте его! – снова заорал Бланг. – Он скажет что угодно, только бы избежать смерти!

– Смерти?! – возмутился Лукус. – И это говоришь ты,

охотник за демонами? Который, скорее всего, не видел ни одного демона в своей жизни? Смотри!

Белу подошел к Сашке, отстраненно стоящему посередине круга, взял его руку и быстрым движением сделал надрез. На ладони мгновенно набухла полоска крови. Алые капли упали на каменную мостовую.

– Видите? Это кровь человека! – крикнул Лукус. – Все знают, что кровь демона черная! Что?.. – Травник подошел вплотную к опешившему верзиле. – Скольких безвинных людей ты уже загубил вместе со своим псом?!

– Смотрите! – неожиданно рассмеялся Дан, до этого момента стоявший как засохшее дерево. – Смотрите!

Пес, только что пытавшийся порвать толстый канат и скаливший огромные зубы, теперь лежал в пыли и, положив голову на передние лапы, еле слышно поскуливал, виляя при этом хвостом.

– Пошли, Саш, – сказал Лукус, бросив взгляд на обескураженного верзилу, к которому уже подбирался остервеневший корчмарь. – Вот и стража наконец проснулась и движется в нашу сторону от крепостных ворот. Пошли отсюда. До тех пор пока не произойдет что-нибудь более выдающееся, мы самые знаменитые элбаны в городе. Мне это очень не нравится. Хуже может быть только одно…

– Если следующее выдающееся событие опять произойдет с нами, – неожиданно продолжил Дан.

– Точно! – Лукус озадаченно вернул в ножны меч. – Да

что с тобой? Пойдем!

– Да, – согласился Сашка, словно только что вернувшись из забытья.

– Пошли, – повторил Лукус и, понизив голос, спросил чуть слышно: – Что ты сделал с псом?

– Я открылся ему, – негромко сказал Сашка.

В какой-то момент жизни Сашка понял, что отличается от других людей. Он всегда знал, что чувствуют окружающие. Дома, в школе, в армии. Сашка не читал мысли, он ощущал состояния. Ему казалось, что человек, переживающий затруднения, – хмурится, человек, испытывающий боль, – искажает лицо гримасой. Прошло немало времени, прежде чем Сашка понял, что люди не любят, когда их видят насквозь. Вначале он только удивлялся. Ему казалось странным, что учитель, выпытывающий, кто сжег классный журнал, не видит очевидного. Вон тот ученик, снедаемый ужасом, безусловно, сделал это. А стоящие за его спиной двое сорванцов при этом присутствовали, потому что знание светится в их глазах. Учитель этого не видел. Он с одинаковой угрюмостью осматривал всех, подозревая каждого.

Виновник признался. Сначала испуг метнулся в его глазах, когда Сашка подошел и потребовал признания. Потом начались угрозы, но Сашка не боялся драки. Отец научил его не бояться. Не закрывать глаз. Даже когда против тебя выстраиваются трое. Главное – победить липкий страх, хвата-

ющий за колени в первый момент, потом наступает легкость. Сашка выстоял, но это не разрешило проблему. Виновник храбрился и не уступал. И тогда в отчаянии от собственной беспомощности, не осознавая, что он делает, Сашка мысленно заставил парня признаться, внушил, что тот должен сказать при всех, что это сделал именно он, а не страдающий из-за беспочвенных подозрений классный лоботряс. Мальчик признался, но удовлетворение не наступило. Сашке показалось, что он сам сделал что-то гадкое. Маленький негодник сломался. Он признавался так, словно каждое слово из него выдавливали пытками. А потом заплакал.

Сашка пришел домой и стал ждать отца. Тот пришел поздно, переоделся, с интересом поглядывая на маленького человека, поужинал, затем сел напротив. И Сашка рассказал обо всем так, как смог. Отец помолчал, посадил его на колени и сказал, что так же, как правильны его ощущения других людей, правильны и ощущения собственных поступков. И если ему кажется, что он поступил гадко, значит, именно так он и поступил. И что не бывает правды или добра, достигнутого с помощью неправды или недобра. Сашка слушал и верил каждому слову, потому что от отца, как и всегда, исходила уверенность и любовь.

Все наладилось со временем. Детство закончилось. Сашка так и не встретил после отца другого человека, который без лишних расспросов, только взглянув в глаза, увидел бы все, что творится у него внутри. Он никому и никогда не говорил

о своих способностях. Только старался избегать людей, пронизанных злобой, и держаться тех, от кого исходило тепло. Что греха таить, он пользовался этим, хотя и чувствовал себя неуютно. Сашке казалось, что он подглядывает за людьми. Словно читает чужие письма. Может быть, поэтому он всегда предпочитал уединение?

В Эл-Лиа Сашка вновь вспомнил о своих способностях, но теперь они пугали его. Что-то беспрерывно давило изнутри, не позволяло расслабиться, отдышаться. Как крылья, которые превращаются в обузу, если их владелец собирается путешествовать пешком. Неясные образы, мелькающие в голове, утомляли. Ненависть, страх, тревога, висевшие в воздухе, обжигали горло. И в то же время что-то подталкивало в спину. Иначе откуда бы брались силы бежать и бежать, не останавливаясь, за маленьким белу, в котором Сашка ясно чувствовал опаску, а также печаль, строгость и уверенность в себе?

Нападение огромного пса едва не стало последней каплей. Сашка ощутил ужас. Мгновенную оторопь. Вокруг сгрудились люди, плеснули злобой, обожгли холодом. Истерика едва не скрутила. Но от пса шло что-то еще. Расслабляясь и погружаясь в тягучее варево образов, теснящихся со стороны хрипящего чудовища, Сашка различил не только злость и ненависть, но и боль. Задержал дыхание. Попробовал «погладить» ужасное существо. В ту же секунду пес так же мысленно рванулся к нему, но рванулся убивать, поскольку его

собственные боль и тоска только усилились от прикосновения. И тогда Сашка открылся. Словно поднял голову перед летящей в броске собакой, показывая горло. Будто сказал псу: вот я, видишь? Вот моя боль. Вот мой страх. Войди в меня. Почувствуй мою жалость. Успокойся. Я не враг.

Он не вкладывал силу в эту мысль. Просто открылся весь и без остатка, не утаивая ни одной части себя настоящего. И пес понял. Остановился. Замер. Прислушался. Той угрозы, которую пес почувствовал со стороны Сашки, а точнее, того знакомого ощущения силы, которая до этого приносила только боль, не существовало. Тот, которому он пытался оторвать голову, оказался своим. Не менее своим, чем память о теплом животе матери. И псу стало стыдно.

Глава 8
«ВЕСЕЛЫЙ МАЛ»

– Что значит «открылся»? – спросил Лукус у Сашки, когда они миновали хитросплетение узких улочек центральной части Эйд-Мера и нашли в северных кварталах трактир с изображением толстого улыбающегося мала на вывеске.

Внутри оказалось неожиданно светло. Лучи Алателя проникали через высокие окна, застекленные неровными прозрачными пластинами. Башни Эйд-Мера казались через них кривыми и переливающимися.

– Хорошее стекло стоит больших денег, – пояснил Лукус, заметив взгляд Сашки, и повторил вопрос: – Что же ты сделал с псом?

Сашка огляделся. Высокая деревянная стойка выдавалась вперед, вокруг нее расположились несколько элбанов, а внутри без спешки, но сноровисто распоряжался кухонной утварью высокий и полный человек, одетый в просторную желтоватую рубаху из грубой ткани с рукавами по локоть. Его повязанная платком голова словно парила над опущенными плечами едоков. Человек беспрерывно резал, наливал, накладывал и время от времени покрикивал в открытую за спиной дверь. Оттуда доносились запахи приготовляемой пищи, звон посуды и веселый женский голос. Спутники прошли в угол, где стоял деревянный стол с двумя скамьями.

– Я сам не все понимаю, – наконец сказал Сашка, потирая забинтованную ладонь. Помолчал и добавил: – Точнее, я не понимаю ничего. Все, что я могу, – это чувствовать. И, может быть, немного внушать. Поэтому попытался внушить псу, что я друг. Но это не простая собака.

– Я заметил, – усмехнулся Лукус.

– Я говорю не о размерах. – Сашка качнул головой, все еще словно приходя в себя. – Пес обладает силой. Он может чувствовать не только запахи. Что-то во мне вызвало его злобу.

– Может быть, он натаскан против колдунов? – вопросительно прищурился Лукус.

– Я не колдун и не воин! – Сашка выпрямился. – Боль владеет псом! Отчего-то я напомнил ему о ней.

– Открылся, внушил, боль… – задумался Лукус. – Я люблю ясность. Хотя готов согласиться насчет боли. Без нее тут не обошлось, если такой зверь на привязи!

– В этом животном нет ни капли рабской зависимости перед кем бы то ни было, – не согласился Сашка.

– Ты не знаешь, что такое нукуд, – произнес Лукус. – Опытный колдун может стянуть жизненную силу любого элбана или животного в узел и заключить в какой-нибудь предмет. Я видел гордых элбанов, которых колдовство превратило в рабов. И они не нуждались в цепях и ошейниках. Да и сомневаюсь, что у того верзилы есть разрешение на использование магических предметов в пределах города. В любом

случае он уже наказан. Корчмарь не отстанет от него. Придется ему раскошелиться за разоренное заведение. Вот и еще один враг.

– Еще один? – не понял Сашка.

– Валгас, – объяснил Лукус. – Он желал нашей смерти.

– Он так смотрел на тебя, Лукус, – робко вмешался Дан, – словно хотел раздавить.

– Я тоже почувствовал, – сказал Сашка. – Но не думаю, что эта собака нападет когда-нибудь на нас впредь.

– Не хотел бы проверять, – ответил Лукус.

– Здравствуй, травник! – навис над столом добрый малый, выбравшийся из-за стойки. – Давненько тебя не видел! Надеюсь, ты принес то, что обещал?

– Конечно, Бал, – ответил Лукус, доставая из своего мешка аккуратный сверток. – Семена альбы.[23]

– Отлично! – расплылся в широкой улыбке трактирщик. – Не знаю, где тебе удается отыскивать это растение? Ни один из торговцев уже с полдюжины лет не привозил мне ни чашки его семян. А о листьях и корнях я даже не спрашиваю! Благодаря тебе мой трактир остается по-прежнему единственным, где в блюдах чувствуется вкус альбы!

– Мое предложение остается в силе, Бал! – улыбнулся Лукус. – Я все еще могу научить тебя выращивать ее здесь!

– Я не крестьянин, Лукус! – рассмеялся трактирщик. – А

---

[23] Альба – редкое дикорастущее пряничное растение, напоминающее и перец, и имбирь *(ари)*.

выдать кому-то твои секреты значит рассказать их всем. С меня станется, пока ты приносишь семена сам. Этого хватит до осени, а перед холодами ты еще навестишь меня, не так ли?

– Надеюсь, – ответил Лукус. – Так же, как и на сытный обед.

– А ты думаешь, старый Бал подошел бы к тебе просто так? – усмехнулся трактирщик и обернулся в сторону кухни. – Велга! Ну-ка, жена, неси сюда угощение для травника и его друзей! Белужский суп! Орехи с соусом! Мелс![24] Пиво! Все, как любит уважаемый белу. Ну а уж для твоих спутников, не обессудь, я приготовил нечто посущественней. Надеюсь, что от копченых ребрышек дикой свиньи они не откажутся?

– Где ты берешь мясо? – поинтересовался Лукус. – Или проблемы, которые преследуют охотников и крестьян на равнине, тебя не касаются?

– Касаются, – погрустнел трактирщик. – Цены на продукты растут, но старый Бал знает свое дело, обо всем заботится заранее. Многие уже с месяц назад начали поговаривать о трудных временах. Как раз когда к нашему бургомистру прибыл индаинский князь. Он гостил здесь две недели. Уж не знаю, чего он хотел, но вряд ли получил то, на что рассчитывал. Я ходил смотреть, как его кортеж скатывается со стены. Лицо у него было довольно злым. Вот тогда я скупил

[24] Мелс – вид салата *(ари)*.

всех диких свиней, что были на рынке. Они теперь похрюкивают у меня в сарайчике и ждут своей участи.

– Война? – спросил Лукус.

– В том-то и дело, что никакой войны вроде как и нет. – Бал растопырил пальцы. – Только дома крестьян горят, люди гибнут, и вот уже все окрестные жители съехались под защиту стен Эйд-Мера. Здесь, конечно, нас не достанут, но что будем делать, когда беженцы проедят свои запасы, даже и думать не хочется.

– Хозяин! – донеслось со стороны стойки.

– Иду! – бросил в ответ Бал и, обернувшись к столу, расплылся в улыбке. – Однако у нас крепкие стены, чего нам бояться? В башнях магистрата, говорят, Оган хранит запасы зерна, которых хватит на год беспрерывной осады! А вот и Велга!

Когда Дан есть уже больше не мог, даже вовсе развязав пояс, он откинулся на скамье, оперся о стену, завешенную затейливым ковром, и принялся разглядывать посетителей трактира. Желающих перекусить все прибывало; видимо, наступало обеденное время, и вокруг стойки жители Эйд-Мера стояли плотным строем. Трактирщик, совершая плавные неторопливые движения, успевал обслужить всех, кто хотел отведать местной стряпни.

– У него неплохо идут дела, – сказал Дан себе под нос.

Мальчишке нужно было чем-то занять себя, чтобы карти-

на пылающего дома Трука, наполненного трупами, не вставала перед глазами. Заговорить с Сашем он не решался. Лукус же быстро поел и ушел к аптекарю, который якобы не любил, когда к нему являлись целой толпой, то есть более элбана за один раз.

– У Трука никогда не было столько едоков. Поэтому он еще и торговал, и скупал шкуры.

– Ты умеешь читать, Дан? – спросил Саш.

– Да.

– Тогда скажи, что написано на вывеске над трактиром?

– Там написано на языке ари «Веселый Мал», но буквы «М» и «Б» очень похожи, так что можно прочитать и «Веселый Бал». – Дан улыбнулся.

– Но нарисован все-таки мал? – уточнил Саш.

– Да, – согласился Дан и тут же снова улыбнулся. – Но разве хозяин сам не похож на огромного мала?

– Пожалуй, – кивнул Саш. – Особенно если внезапно подпрыгнет до потолка и хрюкнет. Дан, расскажи мне о равнине Уйкеас. Что находится к югу от Эйд-Мера и что там к северу за горами?

Дан внимательно посмотрел на Саша. Мальчишка уже заметил, что Лукус учил Саша языку ари, но почти никогда не отвечал на вопросы. Дан не знал, можно ли говорить с Сашем о чем-либо, но все, что он мог рассказать, было известно любому жителю города и любому крестьянину на равнине.

– К югу от Эйд-Мера лежат свободные земли, это и есть

равнина Уйкеас, – начал рассказывать Дан. – Между горами, морем, топью и рекой Индасом. А что за горами, я не знаю. Точнее, я знаю то же, что и все. Там Мертвые Земли. «Дара» – называли когда-то ари эту страну. Еще дальше – холодная степь и северные леса. Там, в Плежских горах, – родина моего народа и большинства жителей Эйд-Мера, земля Плеже. Но еще севернее, там, где в глухих чащах лежат развалины проклятого города Слиммита, живут архи и прочие чудовища. И племена раддов, которые вытеснили наш народ из родных мест и разметали по всему Эл-Айрану. Та земля называется Аддрадд. Дед моего отца привел свою семью и семьи соплеменников в свободные земли и основал около половины варма лет назад город Лингер. Которого уже нет…

– Что значит «свободные земли»? – спросил Саш.

– Именно это и значит – свободные, – ответил Дан. – Над людьми, которые живут на равнине Уйкеас, нет никакого короля или бургомистра. Это свободные охотники и крестьяне. Но их мало. Отец говорил, что, когда в Дару пришла Черная смерть, горы остановили ее. Остановили для земли, для деревьев, для травы. Но не для элбанов. Элбаны умирали и по эту сторону гор. И потом почти никого не осталось. Или не осталось совсем. Когда плежцы пришли в эти земли, они не нашли ни живых, ни мертвых. Только Вечный лес стоял как ни в чем не бывало. Трук сказал, что над ним оказалась не властна даже Большая зима.

– А кто такой индаинский князь? – вновь спросил Саш. –

Ты слышал, что Милх говорил о визите князя?

– Три варма ли на юг, – наморщив лоб, ответил Дан. – Или больше. Полтора варма по дороге до моего города, а потом еще столько же. Там стоит крепость Индаин. В устье реки Индас. В этой крепости правит индаинский князь. Я не знаю его имени.

– Значит, земли не такие уж свободные? – задумался Саш.

– В Индаине живут анги. Это морской народ. Их родина где-то далеко. Они селятся только по берегам моря. От Кадиша до Индаина много их поселков. Отец немало выковал ножей и крючьев для моряков. Но индаинская крепость выстроена не ангами. Старик, который приходил к Труку вместе с Лукусом, говорил, что это крепость-порт древних ари, которые когда-то жили в Мертвых Землях и построили Эйд-Мер. Отец не любил ангов. Он говорил, что индаинцы хорошо собирают пошлину и плату за безопасность, но безопасности не обеспечивают.

Дан замолчал на мгновение, затем продолжил, нахмурившись:

– Когда на равнину хлынули васты, индаинцы заперлись в своей крепости и ждали их ухода. Васты дошли до Кадиша и были разбиты королем сваров. Но мой дом уже был сожжен, а родные убиты.

– Кто был твой отец?

– Моего отца звали Микофан, – гордо ответил Дан. – Он был кузнецом. Половина нашего городка занималась выдел-

кой кож. Кто-то охотился. Некоторые разводили скот. Но ремесленников и кузнецов было больше всего. Мой отец считался лучшим кузнецом. Он умел делать все. Ни один охотник не пришел и не сказал, что нож, выкованный отцом, сломался. Отец умел делать даже металлические луки!

– Извини, Дан, – вздохнул Саш. – Мне трудно по достоинству оценить мастерство твоего отца. Я ничего не понимаю ни в кузнечном деле, ни в оружии. Ты рассказал мне о раддах, о вастах, о сварах, об Индаине, но все эти слова для меня пустой звук. Я оттуда, где ничего не знают о равнине Уйкеас.

– Я тоскую по своему городу, – медленно проговорил Дан. – Он был маленьким, но шумным и гостеприимным. Две дороги перекрещивались на его центральной площади. Одна шла от Эйд-Мера к Индаину. Другая от Кадиша к Азре. У нас не было ни крепостных стен, ни князя. Только маленькая дружина под предводительством старшины, которого избирали раз в год на празднике весеннего равноденствия. И мой отец был самым сильным в этой дружине. Но вастов оказалось слишком много. Они прошли через наш город, как лавина скатывается с горы. Перебили воинов, женщин, детей. Сожгли все. Васт ударил меня по голове мечом. Плашмя. Не думаю, что пожалел. Спешил. Наверное, пытался убивать по два плежца каждым ударом. Когда я пришел в себя, все было кончено. Я ходил среди обгорелых трупов, искал тела отца и матери. И нашел.

Дан замолчал. Он постарался опять затянуть пояс и стал смотреть в окно.

– Дан… – Саш оперся на локти, потер ладонями виски. – Я хочу, чтобы ты знал. Примерно три недели назад была убита моя мать. Потом тетка. Шесть лет назад убит отец. Еще раньше дед. Дом моего деда сожжен. Я каким-то чудом остался жив. И вот я здесь, в чужой для меня стороне. Не знаю, куда я иду и зачем.

– Саш, ты знаешь имя того, кто убил твоих родных? – спросил Дан.

– Да, – кивнул Саш.

– Повезло, – вздохнул Дан. – Тебе есть зачем жить.

День начинал клониться к вечеру. Народ из трактира схлынул. Бал принес две большие чашки, наполненные коричневым напитком, и маленькие округлые хлебцы, посыпанные желтоватым порошком. Дан довольно улыбнулся и тут же отправил один из них в рот.

– Это ланцы, – пробубнил он. – Булочки с сушеным медом. Конечно, не такие, как пекла моя мама, но тоже вкусные. А это ореховый отвар. Здесь его называют «ктар». Он не сладкий, но после еды его на равнине пьют везде. Он согревает. Я люблю ктар больше, чем пиво.

Сашка усмехнулся. То, что в Эйд-Мере называли пивом, более всего напоминало слабое игристое вино. Оно прекрасно охлаждало и утоляло жажду, хотя, скорее всего, не прибавляло прыткости. А этот напиток… Сашка сделал

несколько глотков. Зажмурился, пытаясь лучше прочувствовать вкус. Что-то среднее между кофе и какао. Словно в хорошо сваренном кофе были растворены несколько плиток шоколада. Горчинка мягким бархатом ложилась на самый корень языка, и ее хотелось пробовать еще и еще. Стелющийся запах жареного миндаля. Даже нежнее.

– Ну? – Дан с набитым ртом ожидал, какое впечатление произведет ктар.

– Хотел бы я знать, как приготавливается это чудо! – удивленно проговорил Сашка, рассматривая опустевшую чашку.

– Я покажу! – улыбнулся Дан. – Тетушка Анда доверяла мне это. Вот только…

Мальчишка вновь погрустнел.

– Как вы определяете время? – спросил Сашка, чтобы отвлечь его.

– Зачем его определять? – не понял Дан.

– Смотри, – показал Сашка, – народ разошелся. А совсем недавно здесь было полно ремесленников, подмастерьев и торговцев. Как они определяют, когда начинать работу, когда заканчивать, когда приходит время еды?

– Просто. – Дан щелкнул пальцами. – Работа начинается с утра и заканчивается, когда она выполнена. А если Алатель стоит точно на юге, значит, пришло время обеда.

– А если пасмурный день и небо закрыто тучами? – прищурился Сашка.

– Элбан всегда знает, где Алатель, даже если его не вид-

но, – недоуменно нахмурился мальчишка. – Скоро будет день весеннего равноденствия, тогда Алатель поднимется в мгновение весеннего утра, которое называется криком птицы. Степные фазаны поют именно в это время. Через три доли дня наступает полдень, еще через три доли Алатель прячется за край Эл-Айрана. Говорят, что на площади перед городским магистратом в мостовой заложены цветные камни. И в каждую долю времени тень от верхушки ратуши указывает на определенный камень.

– А почему здесь такие странные тарелки? – показал Сашка на блюда. – Такое впечатление, что их специально смяли с одного края.

– Их делают на гончарном круге, как и всю посуду, – оживился Дан. – Я часто ходил к нашему гончару и тоже спрашивал его, зачем он сминает край тарелки, после того как срезает струной ее с круга. Гончар сказал, что очень давно, когда Большая зима на долгие годы сковала Эл-Лиа, элбаны откочевали на юг. Они пришли к морю и поселились среди камней и песка. Им приходилось добывать рыбу и раковины. Элбаны даже ели из раковин. Как раз такой формы. Поэтому, вернувшись в свои земли, многие народы продолжали делать из глины тарелки, похожие на раковины. Но ведь так удобнее? – Дан вопросительно посмотрел на Сашку. – Через смятый край очень приятно выпить соус, когда блюдо уже съедено!

– Трапеза продолжается? – спросил, заходя в опустевший

трактир, Лукус.

– Что новенького?! – довольно закричал Бал. – Старый Кэнсон опять полдня жаловался на трудные времена, а потом постарался заплатить половину от того, на что договаривались?

– Все торговцы одинаковы, – обернулся к трактирщику Лукус, – но травников мало. Особенно в такое время. Не скоро Кэнсон дождется следующих поставок. Так что в итоге он рассчитался полностью.

– Другой бы на твоем месте еще и вкрутил дополнительную цену! – заметил Бал.

– Наверное, Кэнсон подумал так же, поэтому не слишком упорствовал, – ответил Лукус и взглянул на спутников. – Пойдемте. Хейграст ждет нас. Дан, возьми с собой ланцы, у Хейграста ктар не хуже.

– Но и не лучше! – ревностно вставил Бал.

– Спасибо тебе, друг, – повернулся к нему Лукус. – Мы не ели хорошей пищи несколько дней. Но сейчас мне не до вкуса стряпни. Тебе ничего не показалось подозрительным? В городе стало слишком много чужих. Не все они похожи на крестьян и охотников с равнины.

– Ты прав, белу, – согласился трактирщик. – И заказывают чужаки все больше печеное мясо. На севере так любят. Я-то уж точно знаю. Ходят слухи, что и в землях вастов неспокойно. Не знаю, откуда теперь придет беда, но что-то и за западными горами неладно. Да и кьерды расшалились. Го-

ворят, они стали пробираться на равнину и воровать людей. Не только в деревнях, но и в поселках ангов по побережью. И в отличие от прошлых времен не требуют выкупа. Ходят слухи, что кьерды не брезгуют человечиной!

– Ну это-то вряд ли, – нахмурился Лукус, – но времена наступают тяжелые. Как там наши расчеты?

– По нашим расчетам, я мог бы кормить тебя с твоими друзьями еще не один месяц!

– Ну это-то тебе точно не грозит, – вздохнул Лукус. – Завтра мы уходим. Я попрошу тебя приготовить пищу в долгую дорогу для четырех-пяти элбанов недели на три – три с половиной. Как обычно. Добавь к поклаже десяток мешков метелок хоностна[25] и воды. Много воды. Есть надежда, что мы сможем заполучить лошадей.

– Зачем вам метелки весной? – удивился Бал. – И откуда вы возьмете лошадей?

– Лошадей нам должен Вик Скиндл, – сказал Лукус. – А что касается метелок… – Он внимательно посмотрел на Бала. – Подумай сам, где бы мне пришлось кормить лошадей метелками в разгар весны? А если додумаешься, никому не говори об этом.

– Я заглянул к Хейграсту, затем к Вику Скиндлу, – объяснил свой поздний приход Лукус, когда спутники вышли на улицу и стали подниматься по узкой улочке, петляющей

[25] Хоностно – злаковое растение.

между башнями, похожими на каменные грибы. – Нари рад нашему приходу и ждет нас, а Вик не слишком. Но он выполнит свои обязательства. Лошади и проводник будут. Завтра мы сходим к колдуну Скиндлу. Я специально сделал все один, чтобы провести вас к Хейграсту ближе к вечеру. Но теперь думаю, что в трактире вас видело не меньше народу, чем могло встретить на улицах. Саш, ты что? Никогда не был в городе?

Сашка шагал по каменной мостовой и восхищенно рассматривал здания. Ни одна башня не копировала другую. Древние строения ари, выделяющиеся филигранной кладкой, стройностью и высотой, перемежались башнями более поздних времен. Но каждая из них, будь в ней хоть десяток метров высоты, старательно тянулась к небу, напрягая затейливую кровлю, каменные пилястры и полуколонны, стрельчатые и округлые окна. Эйд-Мер, зажатый неприступными скалами в узкой долине, стремился вверх к лучам Алателя.

Улочка завивалась в сторону западного склона, то распадаясь на две или три, то принимая в себя узкие кружевные переулки, то выбегая на уютные площади, расходящиеся извилистыми лучами проходных дворов. Внезапно она украшала себя дверями, навесами и крылечками, выкрашенными в яркие тона, натягивала над вторыми этажами башен веревки с разноцветными полотнищами, и становилось ясно – спутники проходят через квартал текстильщиков и ткачей. Затем в ноздри ударял запах кожи, и улочка преображалась.

Теперь она поражала обувью, кожаной одеждой и упряжью, вывешенными наружу для привлечения покупателей. Возле потемневших от времени дверей, над которыми покачивался особо изящный сапожок, белу остановился.

– Лавка Негоса. Он шил для Хейграста обувь, в которую ты обут. После долгого пути можно зайти и поблагодарить сапожника за хорошую работу.

Сашка кивнул, вошел внутрь и огляделся. Тесное помещение пересекал длинный стол. Удушливо пахло смолой. На столе лежали кипы раскроенных кож, на стенах висела готовая обувь, что-то кипело и исходило паром в чане над огнем.

– Тепла в этом доме, здоровья его хозяевам! – сказал Сашка на ари, сделав два шага к центру комнаты, как учил его Лукус, склонив голову и ударив тыльными сторонами ладоней одна о другую. В помещении никого не было. Точнее, так показалось на первый взгляд. Потому что уже в следующую секунду какая-то груда, сваленная в углу, зашевелилась. Сначала Сашка подумал, что это большая обезьяна, одетая в черную рубаху и холстяной фартук, но тут же понял свою ошибку. Огромные глаза смотрели на него. В два раза больше человеческих, они буквально светились под крутыми надбровными дугами. Глаза проникали внутрь. Существо моргнуло, и только тогда Сашка преодолел оцепенение и смог разглядеть его целиком. Но все остальные черты – и высокий лоб, и чуть вогнутая линия небольшого носа, и массивный округлый подбородок, и короткие жесткие рыжеватые волосы – не

шли ни в какое сравнение с глазами. Они вновь и вновь притягивали к себе.

Сапожник подошел к гостю на коротких, но твердых и стройных ногах, на ходу повторил с кивком благодарности приветственный жест, наклонился, оглядел обувь, а потом, схватив огромной рукой с противоположного конца комнаты табурет, почти насильно посадил Сашку, стягивая с ног сапоги.

– Гигантский лемур! – восхищенно пробормотал Сашка.

– Здравствуй, Негос, – сказал, заходя в мастерскую, Лукус. – Пусть никогда не иссякнет огонь в твоем очаге. Мы пришли поблагодарить тебя за эти сапоги. Ты сработал их для Хейграста, но, как видишь, они сгодились и человеку.

– Человеку? – недоверчиво переспросил низким голосом Негос, поднимая глаза на Сашку. – Расскажи это кому-нибудь другому. Весь город только и говорит о дневном происшествии у шатров, когда чудовищный пес сдернул с каменного основания корчму пройдохи Микса. Вы неплохо выпутались из ситуации, но вам просто повезло. Тот охотник за демонами – такой же охотник, как и я. Иначе он знал бы, что в нашем мире у демонов кровь красная, как и у простого элбана.

– Крестьяне, к счастью, этого не знали, тем более что и я не знаю ни одного охотника, у которого над очагом висела бы голова демона или хотя бы его хвост, – улыбнулся Лукус. – И все-таки чем тебе не нравится мой спутник?

– Не нравится? – удивился Негос, рассматривая снятые сапоги. – Я думаю, что он не совсем человек. Золотнянкой набивали на ночь?

– Да, – нахмурился Лукус. – Что-то не так?

– Так-то так, – пробурчал Негос. – Только где мои охранительные шнурки? Что это за самодельные полоски кожи?

– Там, где мы ходим, магия может привлечь к себе внимание, – ответил Лукус.

– Если бы вы оставили мои шнурки, вот этих бы повреждений не было, – показал Негос. – Что касается магии, она исполнена аккуратно и в соответствии с разрешением. Шнурки не светятся. Для того чтобы почувствовать колдовство, нужно засунуть ногу в голенище.

– Вик делает для тебя шнурки? – спросил Лукус.

– Да, – ответил Негос. – Ярлык на магию есть еще у пяти элбанов, но Вик лучший. Дорого дерет, да и характер у него не сахар, но он мастер своего дела. Я знаю, что ты его не любишь, но поверь мне, он честный человек. Хотя, вполне возможно, в некоторых вопросах порядочное дерьмо. Но не в делах профессии. Или ты думаешь, что Леганд стал бы приносить ему камни для порошков, если бы Вик не заслуживал доверия? Не забывай, что у колдуна пятеро детей, их надо кормить. А что там за паренек стоит на улице? Как тебя зовут?

– Дан, – сказал, заходя в мастерскую, мальчишка.

– Ты что, тоже, как этот маленький демон, первый раз

видишь живого шаи, да еще в фартуке? – поинтересовался Негос.

– Нет, – ответил Дан. – Я видел и шаи, и нари, и банги. Я жил у дяди Трука. У нас было много постояльцев.

– Иди сюда. Я все знаю про Трука. Снимай-ка безобразие, которое калечит твои ноги.

Дан стянул ботинки. Негос бросил взгляд на сбитые ступни и снял с полки пару коричневых мягких сапог.

– Вот, возьми, парень. Твой дядя поставлял мне кожу, я остался ему должен. Этого моего долга на две пары обуви хватит. Износишь эту, придешь еще. Но имей в виду, что моя обувь служит долго. Ты тоже об этом не забывай. – Шаи отдал сапоги Сашке. – Носи, не спотыкайся. Вот в этом мешочке масло для кожи. Оно будет полезнее, чем золотнянка. А вот шнурки. Вставь, не слушай этого упрямого белу, и твои сапоги прослужат тебе еще года два.

– Почему ты говоришь, что я не человек? – спросил Сашка.

Негос прищурился, затем ткнул себе пальцем в нижнее веко:

– Заметил, какие большие глаза? Я все вижу. Больше, чем белу. И чем этот паренек. Правда, не больше, чем ты. Но пусть белу не волнуется, у тебя нет черноты внутри. И по крайней мере снаружи ты очень похож на человека.

– Кто же я, по-твоему? – растерялся Сашка. – Всю жизнь я был человеком!

– Что твоя жизнь, – вздохнул сапожник. – Она только начинается.

– Что еще говорят в городе, мастер? – спросил Лукус. – И за кем же охотится тот собаковод, если в демонах он не разбирается?

– Он разбирается в том, кому служить. А служит он храму, точнее, его настоятелю. Погонщика зовут Бланг, и он всегда был порядочной скотиной. Когда почти четыре года назад Валгас пришел в город, он набирал себе работников среди не самых лучших жителей. И этого Бланга приставили к псу только из-за силы, хотя, думаю, что, если пес захочет, погонщик потащится за ним как продолжение хвоста. Латс, помощник Валгаса, привез пса год назад сюда еще щенком. Но уже тогда он был размером с лайна. Я не знаю, где разводят таких собак, но от ворья наше местное святилище застраховано надежно. Что касается города… Посиди в любом трактире, особенно поближе к южным воротам, и ты будешь знать все. В городе неспокойно. Много чужих лиц, чужих слов. Если ярмарки не будет еще недели три, торговцам и ремесленникам придется туго. За исключением настоящих мастеров.

– Ты с неодобрением говоришь о Валгасе, – заметил Сашка.

– Я слишком хорошо вижу, – усмехнулся Негос.

– Спасибо тебе, Негос, за хорошую работу, – сказал Лукус, кланяясь и направляясь к выходу.

– Ожидание завершилось? – почему-то с грустью спросил Негос в спину белу.

Тот задержался на мгновение.

– Я очень надеюсь на это, Негос.

– Удачи вам, друзья, – пожелал мастер.

Лукус кивнул и вышел. Сашка поднялся с табурета, тоже поклонился мастеру, но обернулся в дверях:

– Почему за исключением настоящих мастеров?

Негос улыбнулся, ухватил со стены пару только что пошитой обуви и гордо потряс ею в воздухе:

– Элбан, который единожды надел обувь Негоса, – мой клиент навсегда. И если Эйд-Мер будет осажден вражеской армией, он преодолеет любую осаду, чтобы достать себе новую пару!

Лукус дождался Сашку и Дана на улице и кивнул в сторону двери:

– Заал, которого убил демон на старой дороге, был шаи. Негос его родной брат.

Путь к дому Хейграста оказался неблизким. Сашка и Дан крутили головами, а Лукус легко разбирался в хитросплетениях улиц, не упуская случая обратить внимание спутников на отдельные здания и целые кварталы. Они успели разглядеть высокую, хоть и незатейливую башню Бродуса. Приземистую, выкрашенную в зеленый цвет башню аптекаря Кэнсона, над воротами которой висел череп какого-то животно-

го. Наполненные гомоном и суетой несколько пузатых гостиничных башен. Затем вновь пошли кварталы ремесленников. Башни плотников и столяров при малейшем дуновении ветерка исторгали опилки и тягучие запахи лаков. А квартал хлебопеков пропитался ароматом сдобы.

– Представляю, что здесь творится с утра, – вздохнул Дан. – Когда мама пекла по утрам лепешки из ореховой муки, люди останавливались возле нашего дома.

Сказав это, мальчишка затих. Однако молчание продолжалось недолго. Улица стала шире, и привычные башни сменились угловатыми строениями. Из дворов доносились удары молотов, над некоторыми зданиями поднимался дым. За домами отвесной стеной стояли горы, окружающие долину. Дан оживился и, спотыкаясь о камни, стал рассматривать вывешенные на воротах изделия.

– Основную славу Эйд-Мера создали кузнецы, – заметил Лукус. – Немногие мастера Эл-Айрана сравнятся с ними, а тех, кто способен превзойти местных ремесленников, знают наперечет. Правда, есть еще банги, но они живут обособленно и неохотно открывают свои секреты.

– Хейграст кузнец? – спросил Сашка.

– Да, – улыбнулся Лукус. – И очень хороший. Но не только. Он неплохо управляется с мечом и топором. К тому же продает не только то, что делает сам. Он еще и покупает оружие у купцов. У него лучшая оружейная лавка в городе.

– А почему здесь дома не теснятся, как на других ули-

цах? – удивился Сашка.

– Горны! – объяснил Лукус. – Кузнецы дружат с огнем, поэтому магистрат расположил их слободу на окраине и выделил им больше земли. Это давняя история. Именно тогда кузнецы отвоевали себе право строить обычные дома, а не башни. Недаром в Эйд-Мере говорят, что кузнецом может стать только очень упрямый элбан.

– Кузнец должен переупрямить железо, а это непросто! – вмешался Дан и добавил: – Вот дом Хейграста!

На повороте улицы, где к мостовой особенно близко подходили скалы, за забором возвышался двухэтажный дом, почти вплотную прилепившийся к обрыву. Причем каменистый склон тоже оказался обжит. В горной породе над крышей виднелись аккуратно переплетенные окна и глиняная труба.

– Как ты определил? – удивился Лукус.

– Очень просто, – улыбнулся Дан. – Раз в месяц Хейграст появлялся у дядюшки Трука. Дядя сказал, что это лучший кузнец в городе и что он живет в пещере.

– Жил когда-то, – заметил Лукус. – Теперь же у нари прекрасный дом!

– А вот и доказательство, что кузнец лучший, – показал Дан.

На воротах грозно отсвечивали мечи. Тот, что поблескивал слева, обвивала собранная из чешуек серебристого цвета змея. Правый клинок был обхвачен стеблем затейливого

цветка.

– Отличная работа, – согласился белу.

– Мой отец был хорошим кузнецом, но он не делал таких вещей, – вздохнул мальчишка.

– Это для покупателей, которые любят блеск и яркость, – объяснил Лукус. – Настоящее умение не в этом. Но Хейграст владеет и им.

– «Помни. Истина не в клинке, а в руке, которая его держит», – прочитал Сашка выбитую на дверях надпись на валли.

– Теперь бы я написал иначе! – раздался за воротами веселый и громкий голос. – Истина не в клинке, а в голове и в сердце! Но времени нет, да и с валли я не очень-то дружен!

Ворота распахнулись, и на улицу вышел Хейграст.

– При вас ругаться не буду, потому что все, что должен был сказать этому вредоносному белу, я уже высказал. Вместо того чтобы привести уважаемых элбанов туда, где их накормят, дадут теплой воды, наконец, просто позволят отдохнуть, травник оставляет их у Бала и сам улаживает дела в городе. Или это единственный способ получить со старого и толстого мала расчет за пряности? Хорошо еще, предупредил, что он не один! Заходите, заходите! Знакомиться в доме будем, а не на улице!

В воротах стоял зеленокожий гигант. Едва ли Хейграст возвышался над Сашкой даже на полголовы, но широкие плечи и крепкие руки словно прибавляли ему роста. Веро-

ятно, именно так выглядел бы какой-нибудь древний ящер, если бы всемогущему магу вздумалось превратить его в человека. Нечто дикое и необузданное сквозило в каждом движении нари, одновременно притягивая к нему и отталкивая от него. Внимательный добрый взгляд дополнялся красными зловещими прожилками на белках. Мягкая улыбка – ощутимо выраженными клыками. Плавный овал лица – заостренностью подбородка, носа, ушей и жесткой щетиной на затылке.

– Демон! – с трудом выдавил из себя Сашка то ли местное ругательство, то ли собственное впечатление.

– Не обращай внимания, Хейграст, – усмехнулся Лукус, подталкивая Сашку в спину. – Именно способность нашего гостя удивляться забавляет меня больше всего. Там, откуда он прибыл, из элбанов обитают только люди. Ко мне он уже привык, но, когда мы зашли к Негосу, я думал, что у Саша выкатятся глаза. Так что столбняк при виде нари вполне объясним. Хотя, когда он увидел арха в боевом облачении, удивления я не заметил.

– Я просто был перепуган до смерти! – признался Сашка.

– Испуг и трусость не одно и то же, – заметил Хейграст, касаясь плеча Сашки. – Хейграст, кузнец и сын кузнеца! И оружейник к тому же!

– Саш. Арбан Саш, – неожиданно для самого себя сказал Сашка. – Сын собственного отца.

– Кто был твой отец? – спросил Хейграст.

– Он работал… – запнулся Сашка, подбирая слово. – Строил мосты и дороги.

– Все верно, – улыбнулся Хейграст. – Саш Арбан, сын строителя. Проходите в дом. И ты, Дан, тоже. Я сочувствую твоему горю. – Нари стал серьезен. – Но что-то говорит мне, что оно будет далеко не последним на равнине Уйкеас.

Дан опустил голову.

– Хотел бы я увидеть твое лицо, Саш, – неожиданно сказал Хейграст, – когда ты в первый раз встретишь банги.

Спутники, включая и Дана, рассмеялись.

Глава 9
ХЕЙГРАСТ

Все в доме Хейграста оказалось изготовлено из железа и камня, а если где и попадалось дерево, то оно было оковано, окольцовано, заключено в металлические оправы. Сразу за массивной дверью с деревянной трещоткой начиналась лавка оружейника, наполненная доспехами, оружием, конской упряжью и разнообразным скобяным товаром. Дан замер, уставившись на металлическое великолепие, но Хейграст заторопил его и со словами «после, после» повлек в глубину дома. В узком коридоре спутники столкнулись с подростком нари, которого Хейграст представил сыном Храндом и отправил готовить гостям воду. Затем хозяин открыл низкую дверь, вошел туда, согнувшись, и позвал за собой спутников. В чистой и уютной комнате обнаружилась широкая кровать. У окна, выходящего во внутренний двор, стояли стол и несколько табуретов. В стороне выстроились кованые сундуки.

– Располагайтесь здесь, – сказал Хейграст. – Места всем хватит, хотя белу, я уверен, как обычно, отправится во двор, спать под открытым небом. Благодарение Элу, нам повезло с водой, из нашей скалы бьет родник. Во дворе вы найдете беседку, там вода льется через металлический желоб. Хранд покажет, как отвести струйку и помыться, чтобы не оскверн-

нить источник. Им пользуется вся улица. Горячую воду сын принесет тоже. Чистую одежду найдете в сундуках. Но спешите, скоро стемнеет, а с приходом темноты в этом доме садятся ужинать. И не говорите, что Бал накормил вас на неделю вперед!

– Дан, – позвал мальчишку Лукус, – отдай соль Хейграсту, тебе она уже не понадобится. Скорее всего, этот дом будет на какое-то время твоим. Мы еще поговорим об этом. Считай, что ты вносишь плату за постой.

– О какой плате ты говоришь? – рассмеялся Хейграст. – Белу привык за все платить. Но не в доме друзей. Соль возьму, правда. Похоже, с купцами у нас будет некоторый перерыв, цена подскочит. Хотя здесь больше, чем моя семья может съесть за год!

– Ты спроси об этом жену, – посоветовал Лукус. – Ты же не обязан знать, сколько расходуется соли для приготовления зимних запасов. И найди Сашу хорошее лезвие, он, конечно, молчит как скромный гость, но очень неодобрительно трогает по утрам подбородок. Я предполагаю, что борода его не устраивает.

– С этим проблем нет, – улыбнулся Хейграст. – И хотя на равнине среди охотников-людей не принято сбривать бороды, купцы охотно покупают лезвия. Говорят, что на юге бреют головы.

– Голову я брить не буду, – усмехнулся Сашка. – А вот от зеркала бы не отказался. И еще от чего-нибудь, чем пользу-

ются на юге, чтобы смочить голову перед бритьем.

– Зеркало найду, а насчет бритья головы не помогу, – спрятал улыбку Хейграст. – Сам на юге не был, а нари головы не бреют. Так что придется ждать купцов, чтобы расспросить их хорошенько. А в Эйд-Мере для бритья лица используется вода и мыло. Или в твоем мире мыло неизвестно?

– Это зависит от того, что ты называешь мылом.

Мылом Хейграст называл тягучую массу, напоминающую густой гель с всыпанными туда растительными волокнами. Жидкость почти не пенилась, но освежала кожу и отлично удаляла грязь. Вскоре Сашка, Лукус, Дан, Хейграст, четверо его детей и жена собрались за столом на втором – жилом – этаже дома. В доме ходили в матерчатой обуви, больше напоминающей толстые носки с завязками вместо резинок. Сашка блаженно вытянул ноги и украдкой разглядывал Смеглу, жену Хейграста, удивляясь ее изяществу и непривычной, но безусловной красоте. Она и Хейграст накрывали стол вместе с детьми. Впрочем, Хранд то и дело отзывался на звук трещотки и бежал в лавку, не оставляемую вниманием посетителей и в позднее время. Хейграст строго призывал его не суетиться, стараясь не показывать гордость за сына, и представлял остальных детей. Десятилетний Бодди принес большое блюдо с овощами. Семилетний Антр притащил стопку уже знакомых Сашке тарелок. Наконец крошка лет пяти водрузила на стол тяжелый кувшин и с победным видом взобралась на колени к отцу.

– Это Валлни, моя девочка! – представил ее Хейграст, нежно проводя ладонью по пушистому затылку. – Вот и вся моя семья. Смегла, Хранд, Бодди, Антр, Валлни и я. Днем сюда еще приходит человек. Его зовут Вадлин. Он помогает в кузнице. Хороший кузнец, может выполнить даже сложные заказы. Но заправляет всем без меня Смегла!

Смегла мягко улыбнулась, поставила на середину стола овощи и разлила темную жидкость из кувшинчика по тарелкам. Сашка выдержал паузу и, когда увидел, что сидящие за столом потянулись к овощам, тоже взял в руки печеный плод, напоминающий то ли кабачок, то ли грушу. Оказалось, что это все тот же капустный корень. Запеченный на огне, да еще с соусом, который следовало пить прямо из тарелки, он мгновенно разбудил аппетит. Блюдо быстро опустело, Смегла в кувшине побольше принесла горячий ктар. Отлучившийся на мгновение Хейграст появился со сладостями, и под медленное поглощение маленьких хлебцев и пропитанных медом неизвестных Сашке фруктов пошла беседа. Хейграст расспрашивал у Дана, что и как делал его отец. Как был устроен у него горн. Что он использовал в качестве топлива. Где брал руду. Дан вначале оживился, начал рассказывать, но вскоре воспоминания о погибших родителях расстроили его, и мальчишка замолчал. Хейграст подмигнул Хранду, и тот увел Дана в кузницу. Незаметно исчезла Смегла вместе с младшими детьми. За столом остались Хейграст, Лукус и Сашка.

– Вот и пришла пора поговорить, – сказал Хейграст. – Я получил известие от Леганда о прибытии гостя. Лукус заходил ко мне сегодня. Не буду скрывать, мы с ним тоже уже поговорили. Этот разговор для тебя, Саш. Послушай меня. Как бы ни решилась твоя судьба – нам предстоит трудная дорога и серьезные испытания, поэтому мы должны быть открыты друг другу. Хотя все-таки не на все твои вопросы я смогу ответить.

– Лукус отвечает на один вопрос из дюжины, – вздохнул Сашка. – Так что и твоя скупость, Хейграст, меня не удивит.

– Не скупость, но осторожность, – не согласился Хейграст. – И у этого есть причины. Ты в чужом мире. И ты в опасности. Но и мы тоже. Я говорю не только о той опасности, что поселилась в долине, из-за которой крестьяне наводнили шатрами площадь у крепостной стены. Есть опасность иного рода. Возможно, она связана с преследованием твоей семьи тем демоном. Не на все вопросы я и сам знаю ответы. Даже Леганд знает не все.

– Кто такой Леганд? – спросил Сашка. – Валли, ари, человек, нари, шаи, банги? Или демон?

– Ну уж не банги – это точно! – рассмеялся Хейграст. – И не нари, и не белу, и не шаи. Скорее всего, и не демон. Валли – это что-то из легенд. Хотя Леганд и сам как часть легенды. Я думаю, что он ари или человек. Хотя, если честно, точно не знаю, да это и неважно. Больше всего он похож на человека. Но вот Лукус считает, что для человека он слишком мудр.

– Важно, что Леганд был всегда, – вмешался белу. – Он очень стар. Леганд видит то, что скрыто для большинства. Он видел и знал Арбана Строителя. Поэтому об Арбане говорить будет именно он.

– Пойми и не обижайся. – Хейграст сцепил пальцы, наклонился к Сашке. – Есть вопросы, ответы на которые принадлежат не мне и не Лукусу. Эл-Лиа уже давно закрыта от других миров. Настолько давно, что некоторые элбаны считают предания о других мирах сказками и легендами, а большинство ничего не знает о них! Но иные миры есть, кому, как не тебе, знать об этом, и не все они исполнены добра. Есть силы, которые стремятся преодолеть границы Эл-Лиа. Потому что Эл-Лиа и особенно Эл-Айран – это сердце Ожерелья миров. Престол Эл-Лоона. Средоточие силы. Перекресток.

– Перекресток, который закрыт для проезда? – спросил Сашка.

– Именно так, – согласился Хейграст. – Но это длинная история, которая уходит своими корнями в столь далекое прошлое, что и преданий почти не сохранилось о нем. Об этом тоже лучше расскажет Леганд. Он очевидец всего или почти всего, что пережил мир Эл-Лиа. Однажды, когда я и Лукус едва достигли твоих лет, а Заал, наш погибший друг, был ровесником нам нынешним, Леганд рассказал об Арбане, который покинул Эл-Лиа в дни прихода Черной смерти. Леганд считал, что именно Арбан остановил эту напасть. Может быть, это только догадки. Мы знаем наверняка лишь то,

что уже больше лиги лет к северу от Эйд-Мера располагается выжженная страна, которую здесь называют Мертвыми Землями. И то, что Арбан оставил письмо, в котором написал: «Однажды Арбан вернется, чтобы завершить начатое». Леганд считал, что прийти должен сам Арбан или кто-то специально посланный им, потому что он не написал «я вернусь». И вот шесть лет назад Леганд сказал, что видел тень Арбана, бродившего у источника. Леганд долгие годы провел в хижине. Он настоял, чтобы мы ждали Арбана или его посланца. Потом погиб Заал. Но мы продолжали ждать. Прошло еще четыре с половиной года. После того как Леганда позвали в путь срочные дела, два года мы ждали вдвоем. И вот ты пришел в Эл-Лиа. Возможно, ты именно тот, о ком были слова твоего предка.

– Но ты ничего не знаешь об этом, – возвысил голос Лукус. – Ты появился израненный, не понимающий, что с тобой произошло. Попал в Эл-Лиа по воле демона. Точнее, пришел по его следу. Почему-то через пять лет. Если я правильно понял, именно ты запустил его в Эл-Лиа. А ведь как раз для демонов мир Эл-Лиа был закрыт! Есть причины, чтобы принять тебя с осторожностью. Мы уже заплатили высокую цену. И, скорее всего, она еще возрастет. Теперь я думаю, что и манки на равнине ждал именно тебя. Таким образом, ничего не понимая, ты уже участвуешь в событиях. Намереваясь вернуться домой, движешься по собственному пути. Ни один смертный, не защищенный магией, не может противо-

стоять манки. Особенно если манки поднял посох и пытается поглотить силу жертвы. А этот манки просто сгорел! Леганд говорил, что такое возможно только в том случае, если жертва манки сильнее его хозяина. Выходит, что сила в тебе все-таки есть? Вот и Негос говорит, что ты не человек.

– Ну что же, – опустил голову Сашка. – Я не знаю, что вы называете силой. Но если эта сила привлекает ко мне чудовищ, я предпочел бы не обладать ею. И все же. Об осторожности. Я уже понял, что не обойдусь без вашей помощи. Будьте осторожны, но помогите мне. К тому же, хотя вряд ли Негос раньше встречал людей из дальнего мира, но и он сказал, что во мне нет черноты.

– Пусть так, – медленно проговорил Хейграст. – Осторожность не бывает чрезмерной. И Лукус не просто так завел тебя к сапожнику. Шаи видят лучше остальных. Да, ты слаб. Тебе нужна помощь. Но ты не простой человек. Если ты человек, конечно. Ты не прост даже в том случае, если все твои таланты – это поразительная чувствительность к угрозам и способность бежать без тренировок и навыков по три дюжины ли в день. Это ли не повод для опасений?

– Ну почему же только чувствительность к угрозам? – грустно усмехнулся Сашка. – Просто чувствительность. Всего лишь природный талант. Как способность к быстроте или выносливости у других. Как способность к счету, к поэзии. И эта моя чувствительность не всегда преимущество. Например, сейчас я чувствую, что у тебя болит верхний правый

клык, Хейграст, и это не доставляет мне особенного удовольствия.

– Демон с тобой, Саш! – весело ругнулся Хейграст. – Как тебе это удалось?

– Он не знает, – объяснил Лукус. – Посмотри на него, он говорит, что был воином в своем дальнем мире, но иногда кажется мне беспомощным ребенком. Что касается тебя, Хейграст, то мог бы и пожаловаться. Неужели думаешь, что я отправлю тебя к Кэнсону за лекарством?

– Оставь ты мой клык! – со смешком отмахнулся от белу Хейграст. – Он всегда у меня болит к весеннему равноденствию, я привык. Саш, скажи, как мои дети?

– У тебя замечательные дети, Хейграст, – ответил ему Сашка. – Все они здоровы. Вот только у Хранда болит палец на руке. Болит от удара чем-то тяжелым.

– Вот негодник! – восхитился Хейграст. – Наверное, опять брал молот, его так и тянет в кузницу. Саш! Вместе с Лукусом ты мог бы неплохо зарабатывать! Ты бы распознавал болезни, а он лечил!

– Я не доктор, – не согласился Сашка, – я могу чувствовать чью-то боль, но не знать ее причины.

– К тому же ты не спросил, Хейграст, согласен ли на это я? – фыркнул Лукус. – И давайте вернемся к главному. Завтра после обеда мы должны идти. И наш путь лежит в Мерсилванд.

– Почему именно туда? – поднял голову Сашка. – Это по-

может мне вернуться?

– Леганд идет туда, – ответил Хейграст. – Он выбрал точку встречи. Все, что я могу сказать тебе, – это самое ближнее к нам чистое место. Зло над ним не властно. Там можно задать вопросы и, может быть, получить ответы. И еще – это испытание.

– Испытание для меня? – спросил Сашка.

– В первую очередь для тебя.

– Я не хочу придуманных трудностей и испытаний, – нахмурился Сашка.

– Их никто не придумывает! – раздраженно выпалил Лукус. – И мы не в поисках трудностей ждали эти годы тебя в хижине Арбана! Испытания появляются сами собой! Попытаться укрыться от одних испытаний – верный способ столкнуться с другими! Домосед рискует не меньше путешественника!

– Об этом ты думал, когда вел меня прочь от хижины Арбана? – повысил голос Сашка.

– Ну уж не только о том, как вернуть тебя домой! – резко бросил белу.

– Стойте! – поднялся из-за стола Хейграст. – Давайте договоримся о главном. Ни я, ни Лукус, ни кто-либо в Эйд-Мере не в состоянии вернуть тебя, Саш, в твой мир. Вряд ли это сможет сделать и Леганд. Но любой из нас будет помогать тебе преодолевать трудности, которых не удастся избежать. Хотя бы потому, что тебя зовут Арбаном.

– Что вы можете?! – с досадой воскликнул Сашка.

– Довести тебя до Мерсилванда живым! – Хейграст ударил ладонью по столу. – А там уже ты сам сделаешь выбор!

– Выбор? – удивился Сашка. – Между чем и чем?

– Между истинным путем и ложным! – вскипел белу.

– Лукус! – поморщившись, одернул друга Хейграст. – Нет же! Это выбор каждого дня, каждого поступка. А Мерсилванд – способ разобраться с самим собой. Хотя бы способ узнать, как открыть дверь в свой мир.

– Но до Мерсилванда еще нужно дойти! – обиженно бросил Лукус.

– Да, – согласился Хейграст. – И путь будет нелегким.

– Так в чем же вы пытаетесь убедить меня? – Сашка недоуменно поднял брови.

– Мы не в твоем дальнем мире. – Хейграст опустился на место. – На запад, на восток, на север – бескрайние просторы Эл-Айрана, заселенные людьми, нари, шаи, белу, ари, банги! Государства и народы, которые зачастую готовы вцепиться друг другу в глотку! Что будет, если в это месиво вторгнется сила, которая ценит жизнь элбана дешевле лугового ореха?

– Не знаю, – тихо проговорил Сашка. – В моем мире несчастья приносили не демоны, а обыкновенные люди, облеченные властью. Вы считаете меня виновным в приходе демона? Я должен был умереть, но не произносить заклинание? Что же теперь делать?

– А как ты сам думаешь? – спросил Лукус.

– Не знаю, – растерялся Сашка. – Мне не победить и стражника Эйд-Мера. Я должен сразиться с демоном?

Хейграст посмотрел на хмурого белу, спрятал усмешку в уголках рта.

– Стражнику Эйд-Мера, конечно, далеко до грозного белу-травника, но, поверь мне, и он способен сражаться!

– Не хотел бы я это проверять, – пробормотал Сашка.

– Ну от стражи вольного города я тебя как-нибудь уберегу, – засмеялся нари.

Лукус недовольно поднялся из-за стола.

– Подожди. – Сашка протянул в его сторону руку. – Давайте говорить проще.

– Давай, – согласился Хейграст. – Тем более что за две недели ты начал неплохо говорить на ари. Вот и еще один повод для подозрений. Я учил ари целый год.

– У меня был хороший учитель, – буркнул Сашка, вызвав оживление Хейграста и улыбку Лукуса. – К тому же ари очень похож на валли. Да и что мне было делать? Ноги идут, голова учит язык.

– Нет! – строго сказал Хейграст, повернувшись к Лукусу. – Твое учение не пошло ему впрок. Голова и ноги работали отдельно друг от друга!

Смех раздался в комнате, но натянутость не исчезла.

– Выслушайте меня. – Сашка наклонился над столом. – Я хочу вернуться домой. Но я не могу участвовать в чужих войнах. И не хочу их делать своими. Я неспособен убивать.

Я не хочу убивать!

– Разве тебе предложили должность палача? – прищурился Хейграст.

– Нет, – покачал головой Сашка, – но должность воина меня тоже не слишком устраивает.

– Иногда отказ быть воином совпадает с согласием идти под топор палача, – пробормотал белу.

Сашка растерянно огляделся. Белу и нари смотрели на него строго, но без злобы. А он сам чувствовал и злобу, и раздражение. Происходящее никак не зависело от его воли. Сашка мог желать чего угодно, но поход в сторону неведомого Мерсилванда вместе с этими странными существами был неизбежен.

– А если я не смогу вернуться? – спросил он.

– Нет ничего невозможного, кроме невозможного. – Хейграст пожал плечами. – Это слова Леганда!

– При некотором старании ты мог бы научиться распознавать лечебные травы! – ехидно вставил Лукус.

– И готовить из них белужские супы, – грустно усмехнулся Сашка. – Как Бал.

– Не обольщайся! – вмешался Хейграст. – Я пробовал. Легче наловить меру веса равнинных мух!

– Можно попробовать ковать гвозди! – предложил Лукус.

– Сначала следует накачать плечи не уже моих! – обиделся нари.

– Пока подожду, – пробормотал Сашка. – Может быть,

Леганд предложит что-нибудь подходящее. А лучше все же вернуться.

Хейграст и Лукус промолчали. Сашка поднялся из-за стола.

– Вы не вполне доверяете мне, – сказал он. – Я чувствую… но не обижаюсь. Леганд, Мерсилванд, какой-то светильник, демон – все перемешалось в моей голове. Я согласен на все. Можете вести меня хоть с завязанными глазами.

– Эх! – Лукус щелкнул пальцами. – Отчего ты не предложил этого раньше? Например, в трактире Бала? Или в хижине Арбана?

– Не время для шуток, – остановил друга Хейграст и обернулся к Сашке. – Есть еще одно. Я не знаю, получишь ли ты ответ на свой вопрос, но погибнуть можешь.

– Это я уже понял, – сказал Сашка.

Наступила тишина. Сашка смотрел в лица элбанов, которых ему хотелось считать друзьями, и думал, что вот теперь можно пожать им руки, поблагодарить за гостеприимство и уйти из доброго дома. Куда глаза глядят. Но вместо этого он спросил:

– Это выбор? Смерть или неизвестность?

Лукус и Хейграст промолчали. Сашка сделал глоток ктара и сказал:

– В моем мире когда-то давно некоторых женщин – впрочем, и мужчин – обвиняли в колдовстве. Тогда это считалось плохим занятием. Обвиняемых или подозреваемых бросали

связанными в воду. Если они тонули, погибали в воде, их считали оправданными. Если они умудрялись выплыть, их признавали повинными в злом колдовстве и сжигали живьем на костре.

– Иногда послушаешь рассказы чужеземца, – удивился Хейграст, – и собственные негодяи кажутся невинными младенцами. Могу пообещать тебе только одно – вплоть до Мерсилванда я отвечаю за твою жизнь собственной жизнью. Но то, главное испытание – это нечто особенное. Каждый из нас прошел его, и никто не был принужден к этому. Знай и ты. Каждому, встающему перед дверью, будет сказано: вот дверь, решай – открывать тебе ее или нет. И, как говорил Леганд, решился не каждый.

– И что с ними стало? – спросил Сашка. – С теми, кто не решился?

– Не знаю, – ответил Хейграст, – возможно, они счастливо дожили до старости.

– Если им удалось вернуться домой. – Сашка задумался. – И все-таки, есть ли вещи, о которых я мог бы узнать?

– Да, – улыбнулся Хейграст. – С чего бы ты хотел начать?

– Столько вопросов! – Сашка развел руки. – С чего бы начать? Ну вот, например, с этого. Что будет с Даном? Как вы собираетесь устроить его судьбу?

Хейграст и Лукус переглянулись. Сашкин вопрос им понравился.

Сашка проснулся поздно и, лежа в постели, слушал доносящийся со двора стук. Вчера разговор затянулся надолго. Смегла еще приносила ктар, и они сидели, прихлебывая постепенно остывающий напиток, и говорили, и говорили.

Сашка задавал вопросы о том, что происходило в мире Эл-Лиа, слушал рассказы Хейграста и Лукуса, и ему казалось, что сам он знает не меньше их, а может и больше. Потому что их слова ложились новыми красками на то, что он уже знал из книги. Из книги, сгоревшей в лапах демона, в которой упоминались и светильники, и еще многое другое, сказочное и невероятное. Теперь ему хотелось выдержать паузу, обдумать все это, понять и привыкнуть к новому знанию.

Лежать на мягкой постели было довольно приятно и даже непривычно после двух недель походной жизни, но за окном уже стоял день, поэтому Сашка потянулся и выглянул наружу.

В небольшом дворике кипела жизнь. Из беседки доносился довольный детский визг. У горна в углу двора суетились Дан, Хранд и грузный бородатый мужчина средних лет. Посередине двора упражнялись с деревянными палками обнаженные по пояс Лукус и Хейграст. Белу извивался, припадал к земле, отпрыгивал в сторону, подныривал под руку, переворачивался через голову, пытаясь добраться с импровизированным мечом до Хейграста, но тот невозмутимо стоял на месте и, не делая лишних движений, легко отбивал все атаки.

Сашка оделся и вышел во двор. Хейграст махнул ему ру-

кой и, не переставая парировать удары Лукуса, сказал:

– Теплого дня тебе, Саш! Подожди немного. Сейчас маленькие нари смоют со своих лиц остатки сна, и ты сможешь привести себя в порядок.

– Теплого дня тебе, Хейграст, и тебе, Лукус, – ответил Сашка и прошел к горну.

– Здравствуй, Саш! – Дан поднял довольное и уже перемазанное сажей лицо. – Смотри-ка, горн совсем такой же, как у моего отца! Я умею с ним управляться!

– Вадлин, к твоим услугам! – представился мужчина. – Из этого паренька выйдет толк. Он кое-что понимает в кузнечном деле и, мне кажется, металл чувствует.

– Теплого дня тебе, Вадлин, и тебе, Хранд! – поздоровался Сашка, с удовольствием глядя на зардевшегося от похвалы Дана. – Не слишком ли тяжел молот для маленького мужчины?

– До молота еще надо добраться, – ответил Вадлин. – У маленьких кузнецов хватает и другой работы. Надо управляться с горном, содержать инструмент в порядке, приготавливать заготовки, масло, воду, добавки. А потом уже и к молоту. А то некоторые маленькие нари готовы отстучать свои зеленые пальцы до срока.

Услышав эти слова, Хранд проворно спрятал за спину левую руку с замотанным тряпицей пальцем, схватил жестяное ведро и побежал к беседке.

– Саш, – позвал Хейграст, – присоединяйся! Мы собира-

емся умыться. Сегодня белу не повезло. Ни разу не удалось пробить мою защиту. А ведь он очень неплохой мастер фехтования.

– К сожалению, в фехтовании с тобой я действительно могу рассчитывать только на везение, – сказал Лукус, пытаясь отдышаться. – Остается только радоваться, что такой мастер на нашей стороне.

– На той стороне тоже много хороших мастеров, – заметил Хейграст, – так что надо урывать время от собирательства растений и совершенствоваться. Бьюсь об заклад, что всю дорогу до города ты ни разу не взмахнул мечом.

– Меч не вытаскивается из ножен ради забавы, – пробурчал Лукус.

– Учение не забава, – не согласился Хейграст. – Ты сам знаешь, что иногда это единственный способ выжить.

– Меч все-таки обнажить пришлось, – сказал Саш. – Правда, я не уверен, что он помог бы от той собаки.

– Зато он помог от кнута, – напомнил Лукус.

– Этот кнут Валгас тебе не простит, – нахмурился Хейграст. – Я пойду с вами к Скиндлу, узнаю у него, что к чему. Дел у нас много, так что быстро умываться – и за стол!

После завтрака Хейграст, Лукус, Саш и Вадлин прошли в кладовую. Она располагалась внутри скалы. Им пришлось подняться по каменным ступеням в узкой расщелине и открыть затейливым ключом тяжелую кованую дверь.

– Здесь основные богатства Хейграста, а не в лавке, – ска-

зал Лукус, показывая на висящие на стенах и лежащие на столах доспехи и оружие.

– Это не богатства, – не согласился нари. – Это произведения искусства. Правда, не все. Вон в том углу куча старья. Я покупаю старое оружие, которое иногда годится только на переплавку. Каждая вещь хранит в себе руки мастера, его секреты, иногда даже следы древней магии. Большую часть приходится потом переделывать, но есть много любителей, которые интересуются стариной. Но сейчас не об этом. Давайте-ка посмотрим, что вы мне принесли.

Вадлин разложил на столе доспехи врага. Хейграст наклонился над кольчугой, шлемом, провел рукой, принюхался. Затем взял в руки зубило, молоток и попробовал разрубить одно из колец.

– Хорошая работа? – спросил Лукус.

– Хорошая, – согласился Хейграст, рассматривая вмятину на поверхности зубила. – Магии в ней нет, значит, кольчуга принадлежала рядовому латнику. Но я не знаю, что это за сплав, и не узнаю работу.

– Магия могла быть на других частях одежды, – не согласился Лукус. – К тому же что-то было сорвано с шеи трупа.

– Возможно, – задумался Хейграст. – Вадлин, принеси-ка мой топорик.

Вадлин ушел, а Хейграст еще раз внимательно осмотрел доспехи.

– Сталь. Но не простая. Кажется, что добавка сделала ме-

талл и легче и прочнее одновременно. И вот еще. Смотри.

Хейграст надавил руками на одну из пластин шлема. Она чуть выгнулась, но тут же спружинила и встала на место.

– Неплохая упругость, – заметил Лукус.

– Я не знаю такого плетения, такого металла и такой обработки поверхности, – сказал Хейграст. – И это самая плохая новость. Хуже всего, когда не знаешь, откуда опасность. Не похоже ни на Империю, ни на Аддрадд. Значит, Оган не хочет, чтобы я продавал эти доспехи? Нет, Лукус, я и сам бы не стал их продавать. Учиться у врага незазорно. Главное, что ты хочешь получить в результате этого учения. Ну-ка, Вадлин, давай сюда моего летающего приятеля!

Вернувшийся мастер протянул Хейграсту метательный топорик, взял кольчугу и пристроил ее на деревянный щит. Хейграст отошел в противоположный угол и неожиданно метнул свое оружие. Разрубив несколько колец, топорик прочно вошел в деревянное основание.

– Мой металл лучше, – просиял Хейграст. – Но тем не менее даже варм воинов в таких кольчугах – это очень серьезная опасность. А вот как выдержит такой же удар моя кольчуга.

Вадлин рывком вытащил из дерева топорик и вновь подал Хейграсту. Тот метнул его еще с большим усилием, но топорик со звоном ударился о поверхность длинной кольчуги очень мелкого плетения и отскочил на пол.

– Вот! – довольно заметил Хейграст. – Не скажу, что мои

доспехи выдержат любое оружие, но уберегут от большинства ударов.

– Ну от сломанных ребер ни одна кольчуга не спасет, – нахмурился Лукус.

– Можешь говорить что хочешь, но доспехи придется выбрать всем. – Хейграст упрямо мотнул головой. – Это тебе не прогулка по мирным белужским землям. Мы с тобой заходили в Дару в лучшем случае на день пути, и то нам приходилось несладко. А сейчас речь идет о двух-трех неделях.[26] А деррские леса? Мне совсем не улыбается гибель от случайной стрелы.

– От случайной стрелы не спасет никакая кольчуга, – пробурчал Лукус. – Да и не могу никак припомнить, о каких мирных белужских землях ты говоришь?

– И все-таки, – Хейграст придирчиво оглядел Лукуса и Сашку, – именно я буду командовать отрядом из трех элбанов, отправляющихся в нелегкий путь. Поэтому спорить со мной не стоит. Это касается в том числе и своенравных белу. Не забывай, друг, что по законам твоего племени старший достоин уважения.

– Достоин, – согласился Лукус. – Но не думай, дорогой Хейграст, что мое уважение к тебе основывается только на том, что ты сумел родиться на полгода раньше меня.

– Хорошо, – улыбнулся Хейграст. – Только из уважения к твоим воинским принципам я согласен, чтобы ты не выбирал

[26] Неделя в Эл-Лиа – 6 дней.

себе кольчугу, а оделся как всегда.

Лукус что-то пробормотал в ответ, отошел к окну и снял с крючка кожаный жилет с вшитыми металлическими пластинами.

– Беда с этими белу. – Хейграст осторожно шевельнул пальцем беспокоящий клык. – Почему-то они считают, что могут уклониться от любой стрелы и вынырнуть из-под любого клинка. Эй! Не забудь шлем и пояс!

Лукус, не обращая внимания на советы, разложил жилет на столе и стал проверять крепление пластин.

– Теперь ты. – Хейграст окинул взглядом фигуру Сашки и нахмурился. – Насколько я понял, с оружием тебе сталкиваться не приходилось. Значит, по мере сил тебя придется еще и поднатаскать. Хотя бы для того, чтобы отмахнуться от разбойника, который захочет где-нибудь в темноте засадить клинок в твою спину. А уж если я начну натаскивать, то пощады не жди. Что это значит?

– Не знаю, – пожал плечами Сашка.

– Это значит, что кольчужку тебе надо на вырост, – объяснил Хейграст. – А ну-ка, Вадлин, неси-ка сюда ту чудесную штучку, которой я занимался в начале недели.

Вадлин покопался на полке и выудил сверток. Хейграст развернул его, и на стол легла абсолютно черная и тонкая куртка с капюшоном.

– Это кольчуга? – удивился Сашка.

– Еще бы! – Хейграст хмыкнул. – Жаль, не на мои плечи, а

Хранду еще рановато, да и не хочу я своему сыну такой судьбы – прыгать под стрелами. Из него мастер получится лучше меня, он кузнец от природы! Я думаю, что это кольчуга работы древних ари. Плетение тонкое, сплав необычный. Так и не удалось выяснить, что это за металл. Такие сейчас уже не делают. Купец, у которого я купил ее, вероятно, думал, что это баловство. Ни тебе драгоценных камней, ни пояса. Застегивается впереди, как обычная куртка, цвет черный. Я вначале подумал, что это особая ткань. Так она и не горит, и цвет не меняет! Недорого с меня купец за нее взял. Видно, не очень он в этом разбирался. Но на самом деле работа изумительная. Металл легкий, тонкий, но очень прочный. Полетали мои топорики и по этой курточке. Прочнее она моей одежки, много прочнее, но и намного тоньше! Правда, магии в ней никакой нет, но, если лет ей лига или больше, какая уж там магия!

– Не скажи, – отозвался Лукус. – Для настоящей магии лига лет ничего не значит, вспомни про Мертвые Земли.

– Помню, помню, – бросил Хейграст. – Но эту кольчугу Вик смотрел. Ничего не обнаружил. Сказал, что очень хорошая работа, и все. Саш, ты, говоришь, очень чувствительный, вот заодно и проверим вещь. Кстати, когда я возился с ней, чувствовал себя не кузнецом, а портным. Даже подумал: может, не выкована она, а соткана? Ну ладно. Теперь оружие.

– Спасибо, не нуждаюсь, – сказал Лукус.

– Успокойся, – засмеялся Хейграст. – Никто не заставляет тебя изменять привычкам. Да и твой маленький клинок очень неплох. Речь идет о Саше.

– Пусть сам выберет, – неожиданно сказал Вадлин.

– Сам? – удивился Хейграст. – Ты имеешь в виду обычай ари?

– Он не воин, – усомнился Лукус.

– Однако он здесь, – крякнул Вадлин, – значит, как минимум он хороший путник.

– Путник, да, но… – Лукус задумался.

– Понимаешь, – Хейграст взъерошил щетину на затылке, – воин сам выбирает себе оружие. Именно то, что просится ему в руку. Скажем, он старается услышать голос.

– Услышать? – удивился Сашка. – Это же железо!

– Не только. – Хейграст покачал головой.

– Пусть выбирает, – неожиданно согласился Лукус. – Что мы теряем? Допустить его до рукопашной – значит не дойти с ним до Мерсилванда. Так что, кинжал ли у него будет за поясом или двуручник в мой рост за спиной, для нас это не имеет значения.

– Хотел бы я, чтобы ему не пришлось махать мечом. – Хейграст нахмурился. – Да и не поднимет он двуручник.

– Как выбирать? – спросил Сашка.

– Закрой глаза, – посоветовал Вадлин. – А я проведу тебя вдоль полок.

– Необязательно… – Хейграст хотел сказать еще что-то,

но махнул рукой.

– Не спеши, Саш, – серьезно сказал Лукус. – Воин готовится к такому выбору долгие годы. Я надеюсь только на твои способности. И помни: этот выбор может оказаться одним из самых важных.

Сашка кивнул, окинул быстрым взглядом полки, на которых висели и лежали мечи, топоры, копья, луки.

– А что, если я выберу меч, а он окажется твой или Лукуса? – спросил Сашка Хейграста.

– Невозможно, – ответил тот. – Пойми, не ты выбираешь, тебя выбирают. Мой меч уже сделал свой выбор.

– А свой я тебе все равно не отдам, – заявил под смех Хейграста и Вадлина Лукус. – Даже если ему и захочется.

– Хорошо, – сказал Сашка и, отстранив руку Вадлина, сделал шаг вперед.

Он постарался сосредоточиться. С закрытыми глазами оружейная представилась ему огромной пещерой, которой она, в сущности, и была. Пещерой, наполненной искрами и цветными линиями. Внезапно он понял, что оружейная не вырублена в скале Хейграстом или его предками. Она старше. Водяной поток проточил камень, опустился вниз и пробился наружу над беседкой для умывания. Светящейся голубой линией он жил под полом зала в теле скалы.

Почти все предметы в оружейной издавали свет той или иной яркости. Зеленоватыми линиями защиты искрилась кольчуга Хейграста, неожиданно отсвечивал красным жилет

Лукуса. Некоторые доспехи словно гудели негромко, но это не было зовом. Неожиданно Сашка понял, что та кольчуга, которую дал ему Хейграст, выделяется темным пятном. Она не излучала ничего, но именно ее чернота внушала уверенность и спокойствие. Она готова была спрятать в себя! А кольчуга врага была словно вымазана в грязи. Она несла в себе отпечаток зла.

– Ну? – спросил Хейграст, когда Сашка открыл глаза.

– Я знаю, что за древнюю кольчугу ты хочешь отдать мне, нари. Она прячет в себя: думаю, что любой магический предмет, укрытый ею, станет неразличимым.

– Эл с нами, – открыл рот Хейграст. – Ты ничего не путаешь?

– Нет, – покачал головой Сашка. – Смотри, ты положил ее на кирасу. Здесь и здесь заклепки светятся синим. Что это?

– Я не вижу свечения, но они заговорены от усталости, – объяснил Хейграст. – Заклепок таких двенадцать. Как и любой заговор, они не прибавляют бодрости путнику или воину, но, если в пути местность заколдована на изнеможение, могут и выручить.

– Так вот, – продолжил Сашка. – Те заклепки, которые оказались под кольчугой, не видны. Под ней ничего не видно. А я, мне кажется, вижу здесь все. Я даже могу сказать, что эта пещера – бывшее русло ручья и он сейчас заключен в пол. Вот здесь, здесь и здесь. А здесь он делает поворот к беседке. А за моей спиной за этими стеллажами есть замаски-

рованный проход. Очевидно, пещера уходит в глубь скалы.

– Про это как раз никому говорить и не надо! – заметил Хейграст.

– Ты понимаешь, что это значит? – спросил Лукус нари.

– Только одно. Это мантия, – ответил Хейграст. – Мантия демона или мага. Мантия, скрывающая его от взора стража границ. Не думал, что такое возможно. Точнее, не думал, что такая вещь окажется у меня в кладовой.

– Если ты не ошибаешься, – объяснил Лукус Сашке, – то это древнее одеяние мага, которое позволяет ему оставаться незамеченным. То есть казаться простым элбаном.

– Если это мантия, – добавил Хейграст, – то как оружейник и торговец сообщаю: она стоит больше, чем вся моя оружейная!

– Ты скромничаешь, – покачал головой Лукус. – Она стоит больше, чем вся улица оружейников.

– Так что же? – растерялся Сашка. – Кажется, я не должен принимать ее?

– Напротив, – пожал плечами Хейграст, – разве ты не видишь, что я набиваю цену подарку? Только не забудь сбросить ее, когда отправишься домой!

– Сброшу, – искренне сказал Сашка. – Жаль, но я действительно не могу оценить этот дар. Я даже не знаю, что такое страж границ. Не слишком ли дорог подарок?

– Стража границ больше нет, – грустно усмехнулся Хейграст. – Границ больше нет. В какой-то степени теперь мы

стражи границ, но тебе это пока ничего не скажет. Заал говорил, что граница проходит там, где ты встречаешь врага. Если ты не собираешься становиться воином, хорошая кольчуга – главное, что тебе нужно. Но ты не выбрал оружие. Может быть, дать тебе совет?

– Меч, топор, лук? – спросил Вадлин.

– Подождите. – Сашка нахмурился, решительно направился в дальний угол и начал копаться в горе железа.

– Саш! – Хейграст щелкнул пальцами. – Это даже и не старье! Это в переплавку! Хлам!

– Тем более! После такой дорогой одежки надо и совесть иметь! – ответил Сашка, отбрасывая в сторону сломанный топор, обрывки ржавой кольчуги и вытаскивая что-то рыжее и продолговатое. – Вот это!

– Он тебя позвал? – удивился Хейграст. – Я взял его на вес у того же купца вместе с кольчугой! Посмотри! Меч настолько проржавел, что я не смог вытащить клинок! Только… Зачем же я засунул его в самый низ кучи? От кого я его прятал?

– Подожди. – Лукус поморщился, взял из рук Сашки старый меч, спекшийся навечно с ножнами, и взвесил его в руке. – Что-то легкий. Размеры приличные, но балансировка необычная. Хотя он в ножнах… Так, может, там и лезвия внутри нет? А почему рыжий? Ты что, в масле кипятил его?

– Я выбрасываю древние вещи только в крайнем случае. – Хейграст поднял ладонь. – Сначала испробую все способы

их оживить и уж только тогда… Посмотри, ножны дешевые, нет ни рисунка, ни знаков. Гладкий металл. Рукоятка – то же самое. Только насечка для ладони и ушко для кисти или платка. Хранд даже хотел ножны разбить, но с оружием так нельзя, ты же знаешь.

– Но это не ржавчина. – Лукус покачал головой. – Это затвердевшее масло. И не то, в котором ты его кипятил. От твоего только рыжий цвет. Это не похоронное масло, Хейграст? Кольчуга тоже была вымазана в нем?

– О чем ты? – Хейграст махнул рукой. – Какое похоронное масло? Я, по-твоему, слеп? Это ж хлам! Может быть, этот меч в сырости несколько лет пролежал, он, кстати, именно в эту мантию, кольчугу – или что это там? – и был завернут!

– Мне кажется, что твой купец грабит могильники, – задумчиво сказал Лукус. – Как его зовут?

– Бикс из Кадиша его зовут, – ответил Хейграст. – Непохож он был на могильщика. И на скупщика краденого тоже. Те знают цену древним вещам.

– Тебе приходилось встречаться с ним раньше? – поинтересовался Лукус.

– Нет. – Хейграст сдвинул брови. – Да и какая разница? Предприимчивому торговцу в руки попали старые доспехи и оружие. Он ищет возможность выгодно их продать. Стражник на воротах сказал ему, что один нари на улице кузнецов покупает старое оружие. Вот и все. Кроме кольчуги я купил у него три неплохих ангских топора, которые уже продал с

прибылью, и этот меч. Но он и кольчуга мне почти ничего не стоили. Я не стал бы покупать ржавчину, но купцу надо было избавиться от всей партии.

– И ты, конечно, узнал у него имя того стражника? – спросил Лукус. – Оган сказал, что за последнюю неделю в город пришел только один купец, который вез соль. И это было вчера.

– Да! – подтвердил Хейграст. – Он сослался на Омхана, а Омхана я знаю достаточно хорошо. Отбрось подозрения. Я же не переплатил! К тому же этот Бикс мог приехать в город раньше. В любом случае, если бы он не пришел ко мне, кольчуга досталась бы какому-нибудь проходимцу!

– Спасибо, Хейграст, – усмехнулся Сашка.

– Леганд учил, что со старыми вещами нужно обращаться осторожно! А еще более осторожно относиться к непрошеным подаркам и необъяснимому везению, потому что за все рано или поздно приходится платить! – повысил голос Лукус и внимательно посмотрел на Сашку. – Эти вещи из одной партии и из одних рук. Что ты почувствовал?

– Я даже не знаю… – Сашка задумался. – Практически ничего. Большинство вещей здесь… светятся, что ли. А этот… Просто из той кучи потянуло какой-то печалью. Словно кто-то хочет тепла.

– Ну так и согревай его, – согласился Хейграст. – Может, оно и к лучшему. В любом случае в схватке ты нам не помощник.

– Сейчас мы идем к Вику Скиндлу. – Лукус свернул жилет. – Потом сразу к Балу за продуктами. Вадлин здесь все приготовит без нас. Надень, Саш, кольчугу, вряд ли кто отличит ее от обычной матерчатой куртки. И возьми с собой меч. Все-таки Вик Скиндл знает толк в магии вещей, в этом он лучший в городе. Пусть взглянет.

– Нет никого осторожнее белу, – усмехнулся Хейграст. – Надеюсь, мне не придется платить ему слишком много за осмотр рухляди. Ну ладно, все?

– Нет, – остановил его Сашка и показал на доспехи врага. – Вот.

– Что, – переспросил его Хейграст.

– Я бы убрал из оружейной эту кольчугу – она пропитана злом и… – Сашка запнулся, – когда я проходил мимо, мне показалось, что ножны меча стали на мгновение горячими.

Глава 10
ВИК СКИНДЛ

Башня колдуна возвышалась над соседними строениями на целый этаж. Сложенная из грубо обработанных каменных блоков, она выглядела так, словно стояла в долине до того, как трудолюбивые ари возвели здесь город, и будет стоять, когда Эйд-Мер обратится в пыль. Тем нелепее выглядела крошечная терраса у основания башни. За мутным стеклом томился очередной клиент авторитетного мага Вика Скиндла. Ниже по улице стояла приземистая серая башня с металлическими решетками на окнах-бойницах, которая, как объяснил Хейграст, принадлежала одному из городских менял. Выше располагался дом книжника, устроенный то ли в каменном пристрое, то ли в куске крепостной стены. Он выделялся особенной ветхостью. Через доведенное до немыслимой прозрачности стекло выглядывали книги и свитки. Хейграст поймал жадный взгляд Сашки, обращенный на корешки, посмотрел на маячивший на террасе силуэт элбана и решительно завернул в книжную лавку.

– Тепла в твоем доме, Ноб! – поприветствовал он поднявшегося из глубокого кресла старика. – Как торговля? Много ли горожан решили приобщиться к источникам мудрости на этой неделе?

– Негасимого огня в твоем горне, Хейграст, – проскрипел

старик в ответ, натягивая на плечи теплое одеяло. – Чтение – это дело для дней мира. Но, хвала Элу, когда беда подходит к порогу, элбаны вспоминают о далеких родных и собираются наконец отправить им весточки о себе. Так что пока я в основном торгую бумагой для писем. Этот юноша и белу с тобой, Хейграст?

– Да, Ноб, – ответил нари.

Сашка и Лукус, как требовали правила учтивости, соединили тыльными сторонами ладони и склонили головы перед стариком.

– Чем старый Ноб может помочь такой странной компании? – спросил старик. – Даже в Эйд-Мере редко бродят вместе нари, белу и… человек? Хейграст, глаза мои видят уже не так хорошо. Это человек или ари?

– Смею надеяться, что я человек, – откликнулся Сашка.

– Акцент твой, чужеземец, мне неизвестен. Но любой элбан, вошедший в мою лавку вместе с Хейграстом, заслуживает безусловного доверия.

– Его зовут Саш, – пояснил Хейграст. – Мы идем к Вику Скиндлу, но мой друг так жадно смотрел на книги, выставленные в твоем окне, Ноб, что я решил завернуть сюда.

– И что же интересует тебя, Саш? – спросил старик. – На каком языке ты читаешь? В основном мои книги на ари, но есть несколько образцов на языках нари, белу, есть даже металлические таблички банги и деревянные дощечки и кора шаи.

– Я действительно чужеземец, – ответил Сашка. – Язык ари только учу. Могу читать на валли.

– Хотел бы я побывать в стране, где все еще говорят на валли, – задумчиво проговорил старик. – Нет ничего прекраснее этого древнего языка. Но у меня нет книг на валли. Они дороги. Да если бы и были – кто бы смог их прочесть? Во всем городе на валли лишь надпись на воротах твоего друга Хейграста, да и то, насколько я знаю, не он ее автор. Теперь на валли говорят только мудрецы народа ари. Язык сохраняется ими, чтобы простые элбаны не узнали их тайн. Но ари давно не приходят в Эйд-Мер.

– Я читаю на валли, – сказал Сашка, – но в моих землях не говорят на этом языке. Просто у меня была книга на валли. К сожалению, она попала в руки… врага. И сгорела, когда он… стал читать ее.

– Сгорела? – Ноб покачал головой. – Тогда это очень сильная магия. Если вы за этим идете к Вику, то вряд ли он поможет. Он заговаривает письма и документы, особенно те, которые не должны прочесть посторонние, но его заговоры неспособны отличить врага от друга. Заклинания сжигают послания, если вскрывать их без должного ритуала.

– Хороший способ устроить пожар в крепости неприятеля, – подал голос Лукус, – отправить туда заговоренное письмо.

– Вряд ли уважаемый Вик Скиндл занимается этим, – не согласился старик. – Да и какой элбан примет неизвестное

письмо или любой предмет, не посоветовавшись с местным колдуном? Так чем же я могу помочь тебе, юноша? – вновь обратился старик к Сашке.

– Мне кажется, я мог бы восстановить свою книгу, – ответил тот. – Она – память об отце. Книга старинная, но ценность ее не в древности, а в содержании. Если найти тетрадь с чистыми страницами, я мог бы попробовать. Я знаю текст наизусть, но боюсь, что истинный его смысл ускользает от меня.

– Это очень важно! – оживился Хейграст. – Я бы истратил на это столько монет, сколько нужно. Включая стоимость принадлежностей для письма.

– Вот уж не думал, что можно запомнить наизусть целую книгу, – удивился Лукус.

– Это не сложнее, чем запомнить имена всех трав на равнине Уйкеас, – усмехнулся Сашка. – Я не мог говорить с отцом, поэтому читал книгу, которую он оставил.

– Как выглядела твоя книга? – спросил, нахмурившись, Ноб.

– Размером с две ладони, – показал Сашка. – Деревянная черная обложка с запахом остывающего ктара. Корешок из зеленой кожи в маленьких чешуйках с желтым зигзагом. Три дюжины желтоватых страниц. На них еще проглядывали еле различимые голубоватые линии.

– Ох! Похоже, что она действительно была очень древней! – заохал старик. – За этот экземпляр я бы отдал все, что

есть в моей лавке. Может быть, это тебе ничего не скажет, но твоя книга из очень дальней страны. Судя по описанию, она сшита задолго до Большой зимы. Знай же: когда-то существовала прародина людей, удивительная страна Дье-Лиа! Теперь дороги туда забыты. Предания говорят, что страницы священных книг в Дье-Лиа изготавливались из крыльев летучих мышей. Их варили в свинцовых смесях, пока черный цвет они не меняли на белый. Но обложки книг Дье-Лиа изготавливались из металла, а ты рассказываешь о дереве и о корешке из кожи усыпляющей змеи. Подожди! Возможно, это древняя работа ари из священного Аса! Дух захватывает!

Старик возбужденно оглядел гостей и, вновь опустившись в кресло, продолжил дрожащим голосом:

– На книгах из Дье-Лиа был выжжен черный круг. На щитах их воинов – тоже. Страшные заклинания заполняли страницы. Вместе с людьми в Эл-Айран пришло зло. Но это было так давно… Так давно, что не только прекрасная Дара еще не стала Мертвыми Землями, но и не было твердыни Вард-Баст, и не было самого Ари-Гарда. Священный Ас сиял золотыми башнями под небом Эл-Лиа! Боги ходили еще по этой земле в то время!

– Откуда тебе известны столь древние страницы истории Эл-Айрана, Ноб? – удивился Хейграст.

– Книги – источник мудрости, – вздохнул старик. – О книгах я знаю все, а из книг знаю о многом. А вы слишком редко открываете их и слишком часто считаете сказками то, что

изложено на древних страницах.

– Вряд ли моя книга была столь древней, – покачал головой Сашка. – Тем более ни черного круга, ни заклинаний я не помню. Только стихи и песни. Историю Эл-Лиа с того момента, как Эл узрел сотворенное им, и до падения Ари-Гарда.

– В таком случае твоей книге тем более нет цены! – торжественно произнес старик. – Где ты собираешься восстанавливать ее?

– Мы уходим из города, Ноб, – вмешался Хейграст. – Все, что я могу обещать Сашу, – это короткое время на привалах и по ночам, если обстоятельства позволят нам развести костер. Я бы настаивал отложить эти дела до возвращения, но в наше время ничего нельзя загадывать заранее.

– Да, – кивнул Ноб. – Опасной стала прекрасная равнина Уйкеас. Да и не пишутся книги у костра. Для письма нужна тишина и ясность мыслей. Но я помогу вам. Нари! Открой-ка вон тот шкаф и возьми сверток на верхней полке.

Хейграст послушно зашелестел тканью. Маленькая коробка предстала глазам спутников. Внутри нее оказалась книжечка в кожаной обложке размером с ладонь, бутылка с чернилами и серебряное перо.

– Такие наборы берут купцы из-за моря, – объяснил старик. – Они ведут в них записи расходов и прибыли. Или убытков, когда наступает тяжелое время. Страницы сделаны из тончайшей и прочнейшей ткани! Книжка кажется ма-

ленькой, но тебе она пойдет. Здесь варм страниц! Да-да! Посмотри! Это работа банги! Не только металлами и камнями они славны!

Сашка недоверчиво провел рукой по обложке, расстегнул застежку и открыл книгу. Ослепительно белым блеснули тончайшие страницы.

– Страницы не боятся сырости! – воскликнул Ноб. – Ткань, из которой сшита книжка, ткется женщинами банги из паутины ядовитых горных пауков. Чернила не смываются водой. Серебряное перо удобно в дороге, его не надо макать в чернильницу. Чернила заливаются внутрь сверху и закрываются маленькой пробочкой. И вот еще несколько листов бумаги, чтобы приноровиться к перу. Такой набор стоит пять золотых наров.

– Эл с тобой, Ноб! – Лицо Хейграста вытянулось. – Это же стоимость отличного меча! Месяц беспрерывной работы в кузнице!

– Разве я сказал, что продаю эту коробку?! – возмутился Ноб. – И все ты, оружейник, меряешь оружием. Если тексты, о которых говорит твой друг, подлинны, цена книги будет много выше! Я предлагаю мену!

– Что ты хочешь? – не понял Хейграст. – Я могу предложить отличный меч или доспехи, но зачем они тебе?

– Мне не нужны доспехи, – ответил старик. – И без меча я уж как-нибудь доживу года, отпущенные Элом. Я хочу сделать список с текстов, которые восстановит твой друг. Нет

ничего хуже, чем знания и память, обращенные в пыль. Я дарю все это тебе, Хейграст, а ты обещаешь, что дашь законченную книгу для переписывания на две недели, как только вернешься в Эйд-Мер.

– Ну вот еще, – недовольно подал голос Лукус. – Теперь еще и книгу эту охранять.

– Я обещаю, Ноб, – сказал Хейграст и обернулся к обескураженному Сашке. – Забирай. И помни, я дал слово. Надеюсь, мне не придется заставлять тебя упражняться в письме, как я делаю с негодником Храндом?

– Нет, – заявил Лукус, оставаясь на улице. – Я не собираюсь ждать приема в будке. Белу нечего стыдиться. Я пришел к Вику не за любовными приворотами.

– Ты прекрасно знаешь, что Вик не занимается любовными приворотами, – укорил Хейграст белу и дернул за висящий из отверстия в двери шнур.

Где-то в глубине дома раздался мелодичный звон. Прошло довольно много времени, Сашка вопросительно посмотрел на Хейграста, но тот спокойно ответил:

– Дверь не откроется, пока не уйдет предыдущий посетитель. Выход из башни на противоположную улицу. Кто его знает, возможно, есть и еще какие выходы. Вик очень строг и бережлив по отношению к клиентам. И многим это нравится.

– Не понимаю, зачем ему прятать клиентов друг от дру-

га, – подал голос с улицы Лукус. – Ведь официально разрешено заниматься только защитными заклинаниями!

– Вик, кроме всего прочего, еще и врачует! – повысил тон Хейграст. – А два выхода – это закон во врачебной практике!

– Врачевание тоже бывает разным! – огрызнулся Лукус.

– Лукусу не нравится, что у Скиндла служат белу, – объяснил Хейграст Сашке. – А дело всего лишь в том, что у Вика красавица жена и пять очаровательных дочек. Скорее всего, он просто хочет спокойно спать.

– Можно подумать, что белу какие-нибудь евнухи! – возмутился Лукус.

– Нет. Белу не евнухи, – улыбнулся Хейграст. – Представь, что у колдуна служат нари или шаи, и спроси себя, где твое раздражение.

Лукус надул губы, чтобы что-то ответить, но за дверью послышались шаги, и на пороге появился пожилой белу. Волосы его давно поседели, морщины избороздили лицо, но плавные линии бровей и глаз по-прежнему заканчивались аккуратными ноздрями маленького носа. Внимательно осмотрев спутников, он выпростал из-под темно-красной мантии руку и дал знак следовать за ним. За дверью начиналась длинная извивающаяся лестница, ведущая сразу на самый верх. Рассеянный свет падал на ступени из узких окон. Придерживая одной рукой болтающийся на поясе меч, а другой опираясь о стену, Сашка шел последним. Спутники поднялись на площадку, белу распахнул еще одни двери, и они оказались в

просторном зале.

После полутемной лестницы Сашка зажмурил глаза. Свет падал не только из громадных окон в стенах, но и сверху. В центре зала в деревянном резном кресле сидел полный, слегка обрюзгший человек в такой же красной мантии, как и встретивший клиентов белу. На скамеечке у его ног играла очаровательная девочка лет трех. Она смешно поправляла белое платье и, оттопыривая губу, нетерпеливо сдувала светлые локоны, падающие на глаза. Белу подошел к столику, расправил лист бумаги, обмакнул перо в чернильницу и замер в ожидании.

– Тепла в твоем доме, Вик, – громко сказал Хейграст, ступая на огромный мягкий ковер.

Сашка подошел ближе и вдруг понял, что поразило его в лице колдуна, который почти лежал в кресле, гладя ребенка по голове. В лучах Алателя купался слепец! Глазные впадины страшными рубцами покрывала серая кожа. Вик повернул незрячее лицо в сторону Хейграста и мягко произнес:

– Здравствуй, Хейграст. И ты, травник, здравствуй. Чем обязан? Все договоренности выполнены. Пять лошадей с упряжью отправлены к Балу под погрузку. Лошади здоровы. Северных кровей, подкованные, пригодные для путешествий по горам и льдам. Ни одна из них не моложе двух лет и не старше трех. Проводник до деррских земель будет ждать вас завтра с утра и до полудня на границе Дары у северной цитадели. Медальон для него я передал тебе, нари. Магиче-

ский порошок для неупокоенных – тоже. Все ваши условия и направление похода сохранены в тайне. Что еще?

– Я не сомневаюсь в этом, Вик, – склонил голову Хейграст. – Но перед выходом в путь у меня появились некоторые вопросы. И мне нужна твоя помощь или совет.

– Ты помнишь, что я не занимаюсь благотворительностью? – скривил губы Вик. – Моя помощь или мой совет, что, впрочем, одно и то же, стоят денег. Леганд тоже не бесплатно приносит мне камни. После вчерашнего расчета я еще остался должен ему три золотых нара, но это все.

– Ведь ты не сомневаешься, Вик, что я имею право осуществлять все расчеты за Леганда? – удивился Хейграст. – Даже если мне придется истратить больше трех наров?

– Спрашивай, нари. Я отвечу, – кивнул Вик.

– Сколько нас вошло в твой кабинет?

– Двое. – Вик повернул лицо в сторону секретаря. – Или нет? Сколько их?

– Их трое, господин, – ответил белу.

– Кого ты привел ко мне, Хейграст?! – возвысил голос Вик, приподнимаясь и прикрывая ладонью девочку.

– Саш, сними кольчугу, – попросил Хейграст. – Не волнуйся, Вик. Это мой друг и всего лишь человек.

Сашка развязал пояс, расстегнул и снял с плеч кольчугу и протянул ее и меч Хейграсту.

– Подойди ко мне, Саш, – проговорил Вик.

Сашка пошел в сторону мага, но остановился в двух ша-

гах. Девочка подняла голову, весело рассмеялась и протянула маленькую деревянную фигурку.

– И человек тоже… – пробормотал Вик. – Возьми, Саш. Моя младшая дочь не боится тебя. Значит, и мне не нужно опасаться. Возьми подарок. В нем нет наговоренной магии, есть только недоступный мне пока смысл. Возьми, Саш. Это дар чистого существа.

Сашка наклонился и осторожно принял из маленьких пальчиков деревянную фигурку. Тепло детских ладоней хранил человечек с крыльями.

– Ваш «всего лишь человек» не владеет магией маскировки. Саш не умеет скрывать силу. Он светится так, что я мог бы разглядеть его через варм локтей кирпичной стены! Это опасно! – мрачно усмехнулся Вик. – Как вы укрыли его, Хейграст?

– Вот, – дал магу в руки свернутую кольчугу Хейграст. – Я уже приносил ее.

– Я помню. – Вик сжал кольчугу в ладонях, потеребил пальцами. – Теперь я понял, что это. Да. Это очень сильная магия, но я не почувствовал ее. Правда, я был удивлен чистотой вещи. Когда магия разлита в воздухе даже в ничтожном количестве, все пропитывается ею. Да, Хейграст. Это мантия демона. Но не пытайся открыть ее секреты, она сделана не элбаном. Не знаю, как тебе удалось достать такую курточку, но в городе никто не сможет купить ее. И в долине Силаулиса никто не сможет купить ее. И в долине Ваны

никто не сможет купить ее. Если только ты не поделишь ее цену на дюжину лиг. В этом случае ее сможет купить Валгас. Правда, даже для уплаты такой ничтожной части ее цены ему придется продать свой храм со всем содержимым. Ха-ха-ха!

Вик рассмеялся, но уже через мгновение его лицо вновь стало безучастным.

– Я не собираюсь продавать ее, – сказал Хейграст. – Это мой дар Сашу.

– Ты щедр, Хейграст, – равнодушно бросил Вик. – Но ты прав. Ничто, кроме этой мантии, не укроет твоего друга. Он горит так же ярко, как полуденный Алатель в начале месяца эллана. За этот вопрос я не возьму с тебя платы. Ты задаешь его второй раз. Что еще?

– Что ты можешь рассказать о Валгасе? – спросил Хейграст. – В городе ходят слухи, что храмовники занимаются магией. Огромный пес едва не убил моего друга.

– Я не собираю сведений о жителях города, – ответил Вик. – И Валгас не занимается магией. Но ты должен понимать, что для храма, а значит, для самого себя, он хочет абсолютной власти. И для этого, я думаю, мог договориться даже с демоном. Хотя, может быть, он что-то ищет? Например, древний камень цвета крови? Уж не для того ли, чтобы ничем не отличаться от храма священного престола в Империи, где якобы хранится негасимый светильник Эла? Или у него другие цели?

– Вряд ли это правда, – вмешался Лукус. – Леганд гово-

рит, что он почувствовал бы, если бы такой светильник хранился в храме.

– Мудрость и наивность сочетаются в Леганде, – криво усмехнулся Вик. – Заверни светильник вот в такую мантию – и Леганд пройдет мимо него в одном шаге и не почувствует ничего. Даже я ничего не почувствую! Валгас ищет Рубин Антара. Но его нет в Эйд-Мере. А пса привез Латс из Империи. Этот проныра отлично спелся с нашим местным святошей. Пса держит нукуд. И у Валгаса есть на этот амулет разрешение. Но если пес или его погонщик пытались убить твоего друга, они не отступятся. Валгас все доводит до конца. И за этот ответ я не возьму платы.

– Хорошо, Вик, – кивнул Хейграст. – Теперь вот.

Нари положил на колени колдуна меч.

– Почему ты не приносил это раньше? – спросил Вик.

– Я получил его на днях вместе с мантией и собирался переплавить, – ответил Хейграст.

– Иногда мне кажется, что слепец вовсе не я, – засмеялся Вик. – Этот ответ будет стоить два золотых нара.

– Это почти половина стоимости нового меча! – возмутился Хейграст.

– Ты же знаешь, я никогда не ошибаюсь в цене. – Вик равнодушно щелкнул пальцами.

– Хорошо. Я согласен, – вздохнул Хейграст.

За столиком заскрипел пером белу.

– Распишись, нари, – сказал Вик.

Хейграст подошел к белу, взял из его рук перо и расписался. Вик выдержал паузу, затем провел ладонями по ножнам и рукояти.

– Это меч из могильника, Хейграст. Посоветовал бы тебе поучиться осторожности. Она пригодится тому, кто покупает за гроши бесценные сокровища у незнакомцев. Я не знаю, чья это работа. Я не знаю, из какого металла создан этот меч. Я не знаю, кто был его хозяин, если он вообще успел приобрести хозяина. Но он стоит дороже, много дороже, чем мантия демона. Это светлый хардук.

– Что?! – хором воскликнули Хейграст и Лукус.

– Да-да. Хардук. Причем светлый. Но я не могу определить его магию. В старых книгах описываются темные хардуки, которые выпивали жизненную силу врага, стоило им причинить хотя бы небольшую рану, но магии этого меча я не знаю. Однако ее мощь неизмерима. Подумай на будущее, прежде чем опускать его в кипящее масло. Каким-то образом он связан с твоим другом?

– Меч сам выбрал его, – прошептал Хейграст. – Вик, что было бы, если бы я переплавил клинок?

– Самое меньшее, что могло случиться, – ты потерял бы свой дом. Конечно, если бы смог расплавить меч, – усмехнулся Вик. – Хардук стал бы демоном места и выжил бы из дома твою семью. Но темный хардук мог бы убить твоих близких, даже не будучи расплавленным. Ну? Разве мой совет не стоит двух наров?

– Стоит, Вик, – опустил голову Хейграст.

– В таком случае, если ты не хочешь потратить последний нар Леганда, я вас больше не задерживаю, – улыбнулся Вик.

– Прощай, Вик, – сказал Хейграст, уходя вслед за поднявшимся белу к двери в противоположной стене.

– Прощай, Вик, – сказал Лукус.

– Прощай, Вик, – сказал Сашка.

– Не бойся ничего, Саш! – неожиданно громко и отчетливо произнес Вик. – Ничего не бойся! Понимаешь? Это бесплатный совет, но он стоит дороже всех остальных!

– Если бы я владел своим страхом! – воскликнул Сашка, обернувшись.

– Ну? – спросил Лукус, когда они вышли на соседнюю улицу и направились в сторону трактира Бала. – И это хороший человек? Он переводит на деньги каждый свой шаг!

– Оставь! – отмахнулся Хейграст. – Разве мало в городе добродушных малых, общение с которыми приносит одни убытки, даже если они не просят у тебя ни гроша? И ты свои травы не бесплатно отдаешь лекарям. Вик зарабатывает. И он не зря боится за своих девчонок. Если власть в городе действительно когда-нибудь возьмет Валгас, многим придется туго. А уж Вика Скиндла вместе с его женой, пятью дочерьми и всеми белу он выкинет из дома в первый же день! Что касается камня, о котором сказал Вик, то что с того? Кто только не искал Рубин Антара! И я, будучи зеленым маль-

чишкой, пытался простукивать крепостные стены. Это легенды. Гораздо важнее, что Валгас хочет власти. И за эти годы, пока Валгас в городе, о нем сложилось мнение как об элбане, который добивается всего, чего хочет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.